

«ГОДЫ ИСПЫТАНИЙ: Ленинград – Урал. Эвакуация и реэвакуация»

«ГОДЫ ИСПЫТАНИЙ: Ленинград – Урал. Эвакуация и реэвакуация»

Сборник научных статей по материалам
IX Всероссийской научной конференции
(08 - 10 ноября 2024 г., город Пермь, Россия)

12+

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ ПЕРМСКОГО КРАЯ
Государственное бюджетное учреждение культуры
Пермского края
«Мемориальный музей-заповедник истории
политических репрессий «Пермь-36»

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Санкт-Петербургский институт истории
Российской академии наук»

12+

Годы испытаний: Ленинград – Урал. Эвакуация и реэвакуация

*Сборник научных статей по материалам
IX Всероссийской научной конференции
(08–10 ноября 2024 г., город Пермь, Россия)*

Пермь,
2025

УДК 94 (470.5)"1941/1945":314.8
ББК 63.3 (2) 622-2
Г59

Г59 **Годы испытаний:** Ленинград – Урал. Эвакуация и реэвакуация: сборник научных статей по материалам IX Всероссийской научной конференции (08–10 ноября 2024 г., город Пермь, Россия) / редакционная коллегия: М.Г. Нечаев (научный редактор), Н.Ю. Семакова, П.В. Миков, П.С. Аликин ; Музей-заповедник «Пермь-36». – Пермь, 2025. – 320 с. : ил. – Текст (визуальный) : непосредственный.

ISBN 978-5-6052906-1-2

В ознаменование 80-летней годовщины полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады Мемориальный музей-заповедник истории политических репрессий «Пермь-36» в ноябре 2024 г. организовал IX Всероссийскую научную конференцию «Годы испытаний: Ленинград – Урал. Эвакуация и реэвакуация».

В рамках конференции рассматривались процессы, связанные с эвакуацией из Ленинграда в Уральский регион и реэвакуацией в годы Великой Отечественной войны.

В настоящем сборнике публикуются статьи участников конференции.

Авторы освещают различные аспекты эвакуации промышленных предприятий и учреждений культуры, образования, экономические и транспортные вопросы эвакуации и реэвакуации, судьбы эвакуированных ленинградцев в тылу и их влияние на социокультурные процессы на Урале, идеологический и политический контроль в годы Великой Отечественной войны.

Тексты публикуются в авторской редакции.

Материалы сборника адресованы историкам, архивистам, музейным работникам и всем интересующимся Отечественной историей XX века.

Редакционная коллегия:

*М.Г. Нечаев (научный редактор, канд. ист. наук),
Н.Ю. Семакова (руководитель проекта),
П.В. Миков (составитель),
П.С. Аликин (составитель).*

***Издание осуществлено по заказу
администрации губернатора Пермского края
в рамках реализации государственной программы
«Общество и власть».***

ISBN 978-5-6052906-1-2

© Государственное бюджетное учреждение культуры Пермского края «Мемориальный музей-заповедник истории политических репрессий «Пермь-36», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Хузин Е.И.</i> Вступительное слово	8
<i>Сапко И.В.</i> Приветствие	10
<i>Семакова Н.Ю.</i> Вступительное слово	12
<i>Нечаев М.Г.</i> Предисловие	14
Раздел I. Социально-экономические аспекты блокады и эвакуации	21
<i>Дементьев Б.П.</i> Ленинград – Урал: эвакуация в годы Великой Отечественной войны	21
<i>Нечаев М.Г.</i> Эвакуация ленинградских промышленных предприятий в Молотовскую область	27
<i>Алексушин Г.В.</i> Эвакуация и реэвакуация столицы СССР в годы Великой Отечественной войны	49

Мухин М.Ю.

Одиссея авиазавода № 381:

Ленинград – Нижний Тагил – Москва 60

Огнетова М.Б.

Эвакуация предприятий Ленинграда

в Нижний Тагил в годы Великой

Отечественной войны 66

Алексеева В.А., Смагина М.П.

Вклад Ижорских заводов

в отечественное танкостроение 76

Солнышкин А.А.

Эвакуация населения, предприятий

и учреждений из Ленинграда

в Молотовскую область по документам

Центрального государственного

архива Санкт-Петербурга 89

Арестов В.А.

Эвакуация работников

прокурорско-следственных

и судебных учреждений Ленинграда

и Ленинградской области

в Молотовскую область 97

Сарабеев В.Ю.

Ленинградский военно-механический

институт в городе Молотове

(по документам Государственного

архива Пермского края) 105

Шевырин С.А.
История эвакуации из Ленинграда
Особого конструкторского бюро
в г. Молотов 112

**Раздел II. Эвакуация в человеческом
измерении: судьбы взрослых и детей 121**

Конивец А.В.
Из Ленинграда – на Урал. Спасение детей
в годы Великой Отечественной войны 121

Пляшешник Н.М.
Виктор Васильевич Дорофеев:
судьба мальчишки с набережной
Фонтанки в реалиях
провинциального Оренбуржья 137

Катаев Д.С.
«Судьбы ленинградцев в эвакуации
на Урале»: совместный онлайн-проект
Государственного архива
Пермского края и Объединенного
государственного архива
Челябинской области 147

Елтышева Л.Ю.
Кунгур для эвакуированных ленинградцев
в годы Великой Отечественной войны 156

Остальцев К.А.
Обретшие новый дом 171

Ревенко Л.В.
«Мысли все, чтобы поесть,
поесть и поесть.
Как это ужасно!» 185

Хаярова П.В., Голдобин А.В.
Политико-идеологический контроль
репрессированного населения
спецпоселка Сергеевский
в годы Великой Отечественной войны
и в первый послевоенный период 201

**Раздел III. Культурная революция тыла:
фактор эвакуированных.
Сохранение памяти о блокаде и эвакуации 217**

Красовитова М.Г, Аристова А.К.
Русский музей: Блокадные хроники 217

Цыгикало Е.А.
Повседневная жизнь сотрудников
Эрмитажа во время войны
и блокады Ленинграда
в дневниках и воспоминаниях 233

Беляева Н.В.
Искусство вынесли на своих руках 246

Янковская Г.А.
Будни военного времени в истории
Пермской художественной галереи
1941–1945 гг. (по материалам РГАЛИ) 260

Козлова В.Ю.

Роль эвакуированных ленинградцев
в развитии культуры Молотова (Перми)
в 1941-1945 гг. 277

Нетбаева Д.А.

Малегот: театр в эвакуации
(о пребывании в Оренбурге
Ленинградского государственного
академического Малого оперного театра) 297

Олейник Р.Р.

«Музыка между прочим лучше текста»:
жизнь и творчество А.П. Гладковского
в эвакуации (1941–1944 гг.) 309

Булышев В.А.

Композитор Леонид Леонгардович Мель,
житель Ленинграда и Чернушки 313

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Уважаемые коллеги, участники IX Всероссийской научной конференции «Годы испытаний: Ленинград – Урал. Эвакуация и реэвакуация»!

Сборник, который вы держите в руках, представляет собой плод многолетней работы исследователей, посвятивших себя изучению одного из самых трагических и, одновременно, героических периодов в истории нашей страны – Великой Отечественной войны. Эвакуация ленинградцев на Урал стала беспрецедентной по масштабам операцией, изменившей судьбы миллионов людей и оставившей глубокий след в памяти поколений.

Представленные материалы охватывают широкий спектр вопросов, связанных с процессом эвакуации и реэвакуации, адаптацией ленинградцев к новым условиям жизни на Урале, вкладом эвакуированных в развитие промышленности и культуры региона. Особое внимание уделено повседневной жизни, проблемам и достижениям людей, вынужденных покинуть родной город в поисках спасения.

Музей-заповедник «Пермь-36» как исследовательский центр, специализирующийся на изучении истории советского периода, активно ведет методическую и просветительскую работу, организуя публичные лекции и реализуя

социально значимые проекты для молодежи. Проведение научных конференций, при поддержке Администрации губернатора Пермского края, Министерства культуры Пермского края и Уполномоченного по правам человека в Пермском крае, является неотъемлемой частью этой деятельности. За прошедшие годы на девяти конференциях прозвучало более 280 докладов, посвященных различным аспектам истории.

Особое внимание уделяется событиям Великой Отечественной войны. IX Всероссийская конференция стала логическим продолжением мероприятий, посвященных 80-летию полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады. Музей-заповедник «Пермь-36» активно участвовал в работе организационного комитета Пермского края по подготовке к этой знаменательной дате.

Проведение конференций включено в План мероприятий по реализации Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий на территории Пермского края, что подчеркивает значимость общей работы в сохранении исторической памяти.

Надеюсь, что данный сборник станет ценным источником информации для историков, краеведов и всех, кто интересуется историей Великой Отечественной войны и судьбой ленинградцев в годы испытаний.

*Хузин Евгений Ильдусович,
директор департамента общественных проектов
Администрации губернатора Пермского края*

ПРИВЕТСТВИЕ

Уважаемые организаторы и участники IX Всероссийской научной конференции «Годы испытаний: Ленинград – Урал. Эвакуация и реэвакуация»!

Рад приветствовать Вас на Всероссийской научной конференции, посвященной 80-летию освобождения Ленинграда от фашистской блокады.

Благодарен Мемориальному музею-заповеднику истории политических репрессий «Пермь-36», который при поддержке партнеров ежегодно объединяет единомышленников, историков, исследователей со всей России, неравнодушных к судьбе Родины.

Годовщина освобождения Ленинграда – это значимая дата не только для Санкт-Петербурга и Ленинградской, Псковской и Новгородской областей, но и для Пермского края.

События Великой Отечественной войны неразрывно связали северную столицу России и Прикамье. Молотовская область (ныне Пермский край), расположенная в глубоким тылу и имевшая к началу Великой Отечественной войны значительный промышленный потенциал и высокий уровень культурного развития, обладала необходимыми условиями для размещения эвакуированных предприятий и учреждений культуры и образования из Ленинграда и Ленинградской области. Пермь стала центром эвакуа-

ции жителей блокадного Ленинграда, пристанищем театра им. Кирова, приняла для хранения коллекции Русского музея и Эрмитажа. Из Ленинграда было эвакуировано 18 промышленных предприятий – значимая часть от более чем полутора сотен заводов, перемещенных и развернутых в регионе. Среди них Ленинградский монетный двор Гознака, размещенный в Краснокамске, и электротехнический завод, положивший начало производству средств связи в Перми.

Вклад ленинградцев в жизнь и развитие Прикамья не оценим. Сегодня нам важно сохранять историческую память о суровых событиях Великой Отечественной войны. Как говорит Президент Российской Федерации Владимир Путин: «Сохранение исторической памяти – это не только проявление уважения к прошлому, но и гарантия единства народа и суверенитета государства в будущем». Очень важно и радостно, что сегодня молодежь активно включается в эту работу.

Желаю всем участникам конференции интересной, плодотворной и конструктивной дискуссии. Уверен, что конференция внесет существенный вклад в выработку единых подходов к изучению и оценке исторических событий, уважению прав человека.

***Сапко Игорь Вячеславович,**
Уполномоченный по правам человека
в Пермском крае*

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Музей-заповедник «Пермь-36» является центром научно-методической работы по изучению отечественной истории XX века. Миссия музея – сохранение памяти о сложных страницах прошлого.

Одной из важнейших форм просветительской деятельности учреждения стали ежегодно организуемые Всероссийские научные конференции, которые являются событием, уникальным для исторических музеев страны. Они аккумулируют исследования множества авторов из разных регионов. Важно отметить, что интерес к общему прошлому объединяет и заслуженных ученых, и студентов, только делающих свои первые шаги в науке.

Сборники материалов, издаваемые по итогам конференций и размещаемые в Российском индексе научного цитирования, позволяют воочию оценить степень научной разработанности освещаемых проблем. Тезисы всех докладов проходят экспертную оценку в отношении актуальности тематики и соответствия требованиям к академическим публикациям.

Конференции, проводимые Музеем, трижды были непосредственно посвящены событиям Великой Отечественной войны: в 2016 году – «ГУЛАГ: эхо войны и эхо Победы», в 2020 году – «Война нас гнула и косила: судь-

бы людей на войне и в тылу», в 2024 году – «Годы испытаний: Ленинград – Урал. Эвакуация и реэвакуация». В 2023 и 2024 годах конференции организованы совместно с Санкт-Петербургским институтом истории РАН – ведущим научным учреждением страны, специалисты которого всегда охотно оказывают содействие коллегам в регионах России.

Мы благодарим всех участников конференции и надеемся на дальнейшее сотрудничество!

***Семакова Наталия Юрьевна,**
директор Музея-заповедника «Пермь-36»*

ПРЕДИСЛОВИЕ

8–10 ноября 2024 года состоялась IX Всероссийская научная конференция «Годы испытаний: Ленинград – Урал. Эвакуация и реэвакуация». Конференция организована Мемориальным музеем-заповедником истории политических репрессий «Пермь-36» и Санкт-Петербургским институтом истории РАН при поддержке Администрации губернатора Пермского края, Министерства культуры

Пермского края и Уполномоченного по правам человека в Пермском крае. Пленарное заседание и работа секций конференции проведены в Пермской государственной краевой универсальной библиотеке им. А.М. Горького.

В конференции приняли участие историки, педагоги, краеведы, музейные и архивные работники – всего 48 исследователей из восьми субъектов Российской Федерации (Пермский край, Москва, Санкт-Петербург, Республика Башкортостан, Новгородская область, Оренбургская область, Самарская область, Свердловская область). В рамках конференции докладчики рассмотрели процессы, связанные с эвакуацией из Ленинграда в Уральский регион и последующей реэвакуацией. Выступления были посвящены истории людей и организаций, эвакуированных из Ленинграда в годы войны, работе предприятий и учреждений культуры в период эвакуации, а также социальным факторам эвакуации и ее отражению в искусстве.

На пленарном заседании прозвучали доклады: Михаила Нечаева – кандидата исторических наук, главного научного сотрудника Музея-заповедника «Пермь-36», доцента Пермского национального исследовательского политехнического университета («Эвакуация ленинградских промышленных предприятий в Молотовскую область»), Марины Старковой – кандидата политических наук, заместителя директора Пермского государственного архива социально-политической истории («Эвакуированные жители Ленинграда в Молотовскую область: информационные ресурсы ПермГАСПИ») и Галины Янковской – доктора исторических наук, заведующей кафедрой междисциплинарных исторических исследований Пермского государственного национального исследовательского университета («Будни военного времени в истории Пермской художественной галереи 1941–1945 гг.: по материалам РГАЛИ»). Выступающие осветили экономические, социальные и культурные факторы эвакуации в Прикамье. Каждое из этих направлений исследований было представлено в докладах участников на тематических секциях.

Работу секции «Социально-экономические аспекты блокады и эвакуации» открыли доктор исторических наук, профессор Самарского экономического университета Глеб Алексушин (доклад «Эвакуация и реэвакуация столицы СССР в годы Великой Отечественной войны») и доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН Михаил Мухин (доклад «Одиссея авиазавода № 381: Ленинград – Нижний Тагил – Москва»). В их выступлениях были освещены малоизученные управленческие решения Государственного комитета обороны. Тематически близким к ним стал доклад директора Муниципального архива социально-правовых доку-

ментов города Нижний Тагил Марины Огнетовой об эвакуации предприятий Ленинграда в Челябинскую область. Прозвучали содержательные доклады архивных работников: главные археографы научно-исследовательского отдела Государственного архива Пермского края Владимир Арестов и Виталий Сарабеев осветили историю эвакуации в Молотовскую область ленинградских работников прокуратуры и Ленинградского военно-механического института, а ведущий архивист Центрального государственного архива Санкт-Петербурга Андрей Солнышкин рассказал о документах, посвященных эвакуации населения, предприятий и учреждений из Ленинграда в Прикамье. Директор Пермского автомобильного музея «Ретро-Гараж» Александр Черепанов в своем выступлении остановился на роли и значении транспорта в эвакуации Ленинграда в Молотов. Тему репрессированных в эвакуации раскрыли доцент Пермского гуманитарно-педагогического университета Сергей Шевырин (доклад «История эвакуации из Ленинграда Особого конструкторского бюро в г. Молотов») и доцент Уральского экономического университета Евгений Киселев («Петр Якир: взгляд очевидца. Пенитенциарные учреждения Северного Урала в начале Великой Отечественной войны»). В выступлении аспиранта НИУ ВШЭ Владислава Тюрина на обширном материале были освещены вопросы теневой экономики в жилищной сфере в контексте реэвакуации 1940-х годов. Активное участие в обсуждении докладов принял главный археограф отдела научно-справочного аппарата ПермГАСПИ Михаил Гриф.

Жизни и личные истории ленинградцев оказались в центре внимания второй секции конференции – «Эвакуация в человеческом измерении: судьбы взрослых и детей». Докладчиками были раскрыты темы условий блокады

Ленинграда, восприятие блокады как ленинградцами, так и их родственниками вне города, маршруты эвакуации из Ленинграда, жизнь эвакуированных на новых местах. Работу секции открыло выступление старшего научного сотрудника Санкт-Петербургского института истории РАН Дмитрия Асташкина, исследовавшего современную историографию эвакуации ленинградских детей. Часть докладов объединялась темой жизни в блокадном городе, опыту эвакуации и трудностям на новых местах (Анна Конивец «Из Ленинграда – на Урал. Спасение детей в годы Великой Отечественной войны», Елена Стальмак «Ленинград – Соколка: по страницам эвакуации школы 314 Ленинграда», Павел Миков «Маршруты и эвакуационный транспорт для юных ленинградцев в Молотовскую область»). В основу большинства исследований легли эго-документы эвакуированных ленинградцев. Дневники и письма раскрывали не только личный, «низовой» взгляд блокадников, но и восприятие местным населением эвакуированных («выковыренных») ленинградцев (Ольга Лядова «Под свое крыло тепло приняли», Константин Остальцев «Обретшие новый дом», Лариса Елтышева «Кунгур для эвакуированных ленинградцев в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», Надежда Пляшешник «Виктор Васильевич Дорофеев: судьба мальчишки с набережной Фонтанки в реалиях провинциального Оренбуржья»). Помимо этого, обращение к эго-документам было рассмотрено не только как одна из форм микроисторических исследований, но и как педагогическая практика. На примере опыта реализации межрегионального проекта «Спасенное детство» докладчиками из Санкт-Петербурга (Анна Попова «История эвакуации лагеря ленинградского Литературного фонда в годы Великой Отечественной войны», Елизавета Белобо-

родова и Арина Говорова «Организация исследовательской деятельности учащихся на примере межрегионального исторического проекта „Спасенное детство“») были продемонстрированы возможности приобщения учащихся к исследовательской деятельности через их личные обращения к истории своих семей. Также прошло обсуждение необходимости сохранения наследия предков как неотъемлемой практики в политике сохранения памяти (Александра Зверева «Эвакуация из блокадного города: из ленинградцев в москвичей», Людмила Ревенко «Мысли все, чтобы поест, поест и поест. Как это ужасно!»). Доклад заместителя директора Государственного музея истории Санкт-Петербурга Ирины Карпенко раскрыл тему реэвакуации и обустройства детских учреждений в Ленинграде в 1944–1946 гг. Вопросы контроля со стороны советской власти были освещены в докладе магистранта Пермского гуманитарно-педагогического университета Полины Хаяровой и ее преподавателя Анатолия Голдобина «Политико-идеологический контроль репрессированного населения поселка Сергеевский в годы Великой Отечественной войны». В целом, на секции отмечен высокий научный уровень представленных докладов и сообщений, широкий спектр обсуждаемых историко-социальных проблем.

Заседание третьей секции конференции («Культурная революция тыла: фактор эвакуированных. Сохранение памяти о Блокаде и эвакуации») было посвящено культуре и искусству в период эвакуации, а также особенностям транспортировки произведений искусства из блокадного Ленинграда. Выступающие также уделили внимание значению этих событий для исследовательской, музейной и архивной деятельности. Секцию открыл доклад президента Пермской государственной художественной га-

лереи Надежды Беляевой. Она рассказала об эвакуации произведений искусства Государственного Русского музея в Молотов. В докладе были подробно раскрыты разные аспекты процесса: от подготовки к транспортировке до реэвакуации. Далее были заслушаны доклады музейных работников из Санкт-Петербурга, Екатеринбурга и Пермского края, рассказывающие об эвакуации Русского музея и Эрмитажа в Свердловскую область. Вторая половина работы секции была посвящена проектам, связанным с сохранением исторической памяти о деятелях искусства и шедеврах, важных для понимания темы эвакуации. Например, директор Государственного архива Пермского края Юлия Кашаева осветила формирование открытого тематического комплекса документов об эвакуации в виртуальных выставочных проектах ГАПК. Главный археограф ГАПК Денис Катаев представил онлайн-проект о судьбах эвакуированных ленинградцев, а главный архивист отдела научно-публикаторской деятельности Пермского архива социально-политической истории Екатерина Кобелева – информационные ресурсы ПермГАСПИ об эвакуации промышленных предприятий и учреждений Ленинграда в Молотовскую область. Заместитель директора пермского Культурно-просветительского центра Вероника Козлова рассказала о роли эвакуированных ленинградцев в развитии культуры Молотова (Перми). Большое впечатление на слушателей произвел доклад доцента Пермского филиала Волжского государственного университета водного транспорта Аркадия Константинова, рассказавшего о музейных проектах по теме эвакуации и представившего редкие предметы военных лет из своей личной коллекции. Доклады участников секции были обширны как по тематике, так и по содержанию и охватывали множество событий

и процессов, важных для сохранения исторической памяти о подвиге пермяков, занимавшихся спасением картин и размещением эвакуированных деятелей искусства.

Для участников конференции были организованы творческая встреча с авторами фильма-выставки «Город-герой Ленинград» – директором Центрального выставочного зала «Манеж» Анной Яловой и режиссером Антоном Оконешниковым, показ документального фильма Виктории Баженовой «Блокада. Всегда со мной», а также вечерняя культурная программа. 10 ноября состоялась поездка в Музей-заповедник «Пермь-36» с проведением тематической экскурсии.

Конференция «Годы испытаний» стала важным шагом в изучении проблем эвакуации и реэвакуации военных лет. На ней были раскрыты малоизвестные страницы истории Великой Отечественной войны, сказано много нового о биографиях тружеников тыла и деятелей культуры, работавших в эвакуации. Открытия, сделанные докладчиками, документальные источники, впервые введенные ими в научный оборот, играют значительную роль в развитии исторического просвещения наших соотечественников.

Конференция направлена на укрепление межрегиональных культурных связей, актуализацию памяти о трудовой доблести советских людей. Это имеет большое просветительское значение, способствуя сохранению исторической памяти, противодействию попыткам фальсификации истории.

Нечаев Михаил Геннадьевич,
кандидат исторических наук,
главный научный сотрудник
Музея-заповедника «Пермь-36», доцент
Пермского национального исследовательского
политехнического университета

РАЗДЕЛ I. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БЛОКАДЫ И ЭВАКУАЦИИ

ЛЕНИНГРАД – УРАЛ: ЭВАКУАЦИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Дементьев Борис Петрович
доктор исторических наук,
профессор кафедры истории и археологии
Пермского государственного национального
исследовательского университета
b-demen@yandex.ru

Аннотация: В статье анализируются структура и масштабы ленинградской эвакуации; создание специальных комиссий по приему эвакуированных и координации действий государственных и хозяйственных организаций; создание на базе ленинградских эвакуированных предприятий танковых заводов; размещение и обустройство эвакуированных детей; создание различных оборонных производств, в том числе на основе ленинградских особых конструкторских бюро; подготовка на базе эвакуированных институтов и училищ военно-технических кадров; эвакуация ленинградских культурных фондов; бытовые условия эвакуированных.

Ключевые слова: Ленинград, Урал, эвакуация, комиссии, танки, институты, бытовые условия.

**LENINGRAD – URAL:
EVACUATION At YEARS
of the GREAT PATRIOTIC WAR**

Dementiev Boris P.

*Doctor of the history sciences,
professor of the pulpit to histories
and archeologies Perm state national
exploratory university
b-demen@yandex.ru*

Abstract: In article are analyzed: structure and scales to leningrad evacuation; making the special commissions on acceptance evacuated and co-ordinations action state and economic organization; creation on the base leningrad evacuated enterprise tank factories; the accomodation and development evacuated children; creation different defense production and including on base leningrad person design agency; preparation on the base evacuated institute and school military-technical personnel; the evacuation of the leningrad cultural fund; the home conditions evacuated.

Keywords: Leningrad, Ural, evacuation, commission, tanks, institutes, home conditions.

В самом начале войны, 24 июня 1941 г., при Совнаркоме СССР создается Совет по эвакуации. И уже 27 июня 1941 г. постановлением Совнаркома определяется порядок эвакуации (люди, имущество, документация, и т.д.) [3, с.17].

Особая страница в истории эвакуации в годы войны – это эвакуация из блокадного Ленинграда. В три волны эвакуации (с августа 1941 г. по декабрь 1943 г.) было вывезено 1 млн. 763 тыс. 129 человек и 92 крупнейших предприятия. Боль-

шая часть и людей, и предприятий разместилась на Урале и в Сибири.

На Урале развернулось самое массовое в мире танковое производство – Челябинск, Свердловск, Нижний Тагил. В Челябинске ленинградский Кировский завод соединился с Челябинским тракторным, а также эвакуированным Харьковским дизель-моторным и другими производствами – в результате появился гигантский «Танкоград» (Челябинский Кировский завод – ЧКЗ). При Кировском заводе было ленинградское конструкторское бюро (СКБ-1, СКБ-2). Надо было учитывать еще и тот факт, что рабочие эвакуировались вместе с семьями – эвакуировался один завод, а переселялись десятки тысяч женщин и детей. Нужно было одновременно и налаживать быт эвакуированных, и наращивать производство. Завод давал 3/4 всех тяжелых танков (КВ, ИС), а также легендарные Т-34. Рабочие смены были по 11 часов, к концу 1943 г. 30 танков в день сходило с конвейера. Всего за годы войны ЧКЗ дал фронту 18 тыс. танков и САУ [1, с.3-4].

Отдельная проблема эвакуации – дети, их размещение и обустройство. В Челябинскую область прибывали детские дома – 123, интернаты – 78, детские сады – 65, дома ребенка – 15, детские санатории – 5. Это около 30 тыс. детей. Эвакуационные комиссии работали круглые сутки без перерывов и выходных [2, с.21].

В Свердловске в конце июля 1941 г. прошло совещание руководителей государственных и крупнейших хозяйственных организаций Урала, на котором обсуждались вопросы о размещении эвакуированных предприятий и населения. Была определена необходимая координация действий. Встреча и размещение эвакуированных осуществлялись под непосредственным руководством областных, городских и районных властей, были образованы специальные комиссии.

В Свердловскую область к концу июля 1941 г. эвакуировали 40 тыс. чел. (ленинградский электромеханический, ижорский, часть Кировского). Только на Уралмаш эвакуировали больше 18 тыс. человек. В областном центре управление по делам эвакуации занималось приемом и размещением эвакуированных, а инспекционные службы – в городах. Уралмаш дал фронту около 6 тыс. танков, 30 тыс. орудий, 19 тыс. бронекорпусов.

Еще один гигант танкостроения – Нижний Тагил. Его заводы (на базе Уралвагонзавода и ленинградских № 120, 381) изготовили более 10 тыс. знаменитых Т-34 [4, с.4-5].

В Пермскую (Молотовскую) область прибыли из Ленинграда: завод № 224 наркомата авиационной промышленности – все производство авиационных и морских приборов, завод № 354 оптического стекла – все бинокли и прицелы, завод № 629 электромеханический – все производство фронтальных телефонов (а с 1944 г. и массовое производство гражданских телефонов), ленинградские заводы № 6, 52, 59, 101 дали рождение гиганта – Пермского порохового завода (80 % всех порохов для фронта). В Перми работали и эвакуированные «шарашки», где были и осужденные ленинградские ученые, конструкторы, в том числе знаменитого артиллерийского Особого конструкторского бюро (ОКБ), кто создавал прорывные артиллерийские технологии на пермском заводе № 172 [2, Ф.105. Оп.12. Д.107. Л.15].

В Башкирии Уфимский моторостроительный завод, усиленный ленинградскими авиадвигателями (№ 45, 234, 451) стал оснащать боевые самолеты авиадвигателями. Ленинградские заводы выпускали от цемента и электропромышленной аппаратуры до синтетики и резины [4, Ф.122. Оп.24. Д.408. Л.10].

В Удмуртии была создана мощная и разнообразная система подготовки военно-технических кадров: на базе эвакуированных ленинградских – технического училища, военно-пехотно-

го училища, артиллерийской школы, химико-технологического училища, научно-исследовательских институтов различного профиля.

В Оренбургской (Чкаловской) области ленинградский эвакуированный завод № 47 стал массово производить сначала учебно-тренировочные (УТ-1, УТ-2), а затем и боевые популярные на фронте истребители ЯК-1, ЯК-6, транспортно-десантные самолеты ТДС-1 [1, Ф.267. Оп.14. Д.111. Л.108].

Из Ленинграда на Урал эвакуировали не только заводы, рабочих и членов их семей, но и театры, музеи, институты.

В Свердловске были размещены шедевры Эрмитажа – 2 эшелона комплектов, которые поместились на хранение только в трех зданиях.

В Пермскую область эвакуировали Кировский (Мариинский) театр оперы и балета (3 военных сезона), Государственный Русский музей, Ленинградский ГЮЗ, Монетный двор.

В Челябинскую область – 7 ленинградских институтов.

В Удмуртию – экспонаты Исаакиевского собора, Царского Села, Гатчины, Петергофа, Павловска, Летнего домика Петра I.

Эвакуация была массовая и многоплановая. Необходимо было размещать и производственные предприятия, и работников, и членов их семей. Многие уральские городские и районные пункты увеличили народонаселение в 2-3 раза. Размещать было практически некуда. Людей размещали на заводских площадках, в школах, клубах, в бараках (порой без отопления, освещения, горячей воды), на чердаках, в подвалах, в полуземлянках и даже землянках. Эвакуированных вынужденно размещали и по местным квартирам. Понятно, что не везде встречали с энтузиазмом, было местами и негативное отношение к эвакуированным [3, Ф.17. Оп.88. Д.381. Л.78]. В этих условиях разъяснительную оперативную работу комиссий по эвакуации, агитаторов трудно было переоценить.

Таким образом, эвакуация ленинградских предприятий, человеческого контингента на Урал потребовала максимального напряжения сил, концентрации ресурсов и координации действий государственных, хозяйственных и общественных организаций. Ленинградские заводы, конструкторы, ученые значительно усилили военно-экономический потенциал Урала, развитие технологий, необходимых для фронта.

Список литературы

1. Военная промышленность на Урале // URL: <https://urban-hero.ru.livejournal.com/22618.html> (дата обращения: 01.07.2024)
2. Дети Ленинграда на Урале: воспоминания, дневники, письма, документы о жизни на Урале детей, эвакуированных из Ленинграда во время Великой Отечественной войны 1941-1945 годов. – Пермь, Перм. кн. изд., 2019. 96 с.
3. Лукьянин В.П. Эвакуация 1941-1942 гг. – М., Вече, 2023. – 512 с.
4. Танковая промышленность: испытание эвакуацией // URL: <https://warspot.ru/3385-tankovaya-promyshlennost-ispytanie-evakuatsiey> (дата обращения: 01.07.2024)

Список источников

1. Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО)
2. Пермский государственный архив социально-политической истории (ПГАСПИ)
3. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ)
4. Центральный государственный архив общественных организаций Республики Башкортостан (ЦГАОО РБ)

ЭВАКУАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ЛЕНИНГРАДА В МОЛОТОВСКУЮ ОБЛАСТЬ (ПЕРМСКИЙ КРАЙ)

Нечаев Михаил Геннадьевич

канд. ист. наук,

*доцент кафедры государственного управления
и истории Пермского национального*

исследовательского политехнического университета,

г.н.с. Музея-заповедника «Пермь-46», Пермь

mgn4@mail.ru

Аннотация: После Москвы Ленинград был вторым по значению городом СССР. Он давал стране почти четверть от всей продукции тяжёлого машиностроения и треть продукции электротехнической промышленности. В нём действовало более трёхсот крупных промышленных предприятий. Однако в связи с блокадой Ленинграда, с одной стороны, трудно было сохранить и использовать экономический потенциал города, а с другой стороны, эвакуация как населения, так и предприятий требовала огромных усилий. Битва за Ленинград является героической страницей в истории Великой Отечественной войны, и внимание исследователей было обращено прежде всего на изучение проблем жизни осаждённого города и на военные аспекты обороны. Только в последнее время стали уделять более пристальное внимание судьбе и значению эвакуированных ленинградских предприятий в экономической победе над фашистской Германией. В предлагаемой статье делается попытка системно реконструировать картину эвакуации

в Молотовскую область (Пермский край) ленинградских промышленных предприятий. В данном исследовании, в том числе на основании новых документальных источников, раскрывается не только ход эвакуации, но и те возможности, которые в связи с этим возникли.

Ключевые слова: эвакуация, Молотовская область, Ленинград, полевой телефон, пороховой завод, оптико-механическая промышленность, Гознак, монетный двор, табачная фабрика

EVACUATION OF INDUSTRIAL ENTERPRISES OF LENINGRAD TO MOLOTOVSKAYA OBLAST (PERM KRAI)

Mikhail Nechaev

candidate of historical sciences,

*associate professor of public administration and history
of Perm National Research Polytechnic University, Perm*

mgn4@mail.ru

Abstract: Leningrad was the second most important city in the USSR, after Moscow. It supplied the country with almost a quarter of all heavy machinery products and a third of electrical industry products. It had more than three hundred large industrial enterprises. However, due to the siege of Leningrad, on the one hand, it was difficult to preserve and use the economic potential of the city, and on the other hand, the evacuation of both the population and enterprises required enormous efforts. The Battle of Leningrad is a heroic page in the history of the Great Patriotic War, and the attention of researchers was focused primarily on studying the problems of life in the besieged city and the military aspects of defense. Only recently have they begun to pay closer attention

to the fate and importance of the evacuated Leningrad enterprises in the economic victory over Nazi Germany. The proposed article attempts to systematically reconstruct the picture of the evacuation of Leningrad industrial enterprises to the city of Molotov Oblast (Perm Krai). This study, based on new documentary sources, reveals not only the course of the evacuation, but also the opportunities that have arisen in in this regard.

Key words: evacuation, Molotov Oblast, Leningrad, field telephone, powder factory, optical and mechanical industry, Goznak, mint, tobacco factory.

29 августа 1941 г. был утверждён план эвакуации предприятий и населения из Ленинграда на 10 дней с 30 августа по 8 сентября, подписанный В.М. Молотовым, Г.М. Маленковым, А.Н. Косыгиным и А.А. Ждановым. По этому плану намечалось подготовить для вывоза оборудования и рабочих 12 313 вагонов. Приняли решение эвакуировать из Ленинграда 250 000 человек, в первую очередь женщин и детей, и 66 000 человек населения из прифронтовой полосы, исходя из среднесуточной подачи – 790 вагонов [1, с. 211-212]. Однако 29 августа 1941 г. вышедшие из Ленинграда ранним утром два эвакопоезда последними успели проскочить разбитую вражескими самолетами станцию Мга. На другой день немецкие войска заняли эту станцию, перерезав, таким образом, последнюю железнодорожную линию, связывавшую Ленинград со страной. К этому времени из Ленинграда было отправлено 282 эвакопоезда, которые успели вывезти из города 636 203 человека: женщин с двумя и более детьми – 219 691, взрослое нетрудоспособное население – 104 692 человека, рабочих и служащих, выехавших с предприятиями и учреждениями, – 164 320 человек, беженцев из Прибалтийских республик и Карело-Финской ССР – 147 500 человек [2, с. 44].

В соответствии с указанием Совета по эвакуации в Молотовскую область на 28 июля 1941 года прибыло эвакуированных 28 417 человек, в том числе 5880 детей. Начальник эвакуопункта Молотовского облисполкома Л.Н. Грошев отмечал в своих воспоминаниях, что за первые месяцы войны через город Молотов (Пермь) было «пропущено» 3 миллиона человек: по 30-33 тысячи эвакуированных в сутки [3, с. 242]. Только с 1 января по 1 мая 1942 г. через пермский эвакуопункт проследовал 131 эшелон с эвакуированными из города Ленинграда в общем количестве 128 221 человек [4, с. 66]. Для эвакуированных из города Ленинграда на железнодорожных станциях было организовано диетическое питание. Кроме обедов, каждому эвакуированному из города Ленинграда через ларьки на перроне вокзала Пермь II выдавался сухой паёк, состоящий из 800 г хлеба (из которых детям и больным 400 г белого), 50 г масла, 50 г сахара или конфет, 100 г колбасы, 100 г селедки (для здоровых), 2 шт. яиц, или 100 г сыру, или 200 г сырковой массы (для детей и больных). Всего сухих пайков выдано было к 11 мая 1942 г. 128 221. За время войны пермский эвакуопункт обслужил 1382 эшелона с эвакуированными – почти 1 млн. 416 тыс. человек, в том числе более 379 тыс. ленинградцев [5, л. 7]. Таким образом, ленинградцы составляли 27 % всех эвакуированных через эвакуопункт.

Если в период с 22 июня по 20 августа 1941 г. в Молотовскую область эвакуировали 50 509 человек, то с 22 июня 1941 г. по 10 июня 1942 г. их уже стало 340 074 человека. Из Ленинграда всего эвакуированных было соответственно 11 341 человек (22 % всех эвакуированных) и 139 751 человек (41 % всех эвакуированных) [Табл. 1]. Большинство эвакуированных – это специалисты, которые были направлены эшелонами вместе с оборудованием предприятий. Всего

таких «организованных» среди эвакуированных оказалось соответственно 79 % и 89 % [Табл. 1].

Табл. 1

**Динамика эвакуации населения
в Молотовскую область
(Пермский край) и в город Молотов (Пермь)
20 августа 1941 г. – 10 июня 1942 г. [6, л. 55; 7, л. 250]**

№	Эвакуация населения	По состоянию на 20 августа 1941 г.		По состоянию на 10 июня 1942 г.			
		Кол.	%	Кол.	%		
В Молотовскую область							
1.	Всего размещено	40 167	100 %	259 268	100 %		
2.	Детей	11 218	28 %	80 842	31 %		
3.	Организованно («эшелоном»)	31 854	79 %	232 242	89 %		
4.	Индивидуально	6734	17 %	27 026	11 %		
5.	Наркоматы	1579	4 %	-	-		
В Молотов							
6.	Всего размещено	11 697	29 %	100 %	74 599	29 %	100 %
7.	Детей	1943	5 %	17 %	8882	3 %	12 %
8.	Организованно («эшелоном»)	6826	17 %	58 %	57 952	22 %	78 %
9.	Индивидуально	4625	11 %	39 %	16 647	6 %	22 %
10.	Наркоматы	246	0,6 %	3 %	-	-	-

Всего эвакуировано		50 509	100 %	340 074	100 %
11.	Из Москвы	18 441	37 %	88 027	26 %
12.	Из Ленинграда	11 241	22 %	139 751	41 %
13.	Из прифронтовой полосы	20 827	41 %	112 296	33 %

Параллельно с населением шла эвакуация ленинградских предприятий. В числе вывезенных из Ленинграда за июль 1941 г. – октябрь 1943 г. производственных грузов было 58 тыс. электромоторов, 22 комплекта котельных агрегатов, 23 гидро- и турбогенератора и свыше 70 тыс. единиц различного оборудования. Всего из города было эвакуировано 92 крупнейших предприятия различных отраслей промышленности, в том числе до 8 октября 1941 г. – 86 фабрик и заводов [2, с. 44].

Первый заместитель Председателя СНК (заместителя Председателя Совета Министров) СССР, член Государственного Комитета Обороны СССР, Председатель Госплана СССР, член Политбюро ЦК ВКП(б), действительный член Академии наук СССР Н.А. Вознесенский впервые опубликовал статистику эвакуации предприятий. Он писал, что в течение трёх месяцев 1941 года было эвакуировано в восточные районы СССР более 1360 крупных, главным образом военных, предприятий [8, с. 41]. В 1985 г. была опубликована энциклопедия «Великая Отечественная война 1941–1945», в которой писали: «Во 2-й пол. 1941 было перебазировано на Восток 2593 промышленных предприятий, в том числе 1523 крупных» [9, с. 802].

В советской и постсоветской научной и учебной литературе утвердилось мнение, что в Молотовскую область было эвакуировано 124 предприятия [10, с. 290; 11, с. 332;

12, с. 200; 13, с. 148]. Однако в результате скрупулёзной и системной работы, проведенной составителями энциклопедии «Пермский край в Великой Отечественной войне», а также благодаря базе данных, составленной сотрудниками Пермского государственного архива социально-политической истории (ПермГАСПИ), был составлен перечень эвакуированных предприятий в Молотовскую область. Их насчитывалось 188, из них предприятий, эвакуированных из Ленинграда – 18 (9 %) [14; 15, с. 414-419].

Из них, из Ленинграда и Ленинградской области эвакуированы: Ленинградский телефонный завод в город Молотов, размещен на площадь фабрики «Красный Урал», Завод № 224 (стал № 470) размещен на площадях авиатехникума. Также в городе были размещены Ленинградский завод № 8, Ленинградские пороховые заводы, Ленинградский портовый элеватор, Ленинградский судостроительный завод № 139 и Ленинградский электромеханический завод № 629. Ленинградский завод оптического стекла № 354 размещен в Сарсе, Щучье-Озерского района (в 1960 году переименован в Октябрьский район) на заводе № 542. Ленинградские бумажные фабрики «Гознак» и швейная фабрика им. Володарского, Ленинградский монетный завод в г. Краснокамске, Ленинградский завод «Красный металлист» в г. Нытва. Ленинградский фонарный завод в пос. Ленва г. Березники. Помимо этого, на суперфосфатный завод № 90 эвакуировали водородный цех Ленинградского завода «Метеоприбор» № 244 и сероуглеродный цех Щёлковского химзавода в количестве 40 вагонов [7, л. 525].

Одно из первых предприятий эвакуированных из Ленинграда был электромеханический завод № 8 Главсвязьпрома Народного комиссариата электропромышленности (НКЭП). Эвакуация проходила в период с 10 июля по 9 августа 1941 г.

Из Ленинграда первоначально было эвакуировано свыше 200 единиц основного оборудования, сырье и материалы, лабораторное оборудование, инвентарь и прочие материальные ценности [16, л. 35]. Позже прибывшее оборудование достигло 503 единицы, причем комплектно [17, л. 122, 131-133, 147, 174]. Число эвакуированных рабочих, ИТР и служащих завода № 629 составляло 228 человек и 174 члена их семей, всего 402 человека. Рабочие и члены их семей завода № 629, прибывшие в августе месяце 1941 г., были размещены по квартирам на основании ордеров, выданных райсоветом Кагановического района. Если в 1942 г. на заводе работало 860 рабочих, то в 1943 г. уже 920. К 1945 г. количество рабочих сократилось до 800 [18, л. 35-38].

Монтаж оборудования и организация завода были проведены в рекордно короткий срок в период времени с 10 августа по 1 сентября 1941 г. В сентябре 1941 г. эвакуированное предприятие стало государственным союзным заводом № 629 3-го Главного Управления НКЭП. Размещение завода было произведено в здании бывшей кондитерской фабрики «Красный Урал» и частично во временных постройках строящегося Молотовского телефонного завода. Эвакуированному заводу было передано управление строительства Молотовского телефонного завода (Телефонстрой), реорганизованное в отдел капитального строительства. В мае 1942 г. к заводу была присоединена деревообделочная фабрика промкомбината местной промышленности, что преследовало основную цель обеспечения выпуска полевых телефонных аппаратов деревянными ящиками [16, л. 35].

До эвакуации ленинградский электромеханический завод производил радиотрансляционную арматуру, зарядные станции, сварочные агрегаты, Пупиновские ящики (катушка индуктивности, применяемая на медных кабелях и линиях

связи для увеличения дальности голосовой связи), катушки и прочее. Однако на основании постановления ГКО на завод было возложено задание по освоению массового выпуска военно-полевых телефонных аппаратов УНАФ (Унифицированный аппарат фонический). Завод стал единственным поставщиком полевых телефонных аппаратов для фронта. Только за ноябрь 1942 г. в честь 25-й годовщины Великого Октября сверх плана было изготовлено полевых телефонных аппаратов для обеспечения пяти дивизий [19, л. 2-3].

За годы войны объём производства по валовому выпуску вырос в 11 раз с 2 131 000 рублей в 1941 г. до 23 376 000 рублей в 1945 г., а производительность труда увеличилась в 2,2 раза. В период с 1941 по 1945 гг. было выпущено 234 000 полевых телефонных аппаратов. Выпущенная заводом за годы Отечественной войны военно-полевая телефонная аппаратура неоднократно подвергалась модернизации, в результате чего был создан военно-полевой аппарат УНА-Ф-42-М, который отличался от аппаратов предыдущих типов значительно меньшим весом и повышенными эксплуатационными данными. С начала 1944 г. в соответствии с тем, что потребность Красной Армии в телефонных аппаратах была полностью удовлетворена, постановлением Правительства на завод было возложено новое задание по скорейшему освоению массового выпуска гражданских телефонных аппаратов типа ЦБ, АТС и контрольно-измерительной аппаратуры, а также изделий широкого потребления – электроплиток и пьезоэлектрических репродукторов. Аппаратов ЦБ было произведено за военные годы 202 100 штук, аппаратов АТС – 25 400, микротелефонов – 94 700, конденсаторов – 516 200, контрольно-измерительной аппаратуры – 2 436 000, электроплиток – 24 800, репродукторов – 76 700 [16, л. 37-38].

В конце июля 1941 г. первые эшелоны с оборудованием эвакуированных ленинградских заводов №№ 52, 59, 6, 101 поступили в распоряжение Пермского порохового завода [20, л. 94-97]. Молотовский пороховой завод № 98 (комбинат «К») начал размещать специалистов и оборудование 6 заводов, эвакуированных из Ленинградской, Московской Ростовской и Ворошиловградской (Луганской) областей. Были эвакуированы: заводы № 6 из Шлиссельбурга (производство дымного пороха, 100 единиц оборудования, 824 специалиста); № 52 со станции Поповка (производства динамита и аммонита, безгазового состава «МК», 126 единиц оборудования, 215 специалистов) Ленинградской области; № 100 из города Алексин Московской области (оборудование теплоэлектростанции, 112 специалистов); № 101 из города Каменск-Шахтинский Ростовской области (производства пироксилина и редкоземельных металлов, 382 единицы оборудования, 47 специалистов) и № 59 им. Г.И. Петровского со станции Петровеньки Ворошиловградской (Луганской) области (30 вальцмашин и 37 единиц оборудования) [15, с. 143; 21, с. 1935; 22, с. 68-70; 23, с. 445-446].

На базе эвакуированных предприятий был построен крупнейший пороховой гигант. Осуществляла строительство Особая строительно-монтажная часть № 29, в рапорте председателю ГКО И.В. Сталину о работе в годы войны особо отмечалось: «Завод № 98 был спроектирован, начат строительством и закончен во время Великой Отечественной войны. За 31 месяц построено 137 производственных зданий объёмом 469 000 кубических метров, выполнено 1452 кубических метров земляных работ, уложено 73,2 км. наружных линий, водопровода, канализации, теплосетей, построено 19 411 кв. метров коммунально-бытовых объ-

ектов» [24, с. 107]. За 1941–1945 гг. завод № 98 увеличил продукцию в 43 раза [25, с. 172]. Всего же за годы войны на заводе имени С.М. Кирова был освоен промышленный выпуск крупнозернистого, ружейного, охотничьего, шнуrowого, минного и других видов пороха [23, с.445-446].

Из Ленинграда эвакуировали завод № 224 Наркомата авиационной промышленности (НКАП). Эшелон с оборудованием в 390 единиц прибыл 27 июля 1941 г. и его сумели разместить на площадях авиатехникума. По прибытии завода, при участии обкома партии, был составлен график монтажа и пуска завода. Графиком предусматривалось пустить завод 10 сентября 1941 г., а в действительности он был пущен 12 сентября 1941 г. С 1 апреля 1942 г. завод стал функционировать как самостоятельный завод № 470 [26, с. 84]. Привезенное оборудование составило две трети от общего фонда, а число эвакуированных сотрудников – 412 человек или 47,7 % от число работающих на заводе до эвакуации. На 1 марта 1942 г. на заводе уже работало 1092 рабочих и ИТР [27, с. 347].

В июле 1941 г. на Молотовский судоремонтный завод № 344 на основании решения Совнаркома СССР начали поступать эшелоны с оборудованием и людьми эвакуированных предприятий из Николаева, Ленинграда, Мытищ и Коломны. Ленинградский судоремонтный завод «Судомех» прибыл на барже с электрооборудованием. Мытищинский завод № 592 по производству 85 мм зенитных снарядов выехал из Мытищ 28 октября 1941 г. [26, с. 90]. На базе эвакуированного оборудования с Коломенского и Мытищенского заводов были организованы цеха боеприпасов. В 1941 г. Молотовский судоремонтный завод № 344 выпустил 15 000 снарядов, в 1942 г. – 40 000 снарядов, в 1943 г. – 70 000 снарядов, всего – 1 270 000 снарядов [28, с. 96].

На молотовский завод «Старый Бурлак» были эвакуированы судоремонтный завод из города Выборга (Ленинградской области), Хлебниковские судоремонтные мастерские и Мытищенский завод по производству ФАБ-100 [26, с. 90]. В результате количество работающих на предприятии выросло на 46 % (463 человека в 1944 г.) [29, с. 188].

В СССР было только два завода, которые изготавливали оптическое стекло – это Ленинградский завод оптического стекла (ЛенЗОС) и Изюмский завод оптического стекла (ИЗОС) на Украине. Оптическое стекло – уникальный по прозрачности и однородности материал, с высокой точностью отвечающий заданным свойствам, получается из расплава более десятка чистых химических веществ путём тщательного перемешивания и последующего охлаждения по определенным законам. Производство стекла всегда было государственным секретом. К 1940 г. два ЗОСа доводят объём выпуска стекла до 200 тонн в год и полностью обеспечивают потребность бурно развивающейся оптико-механической промышленности. В целом в 1939 г. в отрасли работало около 25 тысяч человек. Эти предприятия перешли в категорию особорежимных и в мае 1940 г. им были присвоены номерные названия: № 217 («Геофизика»), № 356 («Геодезия»), № 349 (ГОМЗ им. ОГПУ), № 350 (ЛОМЗ), № 354 (ЛенЗОС), № 357 («Прогресс») и т.д.

По постановлению ГКО от 11 июля 1941 г. началась эвакуация трёх заводов: Ленинградского завода Оптического стекла (Лензос), Изюмского завода Оптического стекла (ИЗОС) и Ленинградской зеркальной фабрики в населенный пункт в Николо-Пестровку Пензенской области, где до войны работал завод «Красный гигант», выпускающий художественное стекло и сортовую посуду. Однако вскоре выяснилось, что уникальное производство, так необходимое

фронту, нуждалось в расширении, и началась эвакуация как людей, так и оборудования. Местом новой площадки оказался посёлок Сарс, расположенный в 7 км. от станции Чад, Молотовской области [30, с. 52-53].

В Молотовскую (Пермскую) область был эвакуирован Ленинградский завод оптического стекла № 354 (Лен-ЗОС). Его разместили в поселке Сарс на станции Чад Щучье-Озерского (ныне Октябрьского) района. Сюда же был направлен Изюмский завод оптического стекла № 353, Ленинградская зеркальная фабрика (45 семей), Вышневолоцкий стекольный завод имени 9 января из Калининской, ныне Тверской области, (35 семей) и Константиновский стекольный (бутылочный) завод № 25 (202 человека) из Сталинской (Донецкой) области УССР [31, л. 87]. Заводы прибыли, привезя примерно 80 % всего оборудования. Однако уже в 1942 г. новый завод № 542 выдавал 100 % за счет эвакуированного оборудования [32, л. 48].

Сарсинский стекольный завод (начал работу в 1861 г.) выпускал не только оконное стекло, но и другие изделия – в 1934 году он частично перешёл на выпуск новой для него продукции: аптечной посуды и химических бутылей. Однако больше он был известен своей специализацией по производству «халяв» – заготовок для оконного стекла [30, с.53]. Мастера-стеклодувы набирали трубкой жидкое горячее стекло и силой своих лёгких выдували пузырь — «халяву». Затем этот пузырь сверху и снизу обрезали керосиновыми горелками, получался цилиндр. Этот цилиндр надрезали по высоте и при помощи деревянных гладилок из ольхи разглаживали в листы оконного стекла. В сентябре 1941 г. Сарсинский стекольный завод перепрофилировался в завод по производству оптического стекла. В апреле 1942 г. были изготовлены первые заготовки танковых призм. К весне

1942 г. построены новые стекловаренные печи и каленицы для обжига горшков. В бывшем гранильном цехе оборудована мастерская холодной обработки оптического стекла, прессовые печи, печи моллирования. Завод переводится на 11-часовой рабочий день. Организуется заготовка и трелёвка леса к сплаву в количестве 20 000 куб. метров по рекам Сарс и Ольховка и строится узкоколейка к лесосекам, богатым сырьём. «Стекло Победы» – так называли продукцию Сарсинского завода военной поры. Линзы, производимые здесь, устанавливали на танках и подводных лодках, укомплектовывали ими бинокли и приборы ночного видения. Количество работающих в 1940 г. – 716 человек, а к 1944 г. их численность выросла в два раза (1467 человек). К апрелю 1942 г. специалистами ЛенЗОСа и ИЗОСа был разработан новый техпроцесс выработки стекла, что повысило производительность в шесть раз. К концу войны объемы выпускаемой продукции увеличились почти в 22 раза. В 1943–1945 гг. работники предприятия зарегистрировали 64 рационализаторских предложения, 42 % которых было внедрено в производство.

В течение всего 1945 г. Сарсинский стекольный завод выпускал еще оптику, а с приходом 1946 г. начался демонтаж оборудования и реэвакуация завода в Ленинград, Константиновку и Верхний Волочек.

В Краснокамске на территории бумажной фабрики и «Гознака» в годы войны было размещены 10 предприятий бумажной промышленности и «Гознака», из них 5 из Москвы, Белоруссии и Смоленской области: Гомельская тетрадная фабрика «Полеспечать» (г. Гомель, Белорусская ССР), Кондровская бумажная фабрика из г. Кондрово, Смоленской (Калужской) области, Московская печатная фабрика «Гознак», Московская фабрика технической бумаги

им. Красина, Троицкая бумажная фабрика (из Смоленской области 5 вагонов), а также 5 ленинградских предприятий: Ленинградская бумажная фабрика «Гознак», Ленинградская бумажная фабрика им. Володарского, Ленинградская печатная фабрика им. Горького, Ленинградский цех светочувствительной бумаги, Ленинградский Монетный двор. Уже 8 июля 1941 г. Краснокамский горисполком принял решение «О расселении рабочих, прибывших на фабрику „Гознак”» [33, л. 27-28].

Краснокамская бумажная фабрика становится единственным поставщиком банкнотной бумаги для печатников «Гознака». В сентябре 1942 г. на Краснокамской бумажной фабрике смонтирована и запущена в работу бумагоделательная машина № 1. Во время войны краснокамские гознаковцы стали основными поставщиками специальных и технических сортов бумаги. Картон, прессшпан, которые вырабатывались здесь, шли в авиационную промышленность и в обувную – все задники солдатских сапог были изготовлены из этого картона. В годы войны Краснокамская бумажная фабрика освоила выпуск более 60 технически сложных в изготовлении бумаг и картонов, а ассортимент бумаги состоял из 86 наименований.

Камский целлюлозно-бумажный комбинат на своей собственной базе и благодаря эвакуированным предприятиям существенно увеличил свои производственные площади с 76,9 тыс. кв. метров до 83,6 тыс., а также расширился ассортимент изготавливаемой продукции – на комбинате выпускали бумагу, целлюлозу, изделия из бумаги (тетради). Валовый объем продукции комбината составил в 1944 г. 4,1 млн. рублей.

Эшелон из 24 вагонов с материалами, оборудованием и экспонатами музея Ленинградского монетного двора пришёл

в Краснокамск в сентябре 1941 г. В том же поезде прибыла бригада из семи техников-монтажников, главный инженер Н.В. Журкин, механик Н. Семашко и 30 рабочих (всего 37 человек). Позднее, уже из осаждённого Ленинграда, приедут ещё несколько специалистов. Ещё часть сотрудников прибыла в Краснокамск в феврале 1942 г. В их составе также были специалисты монетного двора, работавшие на производстве уже несколько лет. Летом 1942 г. из Ленинграда прибыли ещё 19 человек [34, с. 22-24].

С 30 октября по 30 декабря 1941 г. на Краснокамский монетный двор приняли на работу 363 человека, помимо тех, кто прибыл из Ленинграда в качестве сопровождающих оборудование и руководителей разного ранга. В дальнейшем, вплоть до 1945 г., коллектив продолжал расти, в том числе и за счет людей, эвакуированных из Москвы и Ленинграда, беженцев с занятых врагом территорий, демобилизованных из армии. К 1 января 1945 г. был набран 561 человек, при том, что по плану требовалось 611 [34, с. 24].

Предприятие вошло в строй к 17 ноября 1941 г. и сумело выполнить план первого квартала на 63,8 %. С третьего квартала 1942 г. Краснокамский Монетный двор начинает чеканку монеты 15 копеек, а в декабре – чеканку прочих номиналов (10 и 20 копеек). Тираж монет в 1942 г. составил всего 863 тыс. рублей или 6,6 миллионов кружков [34, с.24, 26]. В 1942–1943 гг. разменная монета чеканилась только в Краснокамске.

Специалисты Ленинградского монетного двора и вновь принятые на работу в Краснокамске рабочие помимо чеканки разменных монет, начинают изготовление и выпуск медалей «За отвагу» и «За боевые заслуги». В 1942 г. перед Краснокамским монетным двором была поставлена задача увеличить выпуск орденов и медалей в 1,86 раза по сравне-

нию с 1941 г. Был установлен среднемесячный план в размере 7431 штуки готовой продукции. Также необходимо было освоить новые ордена: Суворова, Кутузова, Отечественной войны двух степеней, а также выпуск полуфабрикатов для Московского монетного двора, созданного в 1942 г. Для Московского монетного двора также изготавливали штемпельную оснастку и полуфабрикаты орденов [34, с.25-26].

В дальнейшем на Краснокамском филиале Ленинградского монетного двора изготавливали медали «За оборону Одессы», «За оборону Севастополя», «За оборону Сталинграда», ордена «Красная Звезда», «Отечественной войны» двух степеней. В 1945 г. самый большой объём плана по выпуску наград заняла медаль «За победу над Германией», которая вручалась всем участникам Великой Отечественной войны [34, с. 28].

За годы войны на Краснокамском монетном дворе было освоено производство 78 новых советских орденов, медалей и нагрудных знаков. На Краснокамском монетном дворе было выпущено более 2,5 миллионов готовых орденов и медалей (в том числе и для иностранных государств), более 9 миллионов полуфабрикатов орденов и медалей, более 10 миллионов экземпляров специальных изделий, в том числе фугасных огнемётов, специальных звёздочек для погон, металлических колодок для орденов и т.д., а также 750 млн. монет разного достоинства [34, с. 30].

Расширились типографские возможности Молотовской области в результате эвакуации Ленинградской типографии им. М. Горького (знаменитый «Печатный двор») в Молотов (Пермь) приехали около 200 специалистов, были привезены 6 линотипов, 4 печатных машины и другое оборудование. На этой базе в 1942 г. создали книжную типографию № 2. Ленинградские мастера обучили своему делу

молодых рабочих, воспитали в лучших традициях новое поколение полиграфистов [35, с. 169].

До войны в Перми не было табачной фабрики. Однако в город была эвакуирована демонтированная знаменитая Ленинградская табачная фабрика им. Клары Цеткин и табачная фабрика из Одессы – 56 машин и станков. Их проектная мощность составляла 1 млрд. табачных изделий и 50 тыс. ящиков курительной махорки в год. Из Ленинграда и Одессы прибыли 45 специалистов-практиков и квалифицированных рабочих. Под фабрику было отведено 2-этажное здание бывшего Универмага – площадью 1120 м² и территория, прилегающая к зданию, площадью 3420 м² для размещения двора и складских помещений. На основании распоряжения СНК СССР от 16 сентября 1942 г. приняли решение о передаче здания Универмага из Наркомторга в управление Наркомпищепрому СССР и 26 сентября 1942 г. Молотовский (Пермский) областной Совет депутатов трудящихся его утвердил. 13 ноября 1942 г. СНК СССР распорядился организовать 14 махорочных фабрик союзного, республиканского и областного подчинения, общей мощностью 750 тыс. ящиков курительной махорки в год на базе технологического и вспомогательного оборудования, эвакуированного или демонтированного с других махорочных фабрик Союза. В городе Молотове открылась табачная фабрика областного подчинения мощностью 50 тыс. ящиков курительной махорки в год со сроком пуска в эксплуатацию в мае 1943 г. Ранее запланированного срока, наряду с проведением строительных и монтажных работ фабрика, начала выпуск табачных изделий. В 1944 г. были построены квартиры для работников фабрики. За 1943 г. было выработано 8,7 млн. штук папирос и 87 тонн махорки. В 1944 г. выпуск папирос равнялся уже 88,1 млн. штук, а в 1945 г. – 89,2 млн. [36, с. 1-4].

Оборудование и специалисты Ленинградской швейной фабрики ордена Трудового Красного Знамени им. В. Володарского во время Великой Отечественной войны были эвакуированы в Молотов. Это знаменитая на весь Советский Союз швейное предприятие было размещено на базе швейной фабрики «Пермодежда», которая не меняла своего названия и в период 1940-1957 гг., когда город носил имя Молотов. Ассортимент производившихся предприятием «Пермодежда» вещей был крайне разнообразным – от нижнего белья до рабочей спецодежды. Однако в годы войны главной специализацией стала военная форма красноармейцев и командиров Красной армии. Так, В.А. Бондаренко вспоминала: «Мама работала на фабрике «Пермодежда», шила солдатские галифе» [37, с. 141].

Молотовская область сыграла огромную роль в спасении экономического потенциала страны, став регионом, разместившим на своей территории не просто большое количество промышленных предприятий, но прежде всего создав все условия для их успешной работы. Эвакуированные высокопрофессиональные специалисты и уникальное оборудование ленинградских промышленных предприятий, а также организационные и производственные местные ресурсы позволили в короткие сроки развернуть высокотехнологичное производство и создать в Молотовской области целые новые отрасли промышленности.

Список литературы

1. Известия ЦК КПСС. Информационный ежемесячный журнал. – 1990. – сентябрь. – №9 (308).
2. Непокоренный Ленинград: краткий очерк истории города в период Великой Отечественной войны / А.Р. Дзенискевич, В.М. Ковальчук, Г.Л. Соболев и др.; Академия наук СССР; Академия наук СССР. – 3-е изд., перераб. и доп. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1985. – 324 с.
3. Западный Урал – фронту: Сборник документов и материалов. – Пермь: Кн. изд-во, 1984. – 284 с.
4. Советы Прикамья: Пермский областной Совет в документах. 1938-1988. – Пермь: Кн. изд-во, 1988. – 262 с.
5. Пермский государственный архив социально-политической истории (ПермГАСПИ). – Ф. 8055. – Оп. 1. – Д. 256.
6. ПермГАСПИ. – Ф. 105. – Оп. 7. – Д. 150.
7. Государственный архив Пермского края (ГАПК). – Ф. р.– 564. – Оп. 4. – Д. 77.
8. Вознесенский Н.А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. – М.: ОГИЗ Гос. изд-во полит. лит-ры, 1948. – 191 с.
9. Великая Отечественная война 1941-1945: энциклопедия / Гл. ред. М.М. Козлов. Редкол.: Ю.Я. Барабаш, П.А. Жилин (зам. гл. ред.), В.И. Канатов (отв. секретарь) и др. – М.: Сов. энциклопедия, 1985. – 832 с.
10. История Урала. Т.II. Пермь: Кн. изд-во, 1977. – 543 с.
11. Очерки истории Пермской областной партийной организации. – Пермь: Кн. изд-во, 1986. – 683 с.
12. Прикамье. Век XX. Учебное пособие. – Пермь: Книжный мир, 1999. – 366 с.
13. Сперанский А.В. Формирование оборонно-индустриального комплекса на Урале в начальный период Великой Отечествен-

- ной войны // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2012. – №2. – С.146-155.
14. База данных промышленных предприятий эвакуированных в Молотовскую область в период Великой Отечественной Войны [Электронный ресурс] URL: <https://bank.permgaspi.ru/base.php?i=127> (дата обращения: 21.01.2025)
 15. Пермский край в Великой Отечественной войне энциклопедия / [ред. коллегия: Мохов В. П. (главный редактор) и др.]. — Изд. испр. и доп.. — Пермь: Пушка, 2020. — 469 с.
 16. ГАПК. – Ф. р.–993. – Оп. 2. – Д. 1.
 17. ПермГАСПИ. – Ф. 105. – Оп. 4. – Д. 60.
 18. ГАПК. – Ф. р.–993. – Оп. 2. – Д. 2.
 19. ПермГАСПИ. - Ф.105. - Оп.354. - Д.1224.
 20. ПермГАСПИ. - Ф.105. - Оп.354. - Д.3206.
 21. Курлаев В.Е. Заводы наркомата боеприпасов на Урале как объект исследования // Вестник Башкирского университета. – 2012. – Т.17. – №4. – С. 1933–1938.
 22. Коровин В. Н. Пермский пороховой бастион. 85 лет. – Пермь: ПК «Астер», 2019 – 409 с.
 23. Ваганова Е.В. Пороховая столица: завод № 98 в годы Великой Отечественной войны // Ноябрьские историко-архивные чтения – 2019. Материалы Международной научно-практической конференции «Великая Отечественная война. 1941-1945 гг. К 75-летию Победы» (ПермГАСПИ. 7-8 ноября 2019 г.) / под ред. С.В. Неганова. – Пермь, 2020. – С. 444-450.
 24. Юзефович А.Н. Особая строительно-монтажная часть № 29 накануне и в годы Великой Отечественной войны. – Пермь: Изд-во ПГТУ, 2004. – 172 с.
 25. Молотовская область в годы Великой Отечественной войны. Календарь-справочник / сост. В.Г. Светлаков, ред. В.С. Колбас. – Пермь, 2010. – 162 с.

26. Пермский край в Великой Отечественной войне. Сборник документов. – Пермь, 2018. – 512 с.
27. Мухин М.Ю. Советская авиапромышленность в годы Великой Отечественной. – М.: Вече, 2011. – 352 с. – (1418 дней Великой войны).
28. Поварницын Б.И., Гриф М.Л. Пермский судостроительный завод «Кама»: 90 лет истории // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура, история, философия, право. – 2017. – № 2. – С. 94-99.
29. Пермский край в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг.: энциклопедия / Авт.-сост.: Т.С. Волкова, В.И. Тетерин, А.В. Хованская, Ю.Б. Шувалова, О.В. Ярома. – Пермь, 2020. – 800 с.
30. Доладугина В.С. О главном в жизни. – СПб: РИО Санкт-Петербургского государственного университета информационных технологий, механики и оптики, 2006. – 370 с.
31. ПермГАСПИ. – Ф.105. - Оп.7. – Д.409.
32. ПермГАСПИ. – Ф.105. - Оп. 9. – Д.388.
33. ГАПК. – Ф. р–1206. Оп. 1. Д. 16. Л. 27–28.
34. Гирко Е.С., Семакина Т.Р. Эвакуация Ленинградского монетного двора в Краснокамск // Технологос. – 2024. – № 2. – С. 18-34.
35. Пермский край в Великой Отечественной войне / Энциклопедия: пилотный выпуск /Авт.-сост. А.Г. Зибзеева, Т.И. Силина, Т.И. Демиденко, Н.А. Зенкова; науч. ред. В.П. Мохов. – Пермь: Пушка, 2015. – 429 с.
36. Пермская табачная фабрика. 1942-1967. 25 лет. Альбом. - [Б.м.]. - [Б.г.]. – 46 с.
37. Сеянинова Г.Д. «Имея пропитание, и одежду, и кров, удовлетворимся этим» // Технологос. – 2020. – №3. – С. 134-144.

ЭВАКУАЦИЯ И РЕЭВАКУАЦИЯ СТОЛИЦЫ СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Алексушин Глеб Владимирович
доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры маркетинга, логистики
и рекламы Самарского государственного
экономического университета
gva3@yandex.ru

Аннотация: В статье синтезирована история эвакуации в 1941 г. столицы СССР из г. Москвы в г. Куйбышев с диверсификацией ряда элементов столичного управления в другие города. Также исследована история фактической реэвакуации столицы в Москву без правового подтверждения этой реэвакуации.

Ключевые слова: эвакуация; реэвакуация; столица; СССР; Великая Отечественная война.

EVACUATION AND RE-EVACUATION OF THE CAPITAL OF THE USSR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Aleksushin Gleb Vladimirovich
Doctor of Historical Sciences, Associate Professor,
Professor of the Department of Marketing,
Journalism and Advertising at Samara
State University of Economics
gva3@yandex.ru

Abstract: The article synthesizes the history of the 1941 evacuation of the capital of the USSR from Moscow to Kuibyshev with the diversification of a number of elements of the capital's administration to other cities. The article also examines the history of the actual re-evacuation of the capital to Moscow without legal confirmation of this re-evacuation.

Key words: evacuation; re-evacuation; capital; USSR; Great Patriotic War.

Важнейшую роль сыграла в сохранении управляемости огромным советским хозяйством в 1941 г. эвакуации столицы из г. Москвы. Созданный [2, Ф.17. Оп.163. Д.1317. Л.19-20] после осмысления первых дней войны 1 июля 1941 г. Государственный комитет обороны (далее ГКО) СССР (в составе Сталина (председатель), Молотова (зам. председателя), Ворошилова, Маленкова и Берии) одним из первых решений организовал эвакуацию ряда подразделений народных комиссариатов (далее НК) СССР и РСФСР в тыловые города. Так началась диверсификация столицы, в первую «волну» которой сотрудники ряда наркоматов разъехались по стране.

По Постановлению ЦК ВКП(б) и СНК СССР [2, Ф.17. Оп.166. Д. 659. Л.195-198] «О переводе из Москвы наркоматов и главных управлений» от 29 июня 1941 г. была сформирована система эвакуации наркоматов полностью и частично. Это решение получило официальный шифр № 1833-825сс «О переводе из г. Москвы наркоматов, комитетов и главных управлений» при Совнаркоме СССР, с приложением перечней [1, Ф.Р-5446. Оп.106сч. Д.23. Л.49-51], став реальностью 8 июля 1941 г. Список в нём несколько сократился. В Докладной записке, утверждённой Политбюро ЦК ВКП(б) 8 июля 1941 г., председателя Совета по эвакуа-

ции при СНК СССР Н.М. Шверника Сталину, предлагались места размещения эвакуируемых из Москвы НК юстиции СССР, Верховного суда СССР и Прокуратуры СССР [2, Ф.17. Оп.166. Д.661. Л.19]. Вместе с ними отбыл и Госплан СССР [3, Ф.1884. Оп.49. Д.4139. Л.295].

16 июля 1941 г. было издано Постановление СНК СССР № 1870-841сс [1, Ф.Р-5446. Оп.106сч. Д.23. Л.126-132] «О переводе наркоматов, главных управлений и комитетов при Совнаркоме СССР из г. Москвы в другие города Советского Союза».

Постановление ГКО № 211сс [2, Ф.644. Оп.1. Д.3. Л.174,175; Оп.2. Д.6. Л.126,127] об эвакуации сотрудников Наркомата внутренних дел и Наркомата государственной безопасности от 20 июля 1941 г. (в тот день они были объединены в единый НКВД [1, Ф.Р-7523. Оп.4. Д.49. Л.93]) отправило 3600 сотрудников. Так, одним из эвакуированных в Куйбышев наркоматов стал НКПС.

Уже тогда зарубежные представители в СССР почувствовали возможность эвакуации столицы – в секретном донесении британского Foreign Office от 20 июля 1941 г. предположена подготовка эвакуации из Москвы правительства и дипломатического корпуса [3, с. 22]. Лондон потребовал от своих сотрудников узнать детали плана и точку дестинации. Особенно уточнялось – не будет ли это Свердловск.

Следующим шагом стал перевод ТАСС в Куйбышев по письму председателя Совета по эвакуации при СНК СССР Шверника № 5145-сэ об организации переезда ТАСС в Куйбышев от 24 июля 1941 г. [1, Ф.Р-6822. Оп.1. Д.290. Л.7] и распоряжению ГКО № 290сс от 26 июля 1941 г. [3, Ф.644. Оп.1. Д.4. Л.174; Оп.2. Д.8. Л.29]. Распоряжением № 14220-сэ Совета по эвакуации СССР [5, Ф.Р-2558. Оп.6. Д.43. Л.157] от 11 октября 1941 г. ТАСС при СНК СССР

было указано начать эвакуацию в Куйбышев, хотя частично она уже была проведена.

К 29 июля 1941 г. НК авиапром уже был эвакуирован в Куйбышев и подбирал места для размещения сотрудников и членов их семей, опираясь на Постановление ГКО № 321сс [2, Ф.644. Оп.1. Д.5. Л.4; Оп.2. Д.8. Л.165].

20 августа 1941 г. Распоряжением № 5555-сэ Совета по эвакуации [5, Ф.Р-2558. Оп.6. Д.43. Л.69] за подписью Шверника Всесоюзному комитету по радиофикации и радиовещанию при СНК СССР было дано указание перевезти по Волге аппаратуру и часть сотрудников Дома звукозаписи и московского телецентра с семьями.

Тем временем, место для передислокации дипломатических представительств других государств было уже давно определено, что подтверждает письмо зам. НКВД В.Г. Деканозова зам. председателю СНК СССР Н.А. Вознесенскому о подготовке 16-ти домов для размещения в Куйбышеве дипломатического корпуса [1, Ф.Р-5446. Оп.25а. Д.372. Л.5] от 3 октября 1941 г.

Постановлением ГКО № 766 [2, Ф.644. Оп.1. Д.12. Л.155; Оп.2. Д.22. Л.69-70] от 12 октября 1941 г. уполномоченным ГКО по обучению и сколачиванию вновь формирующихся дивизий на территории Приволжского военного округа в Куйбышеве стал К.Е. Ворошилов. Так как членов ШКО было всего 5, то командировка одного из них (20 %) – существенный «вклад» в столичный характер Куйбышева.

15 октября 1941 г. ГКО принял постановление № 801сс об эвакуации столицы СССР г. Москвы [2, Ф.644. Оп.1. Д.12. Л.155; Оп.2. Д.23. Л.19-22]. Столица СССР из г. Москва была эвакуирована в г. Куйбышев (совр. Самара). Указанным Постановлением были эвакуированы в Куйбышев Президиум Верховного совета СССР во главе с М.И. Кали-

ниным (а ценное имущество и архив этой организации после документа 9 июля 1941 г. [2, Ф.17. Оп.166. Д.661. Л.56] и постановления СНК СССР № 1844-832сс 10 июля 1941 г. [1, Ф.Р-5446. Оп.106сч. Д.23. Л.68] вывезли в Уфу). Также этот документ отправил в Куйбышев часть СНК во главе с В.М. Молотовым.

Посол Великобритании в СССР Стаффорд Криппс в тот же день отправил в Лондон сверхсрочную телеграмму: «Советское правительство и дипломатический корпус в полном составе покидают Москву и уезжают в Куйбышев. Все журналисты тоже уезжают» [3]. Из Москвы уехало 9 посольств, 7 дипломатических и 4 военных миссий иностранных государств, аккредитованных в СССР (всего в Куйбышев перевезли около 300 иностранных граждан) [1, с. 7].

Суть Постановления ГКО была повторена в ведомственных документах, в первую очередь, № 167сс Совета по эвакуации при СНК СССР [1, Ф.Р-6822. Оп.1. Д.542. Л.154-159], где указан порядок эвакуации и количество потребных вагонов. В том же документе были расписаны сроки, дестинации и квоты эвакуации правительственных учреждений РСФСР.

17 октября 1941 г. на поездах из Москвы прибыли сотрудники правительства, деятели культуры.

В Куйбышев из них были эвакуированы также другими документами:

- аппарат ЦК, Оргбюро, Политбюро и КПК ВКП(б) во главе с А.А. Андреевым;

- Госплан СССР во главе с Вознесенским (по работе которого в Куйбышеве даже было издано 25 октября 1941 г. постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) [2, Ф.17. Оп.163. Д.1323. Л.129]) и Совет по эвакуации;

- представительства союзных республик при СНК СССР;

- народные комиссариаты (указаны только те, эвакуация которых из Москвы в Куйбышев подтверждается документально) – иностранных дел (НКВД), обороны (НКО), государственной безопасности, внутренних дел (из 2-х последних – около 400 человек), под них выделялось общежитие в 800 мест, в 300 мест для НКВД и в 1000 мест для НКО и Генштаба – семьи селили отдельно);

- оперативные группы представителей и части наркоматов (внешней торговли, путей сообщений, боеприпасов, финансов, вооружения, машиностроения, авиапромышленности, связи, химической промышленности, госконтроля, угольной промышленности, нефтепромышленности, танковой промышленности);

- Генштаб;
- Совинформбюро во главе с Ярославским;
- Высшая партийная школа;
- ЦК ВЛКСМ;
- группа Коминтерна (основной аппарат был эвакуирован в Уфу);

- журналисты СССР и зарубежные;
- семьи Сталина (с прислугой и охраной) и Микояна;
- «кремлёвская столовая» и кремлёвский ЛечСанУпр (Лечебное Санитарное Управление);

- редакция газеты «Известия» (Распоряжение № 14367-сэ Совета по эвакуации от 20 октября 1941 г. «Обязать НКПС СССР подать 21 октября 1941 г. 12 вагонов в распоряжение редакции газеты «Известия» для эвакуации в г. Куйбышев полиграфического оборудования») [5, Ф.1884. Оп.49. Д.4173. Л.262].

Неучтённые в общежитиях селились в 2-х зданиях – 37 квартир и 220 комнат, не считая отдельного дома для Калинина, его сотрудников и семьи Микояна, двух домов для семьи Сталина и их охраны.

20 октября 1941 г. куйбышевский горисполком принял Распоряжение № 31 О временном запрещении въезда в Куйбышев [5, Ф.Р-56. Оп.2. Д.52. Л.36] – столичный статус города надо было охранять.

Для защиты от возможных авианалётов был построен в Куйбышеве так называемый «бункер Сталина» (а точнее – бомбо-газоубежище № 1) НКПС по Постановлению ГКО № 826сс от 21 октября 1941 г. [2, Ф.644. Оп.1. Д.12. Л.175; Оп.2. Д.23. Л.68,69] и Приказу № СС-565ц наркома путей сообщения СССР Кагановича от 22 октября 1941 г. [3, Ф.1884. Оп.49. Д.1087. Л.252-254]. У этого приказа есть дополнение от 25 октября 1941 г. о назначении начальником «Строительства № 1» в Куйбышеве Н.М. Эсакия и установлении даты начала работ с 1 ноября 1941 г. [3, Ф.1884. Оп.49. Д.1087. Л.279-281]. Постановлением ГКО № 945сс от 22 ноября 1941 г. [2, Ф.644. Оп.1. Д.14. Л.164-169; Оп.2. Д.26. Л.76-85] детализировались планы строительства этого убежища и аналогичных в других городах.

Приказ народного комиссара внутренних дел № 0437к от 29 октября 1941 г. [4, Ф.66. Оп.1. Д.594. Л.199-201] О порядке въезда в г. Куйбышев подчеркнул особый статус города, где разместились правительственные учреждения. Кстати, создан был этот документ также в Куйбышеве, и подписан зам. наркома Меркуловым, находившимся также в Куйбышеве.

Из решения № 423 Особого заседания исполкома Куйбышевского облсовета депутатов трудящихся от 5 ноября 1941 г. стало известно о переезде железной дорогой и размещении ещё нескольких организаций в Куйбышевской области (с опорой на уже упоминавшееся Постановление СЭ-167сс):

- народных комиссариатов легпрома СССР (г. Сызрань), электростанций с трестом Центроэнергострой, Монтажной конторой и Волгоэлектросетьпроектотом (г. Сызрань),

речфлота (г. Ульяновск, до 1943 г. входивший в Куйбышевскую область),

- Торгбанком СССР (г. Сызрань).

В Куйбышеве провели один из парадов 7 ноября 1941 г. – в первую очередь, для психологического воздействия на иностранцев [2, с. 34].

10 декабря 1941 г. появился проект Постановления СНК СССР [2, Ф.17. Оп.163. Д.1325. Л.81] О сокращении штатов аппарата Наркомавиапрома и о переводе Наркомата в гор. Куйбышев, утверждённый Политбюро ЦК ВКП(б). По этому документу Наркомат должен был сократить штаты с 1588 до 775 человек, остальных перевести в штаты авиазаводов в Куйбышеве, и перевезти железной дорогой в Куйбышев до 1 января 1942 г.

Благодаря победе и контрнаступлению под Москвой, начатому 5 декабря 1941 г., уже в декабре 1941 г. угроза захвата немцами Москвы существенно снизилась, потому эвакуированные части столицы стали возвращать назад. К 25 декабря 1941 г. в Москву по Постановлению ЦК ВКП(б) [2, Ф.17. Оп.163. Д.1325. Л.97] от 15 декабря вернулся из Куйбышева аппарат ЦК ВКП(б) во главе с Андреевым – остались только архив и часть аппарата по обслуживанию этого архива, да небольшая часть Управления делами для присмотра за оставшимся в Куйбышеве имуществом. Остальных сотрудников и их вещи вывезли железной дорогой в декабре 1941 г.

На докладной записке Вознесенского Сталину от 19 декабря 1941 г. о возвращении в г. Москву центральных правительственных учреждений к 25 декабря 1941 г. предполагалось реэвакуировать «...основных работников Совнаркома СССР, а также Госплана СССР», а также создать в Москве такие же оперативные группы наркоматов, кото-

рые были в Куйбышеве, глава СССР написал резолюцию: «Можно подождать. Пока рано».

Но вскоре их реэвакуация стала реальностью. И Калинин с аппаратом Президиума Верховного совета СССР вернулся в Москву, как и «кремлёвская столовая». Как следствие, 22 декабря 1941 г. появилось Постановление ГКО № 1040с О разрешении Наркомату связи сосредоточить основной состав руководящих инженерно-технических работников в Москве [2, Ф.644. Оп.1. Д.16. Л.138; Оп.2. Д.29. Л.105], усилив оперативную группу НК связи в Куйбышеве за счёт находившихся в Уфе работников. В продолжение этой темы 27 декабря 1941 г. Постановлением ГКО № 1072сс [2, Ф.644. Оп.1. Д.17. Л.196; Оп.2. Д.31. Л.1,2] О частичном изменении плана эвакуации средств связи Московского узла вернули прямо с пути следования в Куйбышев по железной дороге 2 60-кВт КВ радиопередатчика.

Также 27 декабря 1941 г. было принято решение о сокращении работ по возведению оборонительного рубежа – обвода вокруг г. Куйбышев, предназначавшегося для защиты столицы СССР. Его предполагалось закончить к 20 января 1942 г. по постановлению ГКО № 1068сс [2, Ф.644. Оп.1. Д.17. Л.178; Оп.2. Д.30. Л.182-190].

Реэвакуация продолжилась 6 января 1942 г. Постановлением ГКО № 1109 [2, Ф.644. Оп.1. Д.18. Л.160; Оп.2. Д.32. Л.29] О переводе в Москву части аппарата Главнефтебита при СНК СССР и Наркомата угольной промышленности.

К 10 января 1942 г. поток реэвакуированных достиг таких значений, что ГКО издал постановление № 1121 с [2, Ф.644. Оп.1. Д.19. Л.46,47; Оп.2. Д.32. Л.175-177] О порядке въезда в Москву.

12 января 1942 г. было принято постановление ГКО № 1142 [2, Ф.644. Оп.1. Д.19. Л.83; Оп.2. Д.33. Л.63,64] О переводе аппарата Наркомата путей сообщения в Москву.

В тот же день следующим постановлением ГКО № 1143 в Москву вернули и Президиум Верховного совета РСФСР [2, Ф.644. Оп.1. Д.19. Л.84; Оп.2. Д.33. Л.65,66.]. Днём раньше последнему документу предшествовало Постановление СНК СССР № 26-10с О переводе в Москву заместителей председателя Совнаркома РСФСР и Секретариата Совнаркома РСФСР [1, Ф.Р-5446. Оп.106сч. Д.35. Л.66].

16 января 1942 г. Постановлением ГКО № 1166 [2, Ф.644. Оп.1. Д.19. Л.154; Оп.2. Д.34. Л.8,9] в Москву начали возвращать часть аппарата наркомата финансов (в Куйбышеве работали Управление Бюджетное, Финансирования обороны) и правления Госбанка СССР, а Постановлением ГКО № 1168 [2, Ф.644. Оп.1. Д.19. Л.156; Оп.2. Д.34. Л.12] – Госплана СССР.

31 января 1942 г. Постановлением СНК СССР № 105 [1, Ф.Р-5446. Оп.1. Д.197. Л.187] из Куйбышева в Москву вернули 9 постоянных представительств СНК союзных республик при СНК СССР.

2 марта 1942 г. Постановлением № 1366 [2, Ф.644. Оп.1. Д.23. Л.12; Оп.2. Д.39. Л.191] ГКО разрешил перевести основной аппарат Наркомата текстильной промышленности (120 человек без членов семей) из г. Кинель Куйбышевской области в Москву.

4 марта 1942 г. Постановлением ГКО № 1384с [2, Ф.644. Оп.1. Д.23. Л.59; Оп.2. Д.40. Л.84] О возврате из г. Куйбышева в г. Москву эвакуированного оборудования и кадров 1-ой образцовой типографии ОГИЗ РСФСР НКПС обязали выделить для этих целей 2 пассажирских и 25 товарных вагонов.

Последними из Куйбышева как столицы СССР уехали дипломаты и сотрудники НКВД. Связано это было, скорее всего,

с успехами в битве на Курской дуге 5 июля–23 августа 1943 г., которые к тому времени были уже очевидными. Проведена была эта эвакуация по Постановлению СНК СССР № 857-261сс от 4 августа 1943 г. В том же документе НКПС указано предоставить вагоны и платформы 2-му Управлению НГКБ (421 человек и 732 члена их семей), отбывавшему из Куйбышева в Москву вслед за опекаемыми ими дипломатами.

Итак, обилие разнообразных документов разных ведомств и учреждений однозначно подтверждает грандиозный факт совершенного в 1941 г. эвакуационного процесса столицы СССР из г. Москва в г. Куйбышев. Единого обратного документа о реэвакуации нет, что создаёт интересный правовой прецедент.

Список литературы

1. Алексушин Г.В. Куйбышев – столица СССР. 1941-1943. – Самара. 2022.
2. Алексушин Г.В., Житков А.Е. Парад 7 ноября 1941 года в Куйбышеве. – Самара. 2016.
3. Буранок С.О. Куйбышев – запасная столица СССР. Образ города в англо-американском обществе 1941-1945 гг. Монография. – Самара: Изд-во СамНЦ РАН, 2016.

Список источников

1. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ).
2. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).
3. Российский государственный архив экономики (РГАЭ).
4. Центральный архив ФСБ России (ЦА ФСБ России).
5. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО).

**ОДИССЕЯ АВИАЗАВОДА № 381:
ЛЕНИНГРАД – НИЖНИЙ ТАГИЛ – МОСКВА**

Мухин Михаил Юрьевич

доктор ист. наук

главный научный сотрудник Института

российской истории РАН, Москва

mukhin@mail.ru

Аннотация: На начало 1941 г. авиазавод № 381 дислоцировался в Ленинграде и входил в число предприятий «бомбардировочного» главка Народного комиссариата авиационной промышленности. Ввиду того, что Ленинград оказался прифронтовым городом, эвакуация ленинградских авиазаводов была начата уже вскоре после начала войны. Завод № 381 приступил к эвакуации в Нижний Тагил, однако условия размещения там не позволяли полноценно использовать ресурсы данного предприятия: не хватало производственных и жилых помещений, в результате чего численность персонала завода постоянно сокращалась. Поэтому весной 1943 г. завод был реэвакуирован в Москву, в цеха эвакуированного в Иркутск авиазавода № 39.

Ключевые слова: эвакуация, Молотовская область, Ленинград, авиационный завод, Нижний Тагил, Москва

ODYSSEY OF AIRCRAFT PLANT NO.381: LENINGRAD – NIZHNY TAGIL – MOSCOW

*Mikhail Mukhin,
Doctor of Historical Sciences,
chief researcher Institute of Russian
History RAS, Moscow
mukhin@mail.ru*

Abstract: At the beginning of 1941, aircraft plant No. 381 was stationed in Leningrad and was one of the enterprises of the «bomber» main department of the People's Commissariat of the Aviation Industry. Due to the fact that Leningrad turned out to be a frontline city, the evacuation of Leningrad aircraft plants began soon after the start of the war. Plant No. 381 began evacuation to Nizhny Tagil, but the conditions of placement there did not allow for the full use of the resources of this enterprise: there was a shortage of production and residential premises, as a result of which the number of plant personnel was constantly decreasing. Therefore, in the spring of 1943, the plant was re-evacuated to Moscow, to the workshops of aircraft plant No. 39 evacuated to Irkutsk.

Keywords: evacuation, Molotov region, Leningrad, aircraft plant, Nizhny Tagil, Moscow

На начало 1941 г. авиазавод № 381 дислоцировался в Ленинграде и входил в число предприятий «бомбардировочного» главка наркомата авиапромышленности (НКАП). Хотя на весну того года данное предприятие считалось находившимся в процессе запуска производства, и окончательное завершение строительных работ по плану намечалось только на 1 января 1942 г.¹, тем не менее, производственная программа

завода предусматривала выпуск ещё в 1941 г. 300 штурмовиков Ил-2. Уже на 1 января 1941 г. на предприятии было установлено 343 металлорежущих станка, а персонал предприятия составлял из 2506 сотрудников. Выпуск этого штурмовика на тот момент относился к числу наиболее приоритетных заданий НКАП, поэтому завод № 381 находился под особым вниманием наркомата. В частности, только на один этот завод в 1941 г. планировалось направить 6 % всех капитальных инвестиций, предназначенных для «истребительного» и «бомбардировочного» главков НКАП – это привело к существенному росту как станочного парка, так и численности персонала в первой половине года.

Ввиду того, что Ленинград оказался прифронтовым городом вскоре после начала войны, эвакуация ленинградских авиазаводов была начата уже летом 1941 года. 30 июня завод № 381 (с которым был слит авиазавод № 380) приступил к эвакуации в Нижний Тагил. Всего в ходе эвакуации завода было вывезено 1188 станков и 8171 человек персонала предприятия (члены семей сотрудников завода эвакуировались отдельно и позже). Станочный парк вывозился до 15 июня, персонал завершил эвакуацию 1 августа. Важно отметить, что, как и другие эвакуируемые предприятия НКАП, производственная программа завода № 381 в свете эвакуационных мероприятий не подверглась никакой корректировке – так или иначе назначенный план авиавыпуска должен был быть выполнен². На Урале завод был дислоцирован на территории Уральского вагонного завода (УВЗ), и уже 15–25 августа основные цеха авиазавода № 381 поэтапно вступили в работу.

¹ РГАЭ. Ф.8044. Оп.1. Д.673. Л.Л. 111-114.

² Подробнее о порядке эвакуации авиазаводов см. Мухин М.Ю. Советская авиапромышленность в годы Великой Отечественной войны. М., 2011. С.С.74-76.

Важно отметить, что наряду со станками и прочим оборудованием, из Ленинграда заводчане вывезли существенный «задел» (отдельные агрегаты, узлы и детали), позволивший обеспечить критически важными элементами сборку около 70 штурмовиков. В результате первый Ил-2 удалось сдать военприёмке 26 августа³. Всего в 1941 г. завод выпустил 27 самолётов, а в 1942 – 243 штурмовика⁴.

Перед заводом была поставлена задача – выйти к маю 1942 г. на уровень производства 7 штурмовиков ежедневно. Однако обеспечить столь высокий темп производства, ютясь на тех производственных площадках, которые смог выделить УВЗ, было невозможно – срочно требовалось возводить новые производственные цеха. К сожалению, IV трест Главного управления капитального строительства (ГУКС) оказался не в силах выполнить возложенные на него задания. Руководство ГУКС ссылалось на нехватку рабочей силы – в частности, 16–20 августа из запланированных для строительства новых производственных корпусов завода № 381 из 1538 рабочих, фактически работало лишь 566 строителей. Однако, когда дирекция завода № 381 направила на стройку дополнительно 1600 сотрудников предприятия, IV трест ГУКС оказался не в состоянии обеспечить дополнительную рабочую силу фронтом работ. Дирекция завода сигнализировала в наркомат, что корень проблем, очевидно, кроется скорее в нераспорядительности руководства треста, нежели в нехватке рабочей силы, но практических результатов от этих сигналов долгое время не было⁵. Наконец, руководство НКАП, понимая ненормальность сложившейся ситуации, приказал ГУКС не позднее 10 ноября 1941 г. направить в Нижний Та-

³ РГАЭ. Ф.8044. Оп.1. Д.4191. Л.26.

⁴ Там же, Д.2808. Л.27об.

⁵ Там же, Д. 4191. Л.28.

гил дополнительно не менее 1500 квалифицированных рабочих-строителей, с тем, чтобы обеспечить «лимит количества рабочих на строительстве завода № 381 не менее 3000 чел.»⁶. К сожалению, как показали последующие события, и это предписание не позволило решить проблему кардинально.

Следует учитывать, что, кроме нехватки производственных помещений, у завода № 381 в Нижнем Тагиле была и ещё одна крайне острая проблема – условия проживания и снабжения как сотрудников завода, так и членов их семей, были крайне тяжелы, и порой ставили людей в поистине невыносимые условия. По отзывам заводчан, с питанием и медицинским обслуживанием дела обстояли «из рук вон плохо»⁷. Хотя бы до некоторой степени ситуацию со снабжением продовольствием удалось решить после передачи заводу в качестве подсобного хозяйства совхоза «Нижнетагильский» из ведения наркомата совхозов РСФСР⁸.

Однако наиболее тяжелая ситуация сложилась с обеспечением заводчан жильём. Даже если абстрагироваться от необходимости обеспечить «крышу над головой» для родных и близких сотрудников предприятия, на 8170 человек персонала завода удалось изыскать жильё лишь, по большей части, на расстоянии десятков километров от предприятия:

В «Соцгородке» (в пределах Нижнего Тагила, близ завода) – 2900 чел.;

В Нижнем Тагиле (12 км. от завода) – 2700 чел.;

В селе Лая (20 км. от завода) – 750 чел.;

В посёлке Сан-Донато (30 км. от завода) – 800 чел.;

В посёлке Шайтанка (35 км. от завода) – 300 чел.;

В посёлке Самса (20 км. от завода) – 721 чел.⁹

⁶ Там же, Л.18.

⁷ Там же, Л.29.

⁸ Там же, Л.19.

⁹ Там же, Л.28

Причём, как правило, эту дистанцию (на рабочее место и обратно) рабочие должны были преодолевать пешком. Что же касается членов семей, то тут ситуация была ещё хуже. В результате, даже в условиях военного времени, с завода начался отток рабочих и служащих, и на I квартал 1943 г. численность персонала сократилась до 7930 человек¹⁰.

Очевидно, к этому моменту руководство НКАП отказалось от попыток разрешить нарастающий ком проблем предприятия при условии сохранения его дислокации в Нижнем Тагиле. Кроме того, к этому моменту линия фронта уже достаточно далеко отодвинулась от Москвы, поэтому судьба столичного промышленного узла более не вызывала беспокойства. С учётом этих обстоятельств, весной 1943 г. было принято решение о реэвакуации завода № 381 в Москву, в цеха эвакуированного в Иркутск авиазавода № 39¹¹.

В ходе реэвакуации профиль завода был изменён – на предприятии был свёрнут выпуск штурмовиков Ил-2, и освоено производство истребителей Ла-5 (позднее – Ла-7). Ещё позже – летом 1945 г. – тут началась сборка первых советских истребителей нового поколения: И-250 (с воздушно-реактивным двигателем компрессорного типа конструкции Холщевникова)¹² и Ла-150 (с жидкостным реактивным двигателем ЮМО-004)¹³. Однако к «уральской» истории завода эти события уже не относятся...

¹⁰ Там же, Д.3263. Л.117.

¹¹ Там же, Д.2826. Л.11-20

¹² Подробнее об этом см.: Мухин М.Ю. Поколение «0».

Научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы СССР в области реактивной авиации в годы Великой Отечественной войны. М., 2019

¹³ ЦА МО. Ф.35. Оп.11287. Д. 3309. Л.52.

**ЭВАКУАЦИЯ ЛЕНИНГРАДСКИХ
ПРЕДПРИЯТИЙ В НИЖНИЙ ТАГИЛ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(1941–1945 гг.)**

Огнетова Марина Борисовна
директор МКУ «Муниципальный архив
социально-правовых документов
города Нижний Тагил»
m.ognetova@yandex.ru

Аннотация: В статье рассмотрен процесс такого уникального исторического явления, как эвакуация промышленных предприятий из западных частей страны на Урал в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Автор представляет сведения об эвакуации ленинградских предприятий в город Нижний Тагил Свердловской области. Фактические данные об эвакуации предприятий изложены в хронологической последовательности. Автор показывает огромное значение процесса эвакуации промышленных предприятий и контингента работников на Урал в годы войны для увеличения военного потенциала страны и победы над врагом.

Ключевые слова: авиационная промышленность, боеприпасы, Великая Отечественная война, Государственный комитет обороны, танкостроение, химическая промышленность, эвакуация.

**EVACUATION OF LENINGRAD
ENTERPRISES TO NIZHNY TAGIL DURING
THE GREAT PATRIOTIC WAR
(1941–1945)**

Ognetova Marina B.

*Director of the Municipal Archive of Social
and Legal Documents of Nizhny Tagil
m.ognetova@yandex.ru*

Abstract: The article examines the process of a unique historical phenomenon as the evacuation of industrial enterprises from the western parts of the country to the Urals during the Great Patriotic War (1941–1945). The author provides information about the evacuation of Leningrad enterprises to the city of Nizhny Tagil, Sverdlovsk region. The actual data on the evacuation of enterprises are presented in chronological order. The author shows the great importance of the process of evacuation of industrial enterprises and a contingent of workers to the Urals during the war years to increase the country's military potential and defeat the enemy.

Keywords: aviation industry, ammunition, the Great Patriotic War, the State Defense Committee, tank building, chemical industry, evacuation.

Эвакуация советских промышленных предприятий в 1941 г. в условиях ведения боевых действий – это уникальное историческое явление. Эвакуация предприятий и населения из прифронтовой полосы началась в первые месяцы Великой Отечественной войны. 24 июня 1941 г. в стране был создан Совет по эвакуации при СНК СССР «для руководства эвакуацией населения, учреждений, во-

енных и иных грузов, оборудования предприятий и других грузов». На начало октября 1941 г. было намечено к перебазированию около 65 % предприятий военно-промышленных наркоматов. Важнейшую роль в создании системы производственной кооперации предприятий наркоматов гражданской и военной промышленности сыграли решения Государственного комитета обороны (ГКО). Решением ГКО от 25 декабря 1941 г. Совет по эвакуации был расформирован, а его аппарат передан в Комитет по разгрузке транзитных грузов.

Уже с июня 1941 г. в Свердловской области началась перестройка производства, местные заводы переводились в разряд оборонных. Необходимо было реконструировать действующие заводы, а также развернуть эвакуированные предприятия. В Нижнем Тагиле была создана Комиссия по приему и размещению эвакуированных промышленных предприятий. В Тагил было эвакуировано более 40 предприятий, которые разместились как на имевшихся, так и на новых производственных площадках. Вместе с оборудованием приехали коллективы предприятий. По некоторым данным в город прибыло более 260 тыс. человек, было эвакуировано 58 тыс. детей [1, с.13]. К середине 1943 г. население города достигало более 400 тыс. человек (на 1 июля 1941 г. в городе проживало 194,5 тыс. человек). В 1944 г. население города сократилось. Так, на 1 июня 1945 г. в Тагиле насчитывалось 249 тыс. человек.

Согласно постановлению Государственного комитета обороны № ГКО-99сс от 11 июля 1941 г., в утвержденном плане эвакуации значилось 97 предприятий, в том числе с пунктом назначения Нижний Тагил значились следующие ленинградские предприятия [8]:

-ленинградский завод № 522 с пунктом назначения завод № 56 Наркомата боеприпасов (НКБ) с отметкой «по специальному распоряжению СНК СССР», 512 вагонов;

-ленинградский завод «Комсомольская правда» Наркомхимпрома с пунктом назначения Нижнетагильский торфохимический завод, 32 вагона;

-Охтинский химкомбинат (частично), который должен был прибыть также на торфохимзавод, 50 вагонов;

-ленинградский Кировский завод Наркомсредмаша с пунктом назначения Уралвагонзавод, 1500 вагонов;

-Боровичский завод огнеупоров Наркомчермета (частично) из Новгородской области с пунктом назначения Новотагильский огнеупорный завод, 650 вагонов.

5 июля 1941 г., когда было принято постановление об эвакуации дизельного производства Кировского завода. Народный комиссар среднего машиностроения В.А. Малышев обратился к И.В. Сталину и В.М. Молотову с предложением вывести танковые и артиллерийские цеха Кировского завода в Нижний Тагил на Уральский вагоностроительный завод (УВЗ) [2; 12]. Малышев доказывал, что на УВЗ есть все условия для развертывания танкового производства: сильное литейное и кузнечное производство, площади для сборочного цеха, близость поставщиков брони, дизелей и бронекорпусов. Единственным препятствием оставалось только то, что УВЗ уже был предназначен для размещения эвакуируемых авиационных заводов № 380 и 381. Через 6 дней предложение Малышева было принято, 11 июля 1941 г. постановлением ГКО № 99сс принято решение готовить Кировский завод к эвакуации в Нижний Тагил на Уральский вагоностроительный завод, а завод № 174 – на Челябинский тракторный завод (ЧТЗ). Но начало эвакуации заводов было отложено на неопределен-

ный период. В итоге в Нижнем Тагиле разместился другой эвакуированный танковый завод – № 183 из Харькова.

Первые эшелоны с людьми и оборудованием стали прибывать в Нижний Тагил в июле 1941 г. За период со второй половины 1941 г. по первую половину 1942 г. город Нижний Тагил принял 500 эшелонов, 55 тыс. вагонов [1, с.13]. В связи с эвакуацией, нагрузка на Нижнетагильское отделение железной дороги возросла, в августе – сентябре 1941 г. службы по разгрузке вагонов не справлялись с объемом, возникли пробки. По каждому эвакуированному предприятию принималось решение Нижнетагильского горисполкома, в дальнейшем была выработана упрощенная система распределения прибывающих эшелонов на 3 группы: с металлургическим оборудованием направлялись для разгрузки на Новотагильский металлургический завод, с оборудованием для машиностроения и металлообработки – на Уралвагонзавод, с горным оборудованием – на Высокогорский железный рудник.

Первый приказ об эвакуации на Уралвагонзавод двух цехов и КБ московского авиационного завода № 120 был подписан в Главтрансмаше 10 июля 1941 г. [15]. По прибытии в Тагил эвакуированного завода № 120 в его распоряжение поступило 2940 квадратных метров в здании осепоковочного цеха Уралвагонзавода и 2010 квадратных метров в пролетах корпуса крупного стального литья.

18 августа 1941 г. в 6 часов утра на станцию Смычка Нижнего Тагила прибыло 262 вагона с оборудованием и людьми цеха № 8 ленинградского завода имени Кирова, эшелоны с ленинградского авиационного завода № 381 по производству бронированных корпусов самолета Ил-2, 4-го стройтреста Народного комиссариата авиапромышленности СССР [15; 16]. В дальнейшем в ноябре 1943 г. трест

№ 4 НКАП СССР был перебазирован в г. Сталинград за исключением строительной конторы Управления № 1, которая осталась в Нижнем Тагиле и была преобразована в трест № 6 НКАП СССР с 19 марта 1944 г. Трест № 6 влился в трест № 5 Министерства авиационной промышленности.

В состав прибывшего в Нижний Тагил завода № 381 был включен ленинградский авиационный завод № 380 [1, с. 15,17; 4; 10, с. 348]. Директор Уралвагонзавода Александров написал протест в адрес Нижнетагильского горкома партии против размещения, объясняя, что все производственные площадки и жилой фонд поселка УВЗ уплотнены до предела. Было принято решение: принять оборудование и разместить заводы на площадях кузнечного и прессового цехов, тресту «Уралмашстрой» приступить к строительству производственных помещений, директору завода № 381 приступить к постройке барачков и землянок. На основании решения Нижнетагильского горисполкома под строительство было выделено 56 га в районе Сухоложского поселка [17].

На площадку Уралвагонзавода в годы войны было эвакуировано полностью или частично 13 предприятий [15, с. 35, 42, 44, 45]. Эвакуированные в Тагил отдельные цеха различных эвакуированных предприятий включались в состав Уральского танкового завода № 183. 10 июля 1942 г. Наркоматом танковой промышленности был утвержден новый устав Государственного союзного завода № 183 им. Коминтерна, объединившего ранее действовавшие уставы завода № 183 и Уралвагонзавода [15, с. 46]. В годы войны на территории Уралвагонзавода было эвакуировано и установлено оборудование в количестве более 3 тыс. единиц, принято около 70 тыс. эвакуированных. За 2 месяца производство было перестроено на выпуск военной продукции, создано поточно-конвейерное производство танков Т-34. Каждый второй

танк, принявший участие в боевых действиях, сошел с конвейера Уральского танкового завода № 183.

На Уралвагонзаводе усилиями объединенного коллектива завода и эвакуированных предприятий в короткие сроки был налажен танковый конвейер по производству танков Т-34. На территории УВЗ разместились 3 эвакуированных авиационных предприятия: ленинградский завод № 381 (объединился с заводом № 380), который производил запчасти и сборку штурмовиков; московский завод № 120, который обеспечивал литье; цеха запорожского завода «Коммунар», которые производили бронекорпуса и бронедетали [3]. Авиастроителям были предоставлены огромные площади – 40 тыс. квадратных метров. Завод обеспечивал их электричеством, паром, газом, горячей водой. На заводской территории было построено несколько ангаров для сборки бронекорпусов самолетов. В районе поселка Валегин бор располагалась лётно-испытательная станция. По воспоминаниям руководителя цеха по производству бронекорпусов для Ил-3 Писаревского М., прибывшие в Тагил рабочие некоторое время жили в землянках, затем в вагонах, в главном зале клуба. Директор ленинградского завода № 381 Журавлев вместе с работниками завода «Коммунар» осваивали производство бронекорпусов. Имелся аэродром для испытаний. Прямо с аэродрома самолеты поставлялись в военные части «своим ходом».

К сентябрю 1942 г. на Уральском танковом заводе было собрано 270 самолетов Ил-2, а к концу 1943 г. изготовлено около 4 тыс. (3882) бронекорпусов штурмовиков, названных «летающими танками». Немецкие летчики называли Ил-2 «бетонным самолетом», «чумой», «черной смертью». Советские солдаты прозвали боевую машину «Илюша горбатый» за силуэт. Производство Ил-2 на Урале продол-

жалось до сентября 1942 г. На УВЗ в годы войны также термически обрабатывались броневые элементы для других самолетов. Архивные документы и фото цехов сборки самолетов хранятся в Музее истории Уралвагонзавода.

В годы войны из 68 заводов Наркомата боеприпасов (НКБ) было эвакуировано на восток 38 заводов, в том числе на Урал – 22 завода [5]. К началу 1942 г. большинство вывезенных заводов давали продукцию. Довоенного уровня производство боеприпасов достигло к концу 1942 г.

Завод № 56 Наркомата боеприпасов (ныне АО «Химический завод «Планта») в Нижнем Тагиле был запущен 10 сентября 1939 г. На площадку завода № 56 было эвакуировано 5 предприятий [11, с. 37]. 30 декабря 1941 г. прибыло оборудование завода № 113 (частично) из Орловской области, в количестве 186 единиц, а также 121 человек, на 1 января 1942 г. были созданы мощности по снаряжению снарядов мелкого калибра – 3 млн. в год.

В декабре 1941 г. прибыло оборудование завода № 522 из Ленинграда (частично), а также завода № 55 из Павлограда (частично) в количестве 51 единицы и 452 человек. Был проведен монтаж оборудования, и на 1 января 1942 г. были временно созданы мощности по снаряжению фугасных авиабомб – на 240 тыс. штук в год, осколочных авиабомб – на 3 млн. штук в год, мин – на 10,8 млн. штук в год.

В конце декабря 1941 г. прибыло 23 прессы для изготовления шашек для снарядов среднего и мелкого калибров с завода № 571 НКБ. Согласно приказу НКБ от 19 декабря 1941 г. № 695, в состав завода № 56 включен завод № 571. На основании приказа Наркомата боеприпасов от 27 сентября 1943 г. № 919, заводу № 56 передана часть оборудования расформированного завода № 602 НК боеприпасов [9].

В годы войны завод № 56 выпускал более 50 наименований боеприпасов для фронта [11, с.107], включая минометные мины, реактивные снаряды, фугасные авиабомбы. Завод № 56 был единственным на Урале предприятием, где производили реактивные снаряды для легендарных «катюш».

Так, с осени 1941 г. на действующие заводы Наркомата боеприпасов, находившихся в Нижнем Тагиле, были приняты заводы с запада страны, что позволило увеличить военную мощь страны.

На территории Нижнетагильского торфохимического завода (в годы войны завод № 767, ныне ОАО «Уралхимпласт») разместились эвакуированные заводы пластмасс: Карачаровский, Ленинградский «Комсомольская правда» и Московский экспериментальный [6, с. 49-54; 11, с. 100; 13]. Уже в июле 1941 г. стало поступать оборудование с ленинградского завода. Основным видом продукции были фенопласты для штамповки деталей танков, самолетов, боеприпасов. Первая партия прессовых изделий была выпущена и отправлена на фронт в ноябре 1941 г.

Перед войной авторство технологии хорошей броневой стали в мартеновских печах принадлежало Ижорскому заводу (Колпино). На Новотагильском металлургическом заводе (НТМЗ), пущенном в июне 1940 г., такого оборудования не было. В июне 1941 г. на НТМЗ были направлены специалисты Ижорского завода, проводилась работа по поиску простой и дешевой технологии производства танковой броневой стали. Из Ленинграда, с бывшего Путиловского завода (Кировский), был эвакуирован на НТМЗ листовой стан со всем оборудованием к нему [1, с. 50,51; 7; 14, с. 76]. После ремонта второй мартеновской печи и установки эвакуированного листового стана, металлурги Тагила стали выплавлять хромоникелевую молибденовую броневую сталь. Прокатка первого броневое

листа на НТМЗ была осуществлена 1 октября 1941 г. До конца 1941 г было выплавлено броневой стали 14,2 тыс. тонн, отгружено броневое лист для танковой промышленности 10 тыс. тонн. За годы войны НТМЗ дал фронту около 30 % броневой стали страны. Необходимо отметить, что тагильский броневой лист в структуре поставок проката Уральскому танковому заводу № 183 за 1943–1945 гг., составлял только 12,5 %. Кировский стан в Нижнем Тагиле катал тонкую броню 20–40 мм для легких танков и самоходок, а также для днищ и крыш корпусов и башен средних и тяжелых боевых машин. В целом, практически все боевые гусеничные машины имели броневой элемент из тагильской стали [14, с. 96; 16]. За годы войны НТМЗ наращивал объемы производства: чугуна – в 5 раз, стали – в 15 раз, проката – в 23 раза.

С началом Великой Отечественной войны в Нижнем Тагиле была осуществлена перестройка предприятий на военные рельсы и наращивание их мощностей. Для размещения в Тагиле эвакуированных заводов и их оборудования использовались родственные предприятия, резервы производственных площадей. Необходимо было быстрее ввести в действие эвакуированное оборудование. Эта задача была решена благодаря самоотверженному труду рабочих, инженеров и техников. Большую роль в формировании индустриальных кадров сыграли тысячи эвакуированных рабочих и инженерно-технических работников, которые принесли с собой высокую производственную культуру, богатый технический и организационный опыт.

Список литературы

1. Во имя Победы: кн., посвященная боевому и трудовому подвигу тагильчан в годы Великой Отечественной войны/ гл. редактор А.Х. Фахретденова; кол. авторов. – Нижний Тагил, 2010.
2. Главная стратегическая операция. Интервью с А Ермоловым. – Журнал Русский мир. – Август, 2020 //Электронный ресурс. Режим доступа: <https://rusmir.media/2020/08/05/ermolov>. Дата обращения: 06.10.2024.
3. Забытая история: как на Уралвагонзаводе в годы войны делали «летающие танки» - штурмовики Ил-2. // Электронный ресурс. Режим доступа: <https://v-tagile.ru/novosti-nizhnego-tagila/obshchestvo/zabytaya-istoriya-kak-na-uralvagonzavode-v-gody-vojny-delali-letayushchie-tanki-shturmoviki-il-2-foto>Нижний Тагил 1941-1945. Дата обращения: 06.10.2024.
4. Завод № 381. // Электронный ресурс.Сайт «Испытатели». Режим доступа: https://testpilot.ru/az_map/avia/zavod-381/. Дата обращения: 06.10.2024.
5. Заводы Наркомата боеприпасов на Урале как объект исследования // Электронный ресурс. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/zavody-narkomata-boepripasov-na-urale-kak-obekt-issledovaniya>.Дата обращения: 06.10.2024.
6. Лидер большой химии. Посвящается 70-летию ОАО «Уралхимпласт». - Нижний Тагил, 2008.
7. Новотагильский металлургический завод // Электронный ресурс. Режим доступа: http://historyntagil.ru/history/tagil_history_2014_11_06.htm. Дата обращения: 06.10.2024.
8. Постановление ГКО № 99сс от 11 июля 1941 г./ Электронный ресурс. Режим доступа: https://ru.wikisource.org/wiki/Постановление_ГКО_№_99сс_от_11.07.41

9. Предприятия № 41-60 // Электронный ресурс. Режим доступа: <https://oboron-prom.ru/page,37,predpriyatiya-41-60.html>. Дата обращения: 06.10.2024.
10. Пудовкин С.И. Тагильские Илы. // Пудовкин С.И. Мой Тагил. Часть II: Город в военной шинели. – Нижний Тагил, 2015. –С.348-355.
11. Тагил достопримечательный. / Администрация города Нижний Тагил. Нижнетагильский музей-заповедник «Горнозаводской Урал». – Нижний Тагил, 2018.
12. Танковая промышленность: испытание эвакуацией // Электронный ресурс. Режим доступа: <https://warspot.ru/3385-tankovaya-promyshlennost-ispytanie-evakuatsiey>. Дата обращения: 06.05.2020
13. Торфохимзавод, завод 767, завод пластмасс, объединение «Уралхимпласт» // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://tagil-press.ru/torfohimzavod-zavod-767-zavod-plastmass-obedinenie-uralhimplast/>. Дата обращения: 06.05.2020
14. Три столетия «старого соболя» / Независимый институт истории материальной культуры; ОАО «Нижнетагильский металлургический комбинат. Научно-популярное издание. - Екатеринбург, 2005.
15. Устьянцев С.В. Очерки истории отечественной индустриальной культуры XX века. Книга вторая. Уральский танковый завод №183. Монография. Часть 2. - Нижний Тагил: ЗАО Репринт, 2010.
16. Эра Тагилстроя. / Независимый институт истории материальной культуры; Нижнетагильский музей-заповедник Горнозаводского дела Среднего Урала; ОАО «Тагилстрой». Научно-популярное издание. – Екатеринбург, 2002.
17. Нижнетагильский городской исторический архив (НТГИА). Ф.70. Оп.2. Д.492.

ВКЛАД ИЖОРСКОГО ЗАВОДА В ОТЕЧЕСТВЕННОЕ ТАНКОСТРОЕНИЕ

*Алексеева Валентина Алексеевна,
Заведующая школьным музеем
220-й Гатчинско-Берлинской Краснознамённой
ордена Суворова II степени
отдельной танковой бригады
ГБОУ школы № 467, Санкт-Петербурга
valen_tina_1224@mail.ru*

*Смагина Марина Павловна,
заведующая музеем истории
Ижорской земли ДТДиМ
Колпинского района,
Санкт-Петербурга
mari-smagi@yandex.ru*

Аннотация: Статья посвящена одной из малоизученных страниц в истории Ижорского завода – участию в создании отечественного танкостроения в период с 1920 по 1945 гг. Малоизученной тема остаётся до сих пор в силу засекреченности производств на оборонных предприятиях Советского Союза. Освещённым в литературе является лишь начальный период создания первых 15 отечественных танков с участием Ижорского завода в 1920–1922 гг., на котором производилась танковая броня, корпуса и башни первых танков. Логично было предположить, что Ижорский завод, с его опытом производства брони, мощной металлургической базой и научно-исследовательской лабораторией не мог

оставаться в стороне и в 30-е и 40-е годы. Поиски привели в музей Ижорского завода. В его немногих архивных документах раскрылся долгий и сложный путь становления бронетанковой промышленности страны и броневого производства на Ижорском заводе.

Ключевые слова: отечественное танкостроение, броневое производство на Ижорском заводе, Ижорская технология выплавки стали, противоснарядная броня, коренная перестройка броневой промышленности.

CONTRIBUTION OF THE IZHORA PLANT IN THE DOMESTIC TANK INDUSTRY

*Alekseeva Valentina Alekseevna,
Head of the school museum
of the 220th Gatchina-Berlin Red Banner
Order of Suvorov II degree
of the separate tank brigade
of the GBOU school No. 467
of St. Petersburg
valen_tina_1224@mail.ru*

*Smagina Marina Pavlovna,
Head of the Museum of the History
of the Izhoras land and Kolpino city
St. Petersburg
mari-smagi@yandex.ru*

Abstract: The article is devoted to one of the little-studied pages in the history of the Izhoras Factory - participation in the creation of domestic tank building from 1920 to 1945. The topic remains poorly understood due to the secrecy of production at

defense enterprises of the Soviet Union. Only the initial period of creating the first 15 domestic tanks with the participation of the Izhoras Factory in 1920-1922, which produced tank armor, hulls and towers of the first tanks, is covered in literature. It was logical to assume that the Izhoras Factory, with its experience in producing armor, powerful metallurgical base and research laboratory, could not remain aloof in the 1930s and 1940s. The search led to the museum of the Izhoras Factory. Its few archival documents revealed the long and difficult path of formation of the country's armored industry and armor production at the Izhoras Factory.

Key words: domestic tank building; armor production at the Izhoras Factory; Izhoras steel smelting technology; anti-shell armor; radical restructuring of the armor industry.

Ижорский завод на протяжении всего периода развития бронетанковых войск, с 1920 по 1945 гг., был центром производства высококачественной броневой стали для советских танков, а также серийного выпуска их корпусов и башен с 1933 года [6-7].

В июне 1941 года советское танкостроение базировалось в трех крупных центрах:

- В Ленинграде на Кировском, Ижорском заводах, опытном заводе № 174, где выпускались тяжелые танки КВ.
- В Харькове на паровозостроительном заводе им. Коминтерна (завод № 183), выпускающем танки Т-34.
- В Москве спецпроизводство завода КИМ (АЗЛК) № 37, который выпускал танки Т-40, Т-60 и Т-70.

Перед самой войной началась закладка танкостроения на тракторных заводах Челябинска и Сталинграда. К началу войны на них только началось развертывание танкового производства [1]. Поэтому вклад конструкторов, металлур-

гов, руководителей производств и рабочих Ижорского завода в оснащение Красной армии оставался решающим и в годы войны, и в 30-х годах прошлого века, когда на ИЗ в 1933 году начался серийный выпуск корпусов и башен лёгких танков Т-26, средних танков Т-28, броневедомостей БА-3, БА-6, БА-10, БА-11, тяжёлых танков «КВ», бронекорпусов и бронеспинок для самолётов [3, с.99]. Об этом свидетельствуют документы. В архиве заводского музея хранится Выписка из отчета Ижорского завода по производству за 1933–1941 гг. (ЦГА СПб. Фонд 1790). Отчёт «Выпуск Ижорским заводом бронепродукции оборонного назначения в 1933–1941 гг.» (Серийное производство) [7]. Отчёт представлен в таблице 1, в графах которого отмечены год выпуска продукции оборонного значения, тип и количество продукции с 1933 по 1941 гг.

Из отчетов Ижорского завода по производству.

ЦГА СПб. Фонд 1790.

Материалы музея Ижорского завода

Таблица 1. Выпуск Ижорским Заводом бронепродукции оборонного назначения в 1933–1941 гг. (серийное производство).

Год выпуска	Наименование продукции	Кол-во (шт.)
1933	Танк Т-26 (корпус)	1634
	Танк Т-26 (башня)	2353
	Тягач Т-26Т (корпус)	179
	Танк Т-28 (корпус)	95
	Танк Т-28 (башня)	287
	Броневедомость БА-3	10

1934	Танк Т-26 (корпус)	1000
	Танк Т-26 (башня)	1041
	Танк Т-28 (корпус)	10
	Танк Т-28 (башня)	10
	Танк Т-37 (корпуса и башни)	435
	Бронеавтомобиль БА-3	80
1935	Танк Т-26 (корпус)	1234
	Танк Т-26 (башня)	1257
	Танк Т-28 (корпус)	39
	Танк Т-28 (башня)	103
	Танк Т-37 (корпуса и башни)	131
	Бронеавтомобиль БА-3	115 (73 + 42)
1936	Танк Т-26 (корпус)	1593
	Танк Т-26 (башня цилиндрическая)	1778
	Танк Т-28 (корпус гомогенной брони)	38
	Танк Т-28 (корпус цементованной брони)	11
	Танк Т-28 (большие башни цилиндрические гомогенной брони)	92
	Танк Т-28 (большие башни цилиндрические цементованной брони)	11
	Танк Т-28 (малые башни цилиндрические гомогенной брони)	186
	Танк Т-28 (малые башни цилиндрические цементованной брони)	14
	Бронеавтомобиль БА-6 без радиации	280

1937	Танк Т-26 (корпус)	605
	Танк Т-26 (башня цилиндрическая)	580
	Танк Т-26 (башня коническая)	12 + опытная
	Танк Т-28 (корпус гомогенной брони)	8
	Танк Т-28 (корпус цементованной брони)	44
	Танк Т-28 (большие башни цилиндрические гомогенной брони)	5
	Танк Т-28 (большие башни цилиндрические цементованной брони)	40
	Танк Т-28 (малые башни цилиндрические гомогенной брони)	13
	Танк Т-28 (малые башни цилиндрические цементованной брони)	76
1938	Танк Т-26 (корпуса 5 модификаций: Т-26-1, ЛХТ-130, ТУ-131, ТТ-132, Т-26-НПК)	984
	Танк Т-26 (башни 5 модификаций: коническая Т-26-1, цилиндрические ЛХТ-130, ТУ-131, ТТ-132, Т-26)	1113
	Танк Т-28 (корпуса цементованной брони)	104
	Танк Т-28 (башни большие цементованной брони)	109
	Танк Т-28 (башни малые цементованной брони)	216
	Бронемашина БА-10 с рацией	487
	Бронемашина БА-6 с рацией	9

1939	Танк Т-26 (корпуса и башни)	1473
	Танк Т-28 (корпуса и башни)	144
	Бронемашина БА-10	903
1940	Танк Т-26 (корпуса и башни трех модификаций: ЛХТ, линейный и радиофицированный)	1623
	Танк «КВ» (корпуса и башни)	269
	Бронемашина БА-10	987
	Бронемашина БА-11	16
1941 (первое полугодие)	Танк «КВ» (корпуса и башни)	440
	Бронемашина БА-10	580
	Бронеспинки для самолетов	3418

Как видно из отчёта, корпуса и башни танков производились пяти модификаций, постоянно разрабатывались и внедрялись опытные образцы, продукция изготавливалась из особо прочной гомогенной и цементованной брони, созданной металлургами Ижорского завода. Также ежегодно на заводе наращивался выпуск бронемашин БА-6, БА-10, БА-11.

Опыт гражданской войны в Испании (1936–1939) показал слабую броневую защиту танков Т-26, Т-28, БТ-5 и БТ-7, стоявших на вооружении нашей армии. У наших бронетанковых войск появился грозный противник – противотанковая артиллерия. Танки, защищённые противопульной бронёй, надо было одеть толстой противоснарядной бронёй. Была поставлена задача создания тяжёлых танков с противоснарядной бронёй. Изготовление брони и корпусов было поручено Ижорскому заводу. Такой брони ещё тогда не производилось. И такая броня была создана на основе опыта производства на Ижорском заводе корабельной брони. Для производства танков «КВ» на Ижорском заводе была раз-

работана хромомолибденовая и хромоникелемолибденовая броня, выдерживающая попадания снарядов крупных калибров (марки 42С, 43ПС, 49С, 52С, 53С). В 1940 г. начались опыты по производству литых броневых деталей из стали марки 8С с их последующей двойной закалкой. Созданная броня оказалась бронестойкой и весьма технологичной, легко подвергалась всем видам обработки и сварки, что имело серьёзное стратегическое значение при освоении брони на заводах Урала и Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новая ижорская технология полностью решила задачу обеспечения высококачественной бронёй нарастающий выпуск тяжёлых танков. 8 сентября 1941 г., когда замкнулось кольцо блокады вокруг Ленинграда, инженер-металлург И.А. Фрумкин спецавиарейсом вывез всю техническую документацию по производству танковой брони из осаждённого Ленинграда. Самолёт сопровождали два истребителя. Она была доставлена наркомату тяжёлой металлургии и металлургическим заводам Урала и Сибири [4 с. 247]. «Победа в Великой Отечественной войне была в значительной степени достигнута за счёт подавляющего превосходства наших танков и в первую очередь за счёт броневой защиты, созданной на Ижорском заводе!» – так, не без основания, считал автор статьи об инженерах-металлургах завода Олег Фёдорович Данилевский [5, с.174]. И первыми в числе создателей высококачественной танковой брони О.Ф. Данилевский называет инженера-металлурга Ижорского завода Анатолия Фроловича Якимовича и начальника Центральной броневой лаборатории-1 и Главного металлурга завода Андрея Сергеевича Завьялова.

По инициативе А.С. Завьялова и директора завода М.Н. Попова, 17 мая 1936 г. проблемы развития Ижорского завода и бронетанковой промышленности СССР рассматри-

вались на заседании Политбюро, а затем были вынесены на заседание Совета Труда и Оборона под председательством И.В. Сталина. В итоге было принято решение СТО: «О реконструкции Ижорского завода», которое включало:

- коренную перестройку и укрепление броневой промышленности страны на основе новой Ижорской технологии выплавки стали для противоснарядной брони тяжёлых танков;

- передачу завода в ведение Треста «Главспецсталь»;
- выделение на реконструкцию завода 20 000 000 рублей;
- г. Колпино выведен из областного подчинения и стал районом Ленинграда.

В этот период на Ижорском заводе, впервые в теории броневом производстве, были созданы технически обоснованные, проверенные на практике технологические инструкции на каждую операцию металлургического процесса производства броневой стали. Новая форма организации производства сыграла решающую роль в годы Великой Отечественной войны, когда производство брони для танков организовывалось на заводах Урала и Сибири [1, с. 165] (рис. 1).

Рис. 1.
Эвакуация
оборудования
ИЗ в августе
1941 года

В июле–августе 1941 г. началась эвакуация Ижорского завода на Уралмаш. Вместе с производственным оборудованием в г. Свердловск было эвакуировано 2609 человек – работников высокой квалификации и основных профессий броневого производства. В ноябре–декабре 1941 г. авиационным транспортом из Ленинграда в восточные районы страны были перевезены ещё 1472 специалиста Ижорского завода. На заводах Урала и Сибири им предстояло решать сложнейшую задачу ликвидации превосходства немецко-фашистской армии в танках и авиации. Металлурги Ижорского завода были направлены в качестве главных специалистов на все заводы, переданные наркомату танковой промышленности, а также на заводы чёрной металлургии Юга, Урала и Сибири, где развивалось танковое производство.

Находясь в эвакуации, рабочие и специалисты ИЗ в сжатые сроки наладили выпуск ижорской брони и производство танковой артиллерии на заводе «Уралмаш», неуклонно наращивая выпуск бронепродукции.

10 октября 1941 г., в соответствии с постановлением ГКО № 743 от 4 октября, Уралмашзавод был переименован в Ижорский завод Наркомтанкопрома в Свердловске. Так назывался он до выхода приказа № 10 от 7 января 1942 г. о переименовании завода в «Уральский ордена Ленина завод тяжелого машиностроения имени Серго Орджоникидзе» [1].

В нашем городе Колпино, как одном из центров отечественного танкостроения в 1998 г. был установлен памятный знак «Броня России» [2, с.53]. Ежегодно к нему приходят школьники, чтобы возложить цветы и вспомнить, как трудились на благо Родины наши деды и прадеды, обеспечивая победы на поле боя.

Список литературы

Книги

1. Неизвестный Уралмаш : История и судьбы: 1933–2003 / авт. и сост.: С.С. Агеев, Ю.Г. Бриль; гл. ред. Ю. Г. Бриль. – Екатеринбург: Уральское литературное агентство, 2003.
2. Иволга Р.С., Левшина Н.М. Воинская память Колпинского края. – СПб.: Серебряный век, 2004. – 143 с.
3. Поздняков О.А. Колпино. Историко-краеведческий очерк. – Л.: Лениздат, 1962. – 185 с.
4. Фрумкин-Рыбаков Ю.И. и др. Броня России. Семейные хроники. Мемуарная проза. – СПб.: Узелковое письмо, 2022. – 408 с.
5. Данилевский О. Ф. Воспоминания // «Ижорские берега» – 2005. – Вып. 7.

Неопубликованные материалы

6. Выписка из отчетов Ижорского завода по производству. ЦГА СПб.

Фонд 1790. Архив музея Ижорского завода

7. Отчет о производственной деятельности Ижорского завода за первое полугодие и июль 1942 года. ЦГА СПб. Фонд 1790. Оп.36.Д.328, архив музея Ижорского завода.

**ЭВАКУАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ,
ПРЕДПРИЯТИЙ И УЧРЕЖДЕНИЙ
ИЗ ЛЕНИНГРАДА В МОЛОТОВСКУЮ ОБЛАСТЬ
ПО ДОКУМЕНТАМ ЦЕНТРАЛЬНОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА**

*Солнышкин Андрей Александрович
ведущий архивист отдела
использования и публикации документов
Центрального государственного архива
Санкт-Петербурга
a.solnishkin@ak.gov.spb.ru*

Аннотация: В данной статье на основе анализа ряда документов, отложившихся в фондах Центрального государственного архива г. Санкт-Петербурга, автором предпринимается попытка показать факты из истории эвакуации из Ленинграда в Молотовскую область и о пребывании в эвакуации в 1941–1944-х гг., а также раскрыть сведения об эвакуированных из города в область предприятиях и учреждениях, в том числе детских. В статье автор приходит к выводу о том, что Молотовская область была одной из областей, принявших большое количество эвакуированных из Ленинграда. В статье особенно подчеркивается факт оказания местными жителями помощи эвакуированным из Ленинграда, а также вклад эвакуированных в развитие области.

Ключевые слова: «Сплочённые войной», блокада Ленинграда, эвакуация, история Великой Отечественной войны, Молотовская область, сухопутный путь эвакуации,

Санкт-Петербургский монетный двор, Государственный академический Мариинский театр, Ленинградский военно-механический институт.

**EVACUATION OF POPULATION, ORGANIZATIONS
AND ENTERPRISES FROM LENINGRAD
TO MOLOTOV REGION ACCORDING
TO THE DOCUMENTS OF THE CENTRAL
STATE ARCHIVE OF ST. PETERSBURG**

Solnyshkin Andrey A.

*the leading archivist of the Department
of Use and Publication of documents
The Central State Archive of St. Petersburg
a.solniskin@ak.gov.spb.ru*

Abstract: In this article, based on the analysis of a number of documents preserved in the funds of the Central State Archive of St. Petersburg, the author attempts to show the facts from the history of evacuation from Leningrad to the Molotov region and stay in evacuation in 1941 – 1944, as well as to reveal information about enterprises and organizations, including children's, evacuated from the city to the region. In the article the author comes to the conclusion that the Molotov region was one of the areas that received a large number of evacuees from Leningrad. The article particularly emphasizes the fact that local residents helped the evacuees from Leningrad, as well as the contribution of the evacuees to the development of the region.

Keywords: «United by war»; the Blockade of Leningrad; evacuation; history of the Great Patriotic War; Molotov region; land evacuation route; St. Petersburg Mint; State Academic Mariinsky Theater; Leningrad Military Mechanical Institute

В 2023 г. архивной службой Санкт-Петербурга была начата работа по созданию межрегионального мемориального проекта «Сплоченные войной: эвакуация из Ленинграда и возвращение домой». Проект предусматривает освещение действий руководящих органов разных уровней власти по организации эвакуации из Ленинграда, приема ленинградцев на местах, оказания им помощи и поддержки в условиях вынужденной эвакуации из Ленинграда местным населением, участия и подвига военных в эвакуации населения, учреждений и предприятий из Ленинграда, взаимопомощи и сплоченности людей в годы Великой Отечественной войны, о способах и сложностях при возвращении домой и т. д. 27 января 2024 г. на выставке-форуме «Россия» на ВДНХ состоялась торжественная презентация проекта, а также на портале «Архивы Санкт-Петербурга» была размещена электронная выставка документов [1].

Более 1 700 000 эвакуированных из Ленинграда были во время Великой Отечественной войны размещены в более чем 30 краях, областях и республиках СССР. Одной из областей, принявших в первый год войны эвакуированных из Ленинграда, была Молотовская область (современный Пермский край). В современной историографии эвакуации из Ленинграда в Молотовскую область посвящено немало различных публикаций документов, электронных выставок, исследовательских работ [2, 3] и т. д. Вместе с этим документы об эвакуации из Ленинграда в Молотовскую область, сохранившиеся в фондах Центрального государственного архива Санкт-Петербурга и ранее широко не публиковавшиеся, позволяют дополнить и расширить существующие сведения по данному вопросу.

Летом 1941 г. Молотовская область приняла первых эвакуированных из Ленинграда. Так, с 29 июня по 29 июля

1941 г. в Молотовскую область было эвакуировано 3956 человек [1, Ф. Р-7384. Оп. 17. Д. 665. Л. 40]. 22 августа 1941 г. из Ленинграда на ст. Верещагино Пермской железнодорожной станции прибыл эшелон № 67 из Ленинграда с 570 эвакуированными (из которых 220 были дети) [1, Ф. Р-330. Оп. 2. Д. 3. Л. 37]. Они были размещены и трудоустроены в колхозах Верещагинского района Молотовской области. Всего, согласно данным на 4 декабря, в 1941 г. в Молотовскую область из Ленинграда было эвакуировано 18 310 человек [1, Ф. Р-330. Оп. 1. Д. 5. Л. 50]. За период Великой Отечественной войны Молотовская область приняла большое количество эвакуированных из Ленинграда. Как отмечают современные исследователи, «...только к маю 1942 г. были расселены 107 879 чел., эвакуированных из Ленинграда...» [2, с. 519].

В 1941 г. среди эвакуированного населения из Ленинграда в Молотовскую область было немало детей. В 1941–1942-х гг. их количество продолжало увеличиваться. На 1 апреля 1942 г. в Молотовской области проживало 6584 детей из Ленинграда [1, Ф. Р-7384. Оп. 17. Д. 667. Л. 11]. Как отмечает ряд современных исследователей, «...приток эвакуированных в Молотовскую область за вторую половину 1942 г. происходил главным образом за счет эвакуированных детских учреждений, в том числе интерната для детей эвакуированных ленинградских писателей...» [2, с. 521]. Маленькие ленинградцы были окружены особой заботой. Несмотря на трудности пребывания эвакуации, местные жители и власти стремились сделать все возможное, чтобы улучшить положение детей. О таких примерах говорят документы ЦГА СПб. Например, в г. Соликамске и Соликамском районе Молотовской области с 8 декабря 1941 г. было размещено 8 детских интернатов.

В сохранившейся докладной записке о состоянии эвакуированных Ленинградских детских интернатов в Соликамском районе Молотовской области указывалось, что «... председатель Райпотребсоюза, т. Белкин, проявляет заботу по отношению к ленинградским детям и взрослым. Лично разбирает все недоразумения...» [1, Ф. Р-7384. Оп. 17. Д. 667. Л. 5 об.]. И таких примеров подлинного неравнодушия и заботы со стороны местного населения к эвакуированным из Ленинграда детям сохранилось весьма много.

Стоит отметить, что среди эвакуированных Ленинградских детских учреждений во время пребывания в эвакуации производились различные социалистические соревнования. В марте 1944 г., по итогам проводимого социалистического соревнования среди ленинградских детских домов, эвакуированных в Молотовскую область, по решению Ленгорисполкома переходящее Красное знамя Ленгорисполкома было вручено Легаевскому дошкольному интернату с выдачей первой премии, а вторая и третья премии были выданы Черняхскому дошкольному интернату и Черновскому детскому интернату [1, Ф. Р-7384. Оп. 18. Д. 1525. Л. 128].

Помимо населения, в Молотовскую область были эвакуированы ряд ленинградских предприятий и учреждений. Например, в августе 1941 г. по распоряжению Совета по эвакуации, в г. Молотов было эвакуировано оборудование ленинградского портового элеватора [1, Ф. Р-7384. Оп. 36-1. Д. 59. Л. 82].

На территорию Молотовской области в 1941–1942-х гг. был эвакуирован ряд культурных учреждений Ленинграда. Среди них был Ленинградский академический театр оперы и балета имени С.М. Кирова (ныне – Государственный академический Мариинский театр). 19 августа из Ленин-

града в Молотовскую область была эвакуирована часть коллектива театра вместе семьями, а в г. Молотов театр прибыл 29 августа. [1, Ф. Р-7384. Оп. 17. Д. 661. Л. 246]. 13 сентября 1941 г. театр начал свою работу, представив зрителям оперу «Иван Сусанин». Во время пребывания в эвакуации, артисты театра не только ставили спектакли в помещении Молотовского оперно-балетного театра, но и показывали постановки для госпиталей и войсковых частей в Молотовской области. Так, за время пребывания в 1942 г. театром было дано «...в госпиталях и войсковых частях свыше 200 концертов...» [1, Ф. Р-7384. Оп. 17. Д. 661. Л. 244].

Среди высших учебных заведений, оказавшихся в эвакуации в Молотовской области, был Ленинградский военно-механический институт, который изначально был в марте 1942 г. направлен в г. Пятигорск. В результате продвижения немецко-фашистских войск и оккупации города, институт был эвакуирован в г. Молотов, где по прибытии в середине сентября 1942 г. должен был возобновить свою деятельность. В ЦГА СПб отложился подробный отчет о работе института в эвакуации в Молотовской области и о трудностях, с которыми столкнулись эвакуированные студенты и преподаватели института. Как отмечалось в отчете, после кропотливой и напряженной работы, «...1-го октября в 8 ч. утра, по звонку, Институт вступил в число действующих организаций г. Молотова...», а августе 1943 г. институт дал первый выпуск специалистов во время пребывания в эвакуации [1, Ф. Р-9488. Оп. 1. Д. 169. Л. 2].

Одним из эвакуированных в Молотовскую область из Ленинграда в период Великой Отечественной войны было предприятие Гознака. Так «...с июля 1941 г. часть работников Ленинградской бумажной фабрики Гознака были эва-

куированы...» в Молотовскую область, в г. Краснокамск [2, С. 529]. 22 августа 1941 г. выходит распоряжение Совета по эвакуации об эвакуации продукции, оборудования и рабочих Ленинградской бумажной фабрики «Гознак» на Краснокамскую бумажную фабрику «Гознак» в Молотовскую область [1, Ф. Р-7384. Оп. 36-1. Д. 59. Л. 83]. Также в августе 1941 г. в г. Краснокамск из Ленинграда были эвакуированы сотрудники и часть оборудования Ленинградского монетного двора. Всего было эвакуировано 24 вагона с оборудованием и инструментами [1, Ф. Р-1516. Оп. 11. Д. 273. Л. 1]. На образованном Краснокамском филиале было вновь организовано производство медалей и орденов.

В заключение стоит отметить, что в период Великой Отечественной войны Молотовская область стала вторым домом для многих эвакуированных из Ленинграда. Сохранившиеся документы ЦГА СПб свидетельствуют о той неоценимой помощи, которую оказала область эвакуированным, особенном отношении к эвакуированным детям. Эвакуированные ленинградские предприятия и учреждения внесли свой значительный вклад в развитие области. Эвакуация из Ленинграда в Молотовскую область служит подлинным примером единения всего нашего народа ради Победы в Великой Отечественной войне. Об этом единстве и сплочённости мы должны всегда помнить!

Список литературы

1. «Сплочённые войной»: эвакуация из Ленинграда и возвращение домой». URL: <https://spbarchives.ru/evacuation2023> (дата обращения: 15.10.2024)
2. Шевырин С. А., Нечаев М. Г. Эвакуация из Ленинграда в Молотовскую область // Побратимы [Сборник статей] / Отв. ред. Ю. З. Кантор. – М.: Политическая энциклопедия, 2019. – С. 515 – 546;
3. Ленинград – Молотов: судьбы, объединенные войной. URL: <https://www.permgaspi.ru/evac/index.php> (дата обращения: 15.10.2024)

Список литературы

1. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб)

**ЭВАКУАЦИЯ РАБОТНИКОВ
ПРОКУРОРСКО-СЛЕДСТВЕННЫХ
И СУДЕБНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ЛЕНИНГРАДА
И ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ
В МОЛОТОВСКУЮ ОБЛАСТЬ**

Арестов Владимир Андреевич

Главный археограф

научно-исследовательского отдела

Государственного архива Пермского края

Аспирант кафедры междисциплинарных

исторических исследований

историко-политологического факультета

Пермского государственного национального

исследовательского университета

arestovvolodya@yandex.ru

Аннотация: 27 января 2024 г. исполнилось 80 лет со дня полного снятия блокады Ленинграда. В аналитической статье представлены документальные материалы, посвященные эвакуации работников прокурорско-следственных и судебных учреждений Ленинграда и Ленинградской области в Молотовскую область. Документы, посвященные данной теме, хранятся в фондах Пермского облисполкома, Прокуратуры Пермской области, районных исполнительных комитетов депутатов трудящихся.

Ключевые слова: Великая Отечественная Война, Молотов, Ленинград, блокада, эвакуация, судебная система, архивные документы, архивная коллекция.

**EVACUATION OF EMPLOYEES OF
PROSECUTORIAL, INVESTIGATIVE AND JUDICIAL
INSTITUTIONS
FROM LENINGRAD AND THE LENINGRAD
REGION TO THE MOLOTOV REGION**

Vladimir Andreevich Arestov
Chief Archaeographer
of the Scientific Research Department,
State Archive of the Perm Region
Postgraduate Student of the Department
of Interdisciplinary Historical Studies,
Faculty of History and Political Science,
Perm State National Research University
arestovvolodya@yandex.ru

Abstract: January 27, 2024 marked the 80th anniversary of the complete lifting of the siege of Leningrad. The analytical article presents documentary materials on the evacuation of employees of the prosecutor's investigative and judicial institutions of Leningrad and the Leningrad region to the Molotov region. Documents on this topic are kept in the funds of the Perm Regional Executive Committee, the Prosecutor's Office of the Perm Region, and the district executive committees of workers' deputies.

Keywords: The Great Patriotic War, Molotov, Leningrad, Blockade, Evacuation, Judicial System, Archival Documents, Archival Collection.

Одной из драматических страниц Великой Отечественной войны была эвакуация населения из западных регионов СССР. В тыл были вывезены сотни промышленных пред-

приятий, учреждения науки и культуры, а главное, десятки тысяч людей [1, с. 8].

В Государственном архиве Пермского края с 2020 г. существует база данных о лицах, эвакуированных в Молотовскую область. База является частью виртуального историко-архивного выставочного проекта «Эвакуация: судьбы, события, память», подготовленного краевым архивом к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

База данных помогает найти информацию об эвакуированных родственниках, установить или дополнить имеющиеся в семейных архивах данные. База постоянно пополняется, за 2023 г. было внесено 1100 имен. На текущий момент всего в базу внесено 33 848 имен.

Данные для наполнения базы формируются на основе архивных документов из фондов ГАПК, содержащих списки лиц, эвакуированных в Молотовскую область и реэвакуированных из области в 1941–1944 гг. Это списки детей, эвакуированных на территорию области из западных и центральных областей СССР с детскими домами, школами-интернатами, детскими садами, отложившихся в фонде отдела народного образования Пермского областного исполнительного комитета Совета народных депутатов (р-986), а также списки работников отдельных эвакуированных в Молотовскую область предприятий, сохранившиеся в фондах районных и городских исполнительных комитетов Советов депутатов трудящихся (р-176, р-302, р-1243 и др.).

Среди архивных документов по эвакуации одними из важных являются списки работников прокурорско-следственных и судебных учреждений, эвакуированных из блокадного Ленинграда и прибывших на территорию Мо-

лотовской области. Данные списки хранятся в 2-х фондах ГАПК – Прокуратуры Пермской области (р-1366) и Исполнительного комитета Большесосновского районного Совета народных депутатов (р-302). Среди них значатся члены Ленинградского областного суда, народные судьи, а также прокурорско-следственные работники, которые были эвакуированы из блокадного Ленинграда в Молотовскую область.

Всего в базе данных Пермского Госархива в настоящий момент насчитывается более 10 работников судебных учреждений и прокуратуры Ленинградской области.

Вот несколько примеров.

Михайлова Лидия Игнатьевна, член областного суда Ленинградской области, в период эвакуации занимала должность исполняющего обязанности прокурора Ворошиловского района (в настоящее время – городской округ Березники) [1, Ф. р-1366. Оп. 1. Д. 830. Л. 19].

Майоров Федор Андреевич, народный следователь Батецкого района Ленинградской области (в настоящее время – Новгородской области), в период эвакуации являлся прокурором Пермско-Ильинского района (сейчас – Карагайский, Чермозский и Ильинский районы) [1, Ф. р-1366. Оп. 1. Д. 830. Л. 19].

Дмитриева Анисья Дмитриевна, народный судья 1 участка г. Койвисто Ленинградской области (в настоящее время – Приморск) являлась помощником прокурора Ворошиловского района (в настоящее время – городской округ Березники).

Филиппова Прасковья Павловна, член городского суда г. Ленинграда, занимала должность прокурора Фокинского района (в настоящее время – Чайковский городской округ) [1, Ф. р-1366. Оп. 1. Д. 830. Л. 19].

Дробышевская Ольга Ивановна, народный следователь Приморского района г. Ленинграда, в годы эвакуации трудилась помощником прокурора Кировского района г. Молотова [1, Ф. р-1366. Оп. 1. Д. 830. Л. 20].

Кугель Нихома Липовна, народный следователь Ленинградской прокуратуры, в эвакуации работала народным следователем Кудымкарского района Коми-Пермяцкого округа [1, Ф. р-1366. Оп. 1. Д. 830. Л. 20].

Борисова Валерия Николаевна, народный следователь г. Ленинграда, в период эвакуации – народный следователь Орджоникидзево-го района г. Молотова [1, Ф. р-1366. Оп. 1. Д. 830. Л. 20].

Бубэ Вероника Петровна, заместитель народной судьи г. Ленинграда, в эвакуации – помощник прокурора Сталинского района г. Молотова (сейчас – Свердловского района г. Перми) [1, Ф. р-1366. Оп. 1. Д. 830. Л. 20].

Степанова Мария Петровна, народный следователь г. Малая Вишера Ленинградской области, в годы эвакуации работала народным следователем Сивинского района [1, Ф. р-1366. Оп. 1. Д. 830. Л. 20].

№	Имя	Дата рождения	Место рождения	Специальность
1	Александров Александр	1910	Ленинград	Специалист по уголовным делам
2	Борисов Борис	1915	Ленинград	Специалист по гражданским делам
3	Васильев Василий	1912	Ленинград	Специалист по уголовным делам
4	Григорьев Григорий	1918	Ленинград	Специалист по гражданским делам
5	Давыдов Давид	1914	Ленинград	Специалист по уголовным делам
6	Земсков Земсков	1916	Ленинград	Специалист по гражданским делам
7	Иванов Иван	1911	Ленинград	Специалист по уголовным делам
8	Климов Климент	1913	Ленинград	Специалист по гражданским делам
9	Куликов Куликов	1917	Ленинград	Специалист по уголовным делам
10	Левин Лев	1919	Ленинград	Специалист по гражданским делам
11	Морозов Мороз	1914	Ленинград	Специалист по уголовным делам
12	Новиков Николай	1916	Ленинград	Специалист по гражданским делам
13	Осипов Осип	1912	Ленинград	Специалист по уголовным делам
14	Петров Петр	1918	Ленинград	Специалист по гражданским делам
15	Романов Роман	1915	Ленинград	Специалист по уголовным делам
16	Сидоров Сидор	1917	Ленинград	Специалист по гражданским делам
17	Тихонов Тихон	1913	Ленинград	Специалист по уголовным делам
18	Устинов Устин	1916	Ленинград	Специалист по гражданским делам
19	Федотов Федот	1914	Ленинград	Специалист по уголовным делам
20	Харьков Харьков	1918	Ленинград	Специалист по гражданским делам
21	Цыганов Цыган	1915	Ленинград	Специалист по уголовным делам
22	Чайков Чайков	1917	Ленинград	Специалист по гражданским делам
23	Шаров Шар	1912	Ленинград	Специалист по уголовным делам
24	Щербинин Щербинин	1916	Ленинград	Специалист по гражданским делам
25	Юрьев Юрий	1914	Ленинград	Специалист по уголовным делам
26	Яковлев Яков	1918	Ленинград	Специалист по гражданским делам

Рис. 3. Список прокурорско-следственных работников, прибывших в Молотовскую область в связи с эвакуацией.

29 декабря 1942 г.
ГАПК. Ф. р-1366. Оп. 1.
Д. 830. Л. 20.

Багопов Алексей Васильевич, районный прокурор Ленинградской области, в период эвакуации – старший следователь областной прокуратуры [1, Ф. р-1366. Оп. 1. Д. 830. Л. 21].

Рошаль Соня Наумовна, прокурор следственного отдела г. Ленинграда, в годы эвакуации работала в должности и.о. начальника отдела по надзору за Рабоче-крестьянской милицией [1, Ф. р-1366. Оп. 1. Д. 830. Л. 21].

Не все работники прокурорско-следственных и судебных учреждений, эвакуированных из блокадного Ленинграда на территорию Молотовской области, смогли трудиться по специальности. Семья Никитиных, например.

Василий Митрофанович Никитин до эвакуации работал народным следователем районной прокуратуры в г. Старая Русса, входившего в годы войны в состав Ленинградской области (в настоящее время входит в состав Новгородской области). Его жена – Вера Ивановна Никитина – была народным судьей. В годы эвакуации Василий Митрофанович работал заведующим базой заготовительного скота в Большесосновском районе, а Вера Ивановна – директором ресторана [1, Ф. р-360. Оп. 3. Д. 360. Л. 31].

За годы Великой Отечественной войны наша страна приобрела уникальный опыт проведения массовой эвакуации и реэвакуации гражданского населения. Значительная часть эвакуированных была размещена на Урале [1, С. 217.].

Эвакуация и деятельность эвакуантов в советском тылу явилась одним из факторов, обеспечивших победу СССР над фашизмом.

Для историка-исследователя крайне важно не только воссоздать правдивую картину прошлого, но и, проанализировав его позитивные и негативные стороны, постараться уберечь потомков от совершения типичных и вполне преодолимых ошибок.

Список литературы

1. Потёмкина М.Н. Эвакуация в годы Великой Отечественной войны: люди и судьбы: Монография. – Магнитогорск: МаГУ, 2002. – 265 с.

Список источников

1. Государственный архив Пермского края (ГАПК).

**ЛЕНИНГРАДСКИЙ ВОЕННО-МЕХАНИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ В ГОРОДЕ МОЛОТОВЕ
(ПО ДОКУМЕНТАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО
АРХИВА ПЕРМСКОГО КРАЯ)**

Сарабеев Виталий Юрьевич

*Главный археограф
научно-исследовательского отдела*

*Государственного краевого
бюджетного учреждения*

«Государственный архив Пермского края»

baader88@gmail.com

Аннотация: Статья рассказывает о документах пермского краевого архива, которые содержат информацию о работе Ленинградского военно-механического института в период его эвакуации в город Молотов в годы Великой Отечественной войны. На пермской земле ЛВМИ располагался в помещениях Молотовского механического техникума, в архивном фонде которого сохранились документы о совместной деятельности пермяков и ленинградцев.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, эвакуация, учебные заведения, оборонная промышленность, сотрудничество Перми и Санкт-Петербурга, Государственный архив Пермского края.

**LENINGRAD MILITARY MECHANICAL
INSTITUTE IN THE CITY OF MOLOTOV
(ACCORDING TO THE DOCUMENTS
OF THE STATE ARCHIVE OF THE PERM KRAI)**

Sarabeev Vitaliy Yurievich
Chief Archaeographer
of the Scientific Research
Department of the State Regional
Budgetary Institution
«State Archive of the Perm Krai»
baader88@gmail.com

Abstract: The article tells about the documents of the Perm regional archive, which contain information about the work of the Leningrad Military Mechanical Institute during its evacuation to the city of Molotov during the Great Patriotic War. On Perm land, LVMI was located in the premises of the Molotov Mechanical College, in the archival fund of which documents on the joint activities of Permians and Leningraders have been preserved.

Keywords: The Great Patriotic War, evacuation, educational institutions, defense industry, cooperation between Perm and St. Petersburg, the State Archive of the Perm Krai.

В период Великой Отечественной войны на территорию Пермского края (в то время – Молотовской области) из блокадного Ленинграда эвакуировались не только отдельные жители, но и коллективы предприятий и учреждений. В их числе был Ленинградский военно-механический институт (ЛВМИ), работавший в городе Молотове с сентября 1942 г. по март 1945 г. В настоящее время это учебное заведение

носит название «Балтийский государственный технический университет «Военмех» имени Д.Ф. Устинова».

ЛВМИ был основан в 1871 г. как Ремесленное училище Цесаревича Николая. С 1932 г. учебное заведение носило официальное название «Ленинградский военно-механический институт народного комиссариата тяжёлой промышленности СССР» и занималось подготовкой специалистов для оборонной промышленности. В марте 1942 г. ЛВМИ был эвакуирован из Ленинграда, вначале в Пятигорск, а через несколько месяцев – в Молотов. Институт разместился в помещениях Молотовского механического техникума (в настоящее время – Пермский политехнический колледж имени Н.Г. Славянова). Техникум был основан в 1919 г., с 1938 г. состоял в ведении Народного комиссариата вооружения СССР.

В архивном фонде р-998 «Пермский механический техникум», хранящемся в Государственном архиве Пермского края, имеются документы, содержащие информацию о совместной работе двух учебных заведений в период эвакуации ЛВМИ. Это отчеты о работе техникума за годы Великой Отечественной войны, а также переписка руководства техникума с Главным управлением учебными заведениями Народного комиссариата вооружения СССР [1, Ф. р-998. Оп. 1. Д. 2, 3, 23, 24, 25.].

Документы, содержащие информацию об эвакуации Ленинградского военно-механического института, были выявлены в Государственном архиве Пермского края в ходе реализации одного из выставочных проектов. В июле 2023 г. в сквере на улице Крупской в городе Перми АНО «Пермский автомобильный музей «Ретро-гараж» и Государственный архив Пермского края, в рамках проекта «Аристократы горнозаводской цивилизации», поддержанного Фондом

президентских грантов, открыли уличную стендовую выставку «Люди горнозаводской цивилизации». Так как при создании выставки использовались документы, связанные с эвакуацией промышленности в Пермский край в годы войны, была проведена работа по поиску ранее не включенных в научный оборот документов, связанных с данной тематикой. В результате теперь у исследователей есть возможность изучать историю пребывания ЛВМИ в Перми с привлечением в том числе документов Молотовского механического техникума.

В отчете о работе техникума за 1943–1944 учебный год указано, что после приезда ЛВМИ техникум выделил ему «несколько комнат под общежитие профессорско-преподавательского состава и студентов» [1, Ф. р-998. Оп. 1. Д. 24. Л.4]. Затем, начиная с 1943 г., все старое здание техникума было приспособлено под совместное общежитие техникума и военно-механического института, занятия же проходили в новом учебном помещении техникума, бывшем Доме техники завода им. В.М. Молотова (в настоящее время – ОАО «Мотовилихинские заводы»). В том же отчете говорится, что «учебное оборудование и хозинвентарь явились основой для создания учебных кабинетов и лабораторий для совместного использования институтом и техникумом» в бывшем Доме техники [1, Ф. р-998. Оп. 1. Д. 24. Л.4].

В ходе совместной работы происходил обмен кадрами между учебными заведениями, например, в 1943–1944 учебном году 11 преподавателей ЛВМИ были одновременно нештатными преподавателями техникума [1, Ф. р-998. Оп. 1. Д. 24. Л.4. Л.12]. «Техникум использовал квалифицированный профессорско-преподавательский состав Института» – подчеркивалось в отчете за этот же учебный год [1, Ф. р-998. Оп. 1. Д. 24. Л.4].

Документ, содержащий информацию об одном из преподавателей ЛВМИ, работавших в Молотове, профессоре Николае Николаевиче Замыцком, сохранился в фонде р-790 «Архивная коллекция документов, собранных А.К. Шарцем, „Уральский биографический словарь“». Архивное дело содержит биографическую справку о Н.Н. Замыцком. В период работы ЛВМИ в Молотове, в 1943 г., Николай Николаевич был награжден орденом «Знак Почета» [1, Ф. р-790. Оп. 1. Д. 897. Л.1].

Также нередким явлением был перевод студентов из техникума в военно-механический институт. Такие переводы утверждались Главным управлением учебных заведений Народного комиссариата вооружения СССР [1, Ф. р-998. Оп. 1. Д. 2. Л. 32, 34, 36, 39, 40]. Например, в 1942–1943 учебном году, согласно отчету, из техникума в ЛВМИ было переведено 7 человек [1, Ф. р-998. Оп. 1. Д. 23. Л. 4 об.].

Студенты ЛВМИ занимались на трех этажах общего здания, студенты техникума – на четвертом [1, Ф. р-998. Оп. 1. Д. 25. Л.2]. Преподаватели и учащиеся обоих учебных заведений пользовались общей столовой, кроме того, студенты техникума по договоренности с администрацией ЛВМИ пользовались читальным залом института [1, Ф. р-998. Оп. 1. Д. 24. Л. 38]. Книги из библиотеки техникума по межбиблиотечному абонементу выдавались в библиотеку ЛВМИ [1, Ф. р-998. Оп. 1. Д. 23. Л. 26]. Впоследствии при реэвакуации библиотека техникума приняла обратно от института 2100 книг [1, Ф. р-998. Оп. 1. Д. 25. Л. 21].

В 1944–1945 учебном году в связи с частичной реэвакуацией ЛВМИ в Ленинград техникум занимал все учебное помещение в утреннюю смену с 8 часов утра до 2 часов дня, а институт – во вторую смену с 2 часов дня до 7 часов вечера [1, Ф. р-998. Оп. 1. Д. 25. Л.2].

В период эвакуации преподаватели Ленинградского военно-механического института и Молотовского военно-механического техникума совместно создавали учебные пособия. Так, в отчете за 1944–1945 гг. говорится о разработке учебного пособия по прикладной механике, в которой «принимают участие Юдин П.Е. и проф. Иванов А.П. из ЛВМИ» [1, Ф. р-998. Оп. 1. Д. 25. Л. 33].

Окончательный выезд военно-механического института в Ленинград состоялся 4 марта 1945 г. [1, Ф. р-998. Оп. 1. Д. 25. Л.2]. Часть имущества института осталась в распоряжении Молотовского военно-механического техникума, так стало именоваться учебное заведение в сентябре 1944 г. 23 мая 1945 г. руководство техникума сообщило начальнику Главного управления учебных заведений Народного комиссариата вооружения СССР о том, что «принять на баланс имущественно-материальные ценности, принятые от ЛВМИ, мы не можем, т.к. акты оформлены, но нет стоимости. ЛВМИ были высланы спецпочтой кассовые документы и отношение о высылке стоимости согласно актам на имущественно-материальные ценности, но ЛВМИ до сего времени стоимость не высылает. ЛВМИ запросили вторично» [1, Ф. р-998. Оп. 1. Д. 3. Л. 64].

В Государственном архиве Пермского края выявлен также документ о награждении работников ЛВМИ властями Молотовской области, хранящийся в фонде исполнительного комитета областного Совета депутатов трудящихся. 18 января 1945 г. совместным постановлением бюро Молотовского областного комитета ВКП(б) и исполнительного комитета Молотовского областного Совета пятеро сотрудников института были награждены почетными грамотами обкома и облисполкома «за успеш-

ную организацию работы института в условиях эвакуации в городе Молотове» [1, Ф. р-564. Оп. 4. Д. 65. Л. 5].

Документы, находящиеся на хранении в Государственном архиве Пермского края, показывают, что Ленинградский военно-механический институт в период нахождения в городе Молотове продолжал свою работу, пользуясь содействием коллег из Молотовского механического техникума. Совместно подготавливая новые кадры для оборонных предприятий, пермяки и ленинградцы вносили свой вклад в будущую Великую Победу.

Список источников

1. Государственный архив Пермского края.

ИСТОРИЯ ЭВАКУАЦИИ ИЗ ЛЕНИНГРАДА ОСОБОГО КОНСТРУКТОРСКОГО БЮРО В Г. МОЛОТОВ

Шевырин Сергей Андреевич

*Кандидат исторических наук, доцент
Пермского государственного гуманитарно-
педагогического университета, г. Пермь,
shewirin@mail.ru*

Аннотация: На основе опубликованных воспоминаний и архивных документов рассматривается история эвакуации особого технического бюро из ленинградской тюрьмы «Кресты» в Томск, а затем в Молотов (современная Пермь). Это ОТБ специализировалось на конструировании артиллерии и состояло из осужденных по политической 58 статье ученых. В Томске ученые занимались теоретическими разработками, а в Молотове смогли воплотить эти разработки в различные оружейные системы.

Ключевые слова: «шарашка», ОТБ, эвакуация, Томск, Молотов, ученые, заключенные.

THE STORY OF THE EVACUATION OF THE LENINGRAD SPECIAL DESIGN BUREAU IN the City OF MOLOTOV

Shevyrin Sergey

Candidate of Historical Sciences,

Associate Professor,

Perm State Humanitarian

Pedagogical University, Perm,

shewirin@mail.ru

Abstract: Based on published memoirs and archival documents, the story of the evacuation of the special technical bureau from the Leningrad Kresty prison to Tomsk and then to Molotov (modern Perm) is considered. This OTB specialized in the construction of artillery and consisted of scientists convicted under Article 58 of the political code. In Tomsk, scientists were engaged in theoretical developments, and in Molotov they were able to translate these developments into various weapon systems.

Keywords: «sharashka», OTB, evacuation, Tomsk, Molotov, scientists, prisoners.

К концу 1930-х гг. сложилась четкая структура «шарашек» – конструкторских и технических бюро, сформированных из арестованных и, в большинстве своем, осужденных по политической 58 статье ученых. В 1939 г. Л. Берия писал в отчете И. Сталину: «Организованное в 1938 году при НКВД СССР Особое техническое бюро в настоящее время состоит из семи основных производственных групп: 1) самолётостроения, 2) авиадизелестроения, 3) судостроения, 4) артиллерии, 5) порохов, 6) отравляющих веществ, 7) броневых сталей. В указанных группах работают 316 специалистов, аресто-

ванных органами НКВД в период 1937–1938 гг. за участие в антисоветских, вредительских, шпионско-диверсионных и иных контрреволюционных организациях...» [7].

Производственная группа конструкторов-артиллеристов базировалась в ленинградских «Крестах».

В апреле 1938 г. был издан приказ об организации ОТБ (особого технического бюро) по Ленинградской области. В положении об этом ОТБ описывались его задачи: «... устранение выявленных конструкторских дефектов в морских и береговых артиллерийских системах, изготовленных по чертежам ленинградского завода «Большевик», а также разработка проектов и рабочих чертежей новых артиллерийских систем...» [5, с.48]. Артиллерийской группой руководили Сергей Иванович Лодкин и Евгений Александрович Беркалов. Согласно воспоминаниям, бывших заключенных в этой «шарашке» было около 150 человек. Среди них были известные конструкторы и математики – Пампель Э.Э., Точинский А.С., Журавский А.М., Кошляков Н.С., Цирульников М.Ю. и совсем молодые ученые – Фомченко С.И., Болчис В.И. и другие.

После начала войны все проекты в «шарашке» были остановлены. Осужденный за «шпионаж» и «вредительство» инженер Лев Михайлович Ильин вспоминал: «...около недели, если не больше, все слонялись без дела. Работы были прекращены – тематика их рассчитывалась на несколько лет, а война занимается лишь насущными проблемами. Потом пришло распоряжение из Центра, из Москвы. Специалистов собрали и предложили всем в течение нескольких дней обдумать что, какие разработки любого рода машин и механизмов, рассчитанные на быстрое выполнение, они могут предложить для фронта. Заявки надо было подать каждому персонально» [3]. Например, из воспоминаний Фомченко Сергея Ивановича,

инженера водного транспорта, осужденного в 1937 г. по обвинению в контрреволюционной деятельности Особым совещанием НКВД к 10 годам исправительно-трудовых лагерей, можно узнать, что он в это время работал над самоходным гусеничным устройством, предназначенным для борьбы с танками противника [8, с.62-63]. 21 июля 1941 г. началась эвакуация «шарашки» из «Крестов». Из воспоминаний С.И. Фомченко мы можем узнать, что ОКБ из «Крестов» эвакуировали в Томск (около 200 человек), а 33 человека – чертежников, копировщиков, младших конструкторов – решено было отправить в исправительно-трудовые лагеря. С.И. Фомченко попал в число тех, кого этапировали в лагерь ГУЛАГа. Его этап был отправлен в Актюбинск на строительство комбината ферросплавов. Условия жизни в обычном лагере были очень тяжелыми. По воспоминаниям С.И. Фомченко «через год из тридцати трех ленинградцев в живых осталось трое».

Первоначально «шарашку» планировали отправить в Казань. Вероятно, предполагалось слияние с Зеленодольским ОТБ. 21 июля 1941 г. этап заключенных был отправлен в Казань, но благодаря военной неразберихе оказался в Томске [5, с.50]. В Томске сначала все заключенные ОТБ были размещены в тюрьме и только в декабре 1941 г., согласно воспоминаниям инженера Владимира Померанцева, их начали, после собеседования, переводить в выделенное здание под «шарашку»: «Третьего декабря 1941 года меня вызвали «с вещами». Мы поняли, что нас уводят из томской тюрьмы. Нас с Иллиминским ведут по томским улицам. Мороз. Перешли пустырь и опять улица. Двухэтажный купеческий особняк и вышки по углам двора, обнесенного высокой крепкой оградой с колючей проволокой по верху. Проходная. Вышли новые надзиратели, которым нас и передали.... до революции это был купеческий особняк с огромными комнатами, теперь

частично переделанными в арестантские камеры. По широкой лестнице вестибюля нас провели на второй этаж и впустили в «угловую» камеру. В большой просторной комнате, квадратов на тридцать, помещалось четыре человека. – Будем знакомиться, – подошел невысокий коренастый человек. Я – Иконников, а это такие же, как и я, конструкторы – Мамин и Борисов, а это профессор Бурсиан. ... Мы с Иллиминским получили нужные чертежные инструменты, кое-какие справочники и расположились работать в той же камере, где и жили – так распорядилось тюремное начальство» [11]. По данным томских историков, здание «шарашки» располагалось в особняке купца Родюкова, постройки середины XIX века, на улице Войкова, 8 [12].

Из Томска только в июле 1942 г. инженеры-конструкторы прибыли в Молотов, где могли уже воплотить свои разработки на артиллерийском заводе № 172.

В ПермГАСПИ сохранился протокол заседания бюро Сталинского районного комитета партии г. Молотова (современный Свердловский район г. Перми), на котором рассматривался вопрос о возможности создания партиячейки при спецтюрьме, прибывшей из Томска [9, Ф. 231. Оп. 1. Д. 123. Л. 28].

Промколония № 1 Молотовского Управления исправительно-трудовых лагерей и колоний (УИТЛК) была организована на месте пермского Пересыльного замка, построенного на окраине Перми еще в 1871 г. С 1935 г. после реформы НКВД бывший ИРД стал именоваться Тюрьмой НКВД № 2, а накануне войны – Промышленной колонией № 1. К этому времени колония уже специализировалась на производстве гвоздей.

В Промколонии № 1 заключенные ОКБ были разделены на две группы – часть конструкторов, специализировавшихся на морской артиллерии, отправили в г. Молотовск (совр. Северодвинск), тех, кто занимался сухопутной артил-

лерией, перевели «на одну из боковых тихоньких улочек... в Мотовилихинском районе» [4, с.46].

Вполне вероятно, что часть заключенных, переведенных из Томска, оставили в Промколонии № 1, где уже имелись помещения для конструкторской деятельности. Косвенно об этом говорит Яворский В.Н. в своих воспоминаниях: «Часть заключенных разместили на окраине Перми, в пересылочной тюрьме, а нас – в небольшом доме на территории завода в тюрьме, как на Кировском заводе (в Ленинграде), но меньшей. Там заключенные только жили и питались» [10, с.75].

Да и сложно было разместить где-то в одном здании более 100 человек. Из имеющихся архивных сведений мы знаем, что контингент спецтюрьмы, так на языке ГУЛАГа назывались «шарашки», при заводе № 172 (пушечный) составлял 150 человек [2, Ф.Р-1366. Оп.1. Д.651. Л.23].

Вполне возможно, что заключенных разместили в 3 разных местах Молотова (Перми) – на улице Ким в Мотовилихинском районе, прямо на заводе и в Промколонии № 1, а в 1943 г. – даже в Воткинске (в воспоминаниях Яворского есть упоминания, что он часто ездил в Воткинск, где находилось военное производство).

От НКВД руководил «шарашкой», а в архивных документах даже «возглавлял», т. Иванов. Иванов Николай Алексеевич – подполковник государственной безопасности (ГБ), а с 1943 г. – полковник ГБ – возглавлял ОКБ со стороны НКВД. Необходимо отметить, что Иванов Н.А. кроме званий госбезопасности имел инженерно-техническое образование – в 1933 г. закончил военное отделение Ленинградского электротехнического института и в 1936 г. – военную академию РККА им. Буденного по специальности «военный электротехник». До службы в НКВД и ГБ успел поработать старшим инженером нескольких московских заводов [6, с.225].

На пушечном заводе в Мотовилихе существовало свое опытно-конструкторское бюро под руководством главного конструктора С.П. Гуренко. Но, судя по заявлению коллектива конструкторов этого бюро, начиная с 1940 г. «...бюро работает без малейшей отдачи... За указанный период времени бюро не внедрило на валовое производство ни одного своего нового образца артиллерийских машин. ...Большинство остальных машин 1941–1942 гг. либо не выдержали испытаний, либо их отладка затягивалась на долгие годы, ввиду чего они теряли свою актуальность, что приводило их также в архив или на склад» [9, Ф.889. Оп.1. Д.413. Л.2–3]. Под заявлением подписалось 13 конструкторов. Появление еще одного КБ на заводе оживило научную мысль и внесло элемент соревнования между конструкторами. Так, разработку 45-мм противотанковой пушки поручили сразу нескольким КБ. ОКБ Мотовилихинского завода предложило вариант М-6, эвакуированное ОКБ – М-42. При испытаниях выстрел из М-42 оказался кучнее [9, Ф.889. Оп.1. Д.413. Л.13]; т.е. вариант, предложенный заключенными, был лучше. То же было и с проектом увеличения мощности 152 мм пушки МЛ-20.

Попытки руководства заводского КБ вести совместные разработки с ОКБ-172 пресекались: «С предложением о совместной работе я (Гуренко) направился в ОКБ-172 к тов. Самарскому (зам. начальника ОКБ), но последний наотрез отказался... Я целых три часа просидел в ОКБ-172, уговаривая Самарского, но ничего не добился. Надо отдать должное тов. Цирульникову, он сразу принял мою сторону, но его т. Самарский через некоторое время выслал в другую комнату» [9, Ф.889. Оп.1. Д.413. Л.9]. Отказ подтвердил и начальник ОКБ-172 полковник НКВД Иванов.

За годы войны Мотовилихинским заводом было выпущено 48,6 тысяч пушек, т.е. каждая четвертая, произведенная в

стране [10, с.20]. Многие из них были разработаны заключенными инженерами. М.Ю. Цирульников, по ходатайству наркома вооружения Д.Ф. Устинова, в 1943 г. был досрочно освобожден, другие конструкторы оставались в заключении [1, с.75].

На счету лагерной «шарашки» ОКБ-172 – разработка пехотной противотанковой пушки М-42, модернизация гаубицы-пушки 152-мм МЛ-20 (позже использовалась в самоходке ИСУ-152), разработка 122-мм самоходки повышенной мощности М-22, 76-мм дивизионной пушки БЛ-14, 85-мм противотанковой пушки БЛ-19 [9, Ф.889. Оп.1. Д.413. Л.17-19] и других.

Уже в Молотове «шарашка» стала называться ОКБ-172. В отчете Четвертого спецотдела НКВД СССР за 1939–1944 гг. приведены десятки изобретений – самолеты, моторы, пушки, подводные лодки, катера, радиостанции, прибор видения для ночного боя. Особо были отмечены в отчете достижения ОКБ № 172. В 1944 г. ОКБ-172 было возвращено в ленинградские «Кресты».

Список литературы

1. Воспоминания Яворского В.Н. // Вестник Мемориала. № 6. СПб., 2001.
2. Государственный архив Пермского края (ГАПК).
3. Ильина Л. Л. Мой отец против НКВД / СПб. о-во «Мемориал»; вступ. ст. Л. И. Шаровой; предисл. В. Иофе. – СПб., 1998. – 197 с. : ил. – В прил.: Документы и материалы следственного дела Л.М. Ильина:
4. Крук Н.С. История ОКБ-172. // Вестник «Мемориала». 2001 г. №6.
5. Крук Н.С. Орудия Победы // Вестник Мемориала №6. СПб, 2001.

6. Кто руководил НКВД. 1934-1941 : справочник / Н. В. Петров, К. В. Скоркин ; под ред. Н. Г. Охотина и А. Б. Рогинского ; О-во «Мемориал», Российский гос. арх. социально-политической истории, Гос. арх. Российской Федерации. - Москва : Звенья, 1999. – 502.
7. Малых В. Болшевская «шарашка» // Калининградка. Газета калининградская правда города Королёва. №28 (18492), 17 марта 2016. URL: <http://kaliningradka-korolyov.ru/upload/uf/9f2/9f2761a9256bdb00c8ebe3730baea809.pdf>. (дата обращения: 10.06.2020).
8. Материалы к истории ОКБ-172. Воспоминания С.И. Фомченко. // Вестник Мемориала №6. СПб, 2001.
9. Пермский государственный архив социально-политической истории (ПермГАСПИ).
10. Плюснина О.М., Степанов М.Н. Военно-промышленный комплекс Западного Урала. // Бессмертный подвиг народа. Пермь, 2000.
11. Померанцев В. По царским и сталинским тюрьмам / сайт Центра документации новейшей истории Томской области // Владимир Померанцев. По царским и сталинским тюрьмам - Центр документации новейшей истории Томской области (ОГКУ ЦДНИ ТО) (дата обращения 21.02.2025 г.)
12. Приль Л.Н. Архивная находка: «Шарашка» в Томске! // сайт Центра документации новейшей истории Томской области // Архивная находка: «Шарашка» в Томске! - Центр документации новейшей истории Томской области (ОГКУ ЦДНИ ТО) (дата обращения 21.02.2025 г.)

РАЗДЕЛ II. ЭВАКУАЦИЯ В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ: СУДЬБЫ ВЗРОСЛЫХ И ДЕТЕЙ

ИЗ ЛЕНИНГРАДА – НА УРАЛ. СПАСЕНИЕ ДЕТЕЙ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Конивец Анна Валентиновна
Старший научный сотрудник,
Государственный Эрмитаж,
Санкт-Петербург
konivets@hermitage.ru

Аннотация: Статья посвящена эвакуации из Ленинграда детей сотрудников Государственного Эрмитажа и воспитанников Хореографического училища в Ярославль и Кострому, а затем в Свердловскую и Молотовскую области. Статья написана на основе воспоминаний, писем и архивных документов; приводятся фрагменты блокадного дневника балерины Театра оперы и балета им. С.М. Кирова, учившейся в Ленинградском хореографическом училище и окончившей его в Молотове. На базе Молотовского филиала была создана хореографическая студия при Театре оперы и балета, в последствии – знаменитое Пермское государственное хореографическое училище.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, эвакуация детей, Государственный Эрмитаж, Ленинградское хореографическое училище, хореографическая студия при Молотовском театре оперы и балета, Пермское государственное хореографическое училище.

FROM LENINGRAD TO THE URALS. SAVING CHILDREN DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Anna Konivets

Senior researcher,

The State Hermitage museum,

St. Petersburg

koniets@hermitage.ru

Abstract: The article is devoted to the evacuation of children from Leningrad to Yaroslavl and Kostroma regions and later to Sverdlovsk and to the city Molotov. The article is based on the memoirs, letters, archival documents and the blockade diary of a student of the Leningrad Ballet School who finished her education in the city of Molotov (now it is famous Perm State Ballet School) and became a soloist of the Kirov Ballet.

Key words: The Great Patriotic war; evacuation of children; The State Hermitage museum; Vaganova academy; the siege of Leningrad; the city of Molotov; Perm State ballet school.

Со словом «война» неизменно связано слово «эвакуация». Когда речь заходит о жизни Эрмитажа в годы Великой Отечественной войны, прежде всего, говорится о спасении культурного наследия, о подвиге эрмитажников, ценою жизни сумевших сохранить музейные ценности в страшных условиях блокады. Сорок три сотрудника музея умерли от голода в Ленинграде, еще шестеро погибли на фронте. [5, с. 515, 516, 519, 520]

В кратчайшие сроки были подготовлены к вывозу полмиллиона экспонатов, и первый эшелон отправился из Ленинграда на Урал 30 июня 1941 г., еще до того, как вышло постановление Государственного Комитета Обороны

№ ГКО-99 «Об эвакуации промышленных предприятий», от 11 июля 1941 г. Шла подготовка к отправке второго состава, а перед руководством музея стояла еще одна задача, не менее важная, и ее необходимо было немедленно решить во что бы то ни стало – предстояло организовать эвакуацию детей Эрмитажного интерната, в котором числилось почти 150 человек. Интернат был создан сразу после начала войны на базе эрмитажного детского сада (или «очага», как его тогда называли). Еще в 1929 г. на первом этаже Зимнего дворца была открыта Детская комната, оборудованная всем необходимым: мебелью, игрушками, посудой из сервизных кладовых и даже декоративными панно с кошками, созданными художницей Е.С. Кругликовой. В Комнате посетители музея могли оставить на время своих детей под присмотром воспитателей, а вскоре Комната была преобразована в Детский сад, а затем – в интернат, к которому помимо эрмитажных детей были приспаны и дети сотрудников других учреждений – Музея Революции, расположенного в Зимнем дворце, Института истории материальной культуры, Института Востоковедения и Дома Ученых, находившихся неподалеку, на набережной 9 Января (Дворцовой). Ответственное

Орбели И.А.

Антонова Л.В.

дело спасения детей директор Эрмитажа академик Иосиф Абгарович Орбели поручил заведующей Школьным кабинетом Любови Владимировне Антоновой (1903–1983). По анкетным данным, она считалась неблагонадежной, хотя и не скрывала фактов своей биографии. Дочь полковника царской армии, после революции воевавшего в армии Врангеля, она была исключена в 1935 г. из рядов ВКП(б) после того, как ее мать, дворянку и вдову белогвардейца, выслали из Ленинграда в связи с убийством С.М. Кирова. До этого Антонова успела окончить Педагогический институт в Ленинграде, поработать пионервожатой и в 1939 г. поступить на работу в Эрмитаж. [2, ф.1, оп.13, д.41, л.4-6] Но, если подходить к делу формально, ей нельзя было поручать дело поистине государственной важности. Однако Орбели, который часто действовал вопреки общепринятым нормам, был уверен, что Антонова его не подведет. Он не сомневался в ее честности и порядочности. Сопровождать детей отправились также заведующая Детским садом, воспитательница и завхоз. Все необходимые формальности, касавшиеся договоренности с организацией, которая должна была принять у себя ленинградцев, были улажены в самые короткие сроки, и 6 июля 1941 г. 146 детей приехали на Московский вокзал, чтобы отправиться в Ярославскую область. В эти же дни многие ленинградские школы, детские сады и предприятия также вывозили своих детей в эвакуацию, в основном – в районы Новгородской и Ленинградской области, которые в скором будущем, стали подвергаться жесточайшим бомбардировкам или были оккупированы врагом.

Я с детства помню не единожды повторявшийся рассказ моей бабушки, как она, придя с работы, узнала, что ребенок отправлен со школой в эвакуацию (моему отцу было в то время 9 лет). Она тут же бросилась на вокзал,

чтобы ехать на указанную ей в школе станцию и забрать сына. На следующий день они вернулись в Ленинград и вскоре узнали, что станция Бурга Маловишерского района Новгородской области, где располагался эвакуационный пункт, оказалась в зоне военных действий. В блокаду они оставались в своей квартире на улице Рубинштейна. Деда ранило осколком, и он вскоре умер от голода в больнице, а папа с бабушкой чудом остались живы (детей подкармливали во Дворце пионеров на Фонтанке).

В деревне Искробол, в нескольких километрах от железнодорожной станции Красный Профинтерн Ярославской области, эрмитажный интернат пробыл три с половиной месяца. В октябре 1941 г. немцы начали бомбить этот железнодорожный узел, и стало ясно, что дальше там оставаться нельзя. Было принято решение увезти детей в глубь страны. Для начала предстояло добраться водным путем до Горького, а уже оттуда – в Свердловскую область. 31 октября на подводах, выделенных соседним колхозом, эрмитажников отвезли на пристань, где уже собралось более двух тысяч эвакуированных детей. Неделью пришлось ждать отправки, – перегруженные пароходы проходили мимо. Тем временем наступала зима, Волга со дня на день могла замерзнуть. Когда, наконец, уполномоченный по эвакуации разрешил погрузить вещи эрмитажников на борт очередного парохода, капитан забитого до отказа судна дал команду прекратить посадку, и все продукты, взятые в дорогу, уплыли.

Л.В. Антонова старалась, по мере возможности, сообщать коллегам, оставшимся в Ленинграде, как чувствуют себя их дети. Старшие сами писали письма родителям и получали от них весточки; некоторые из них сохранились. Эти письма проникнуты оптимизмом, естественным желанием не напугать, убедить ребенка, что дома все в порядке, их

содержание и тон отличаются от тех, что писали эрмитажники своим коллегам, находящимся в эвакуации, и, конечно, от дневников, которые не были предназначены для цензуры, им авторы могли доверить свои чувства. На многих письмах со штампом «проверено военной цензурой», хранящихся в Архиве Эрмитажа, есть пометки: некоторые строчки жирно замазаны черной краской. В то время страшные подробности блокадной жизни, во избежание паники,

А.Ф.Пахомов.
За водой

не могли стать достоянием гласности, как и зарисовки художника А.Ф. Пахомова, сделанные им в городском морге, которые были впервые опубликованы только спустя много лет после войны, в то время как его литографии из серии «Ленинград в дни блокады» уже давно были широко известны.

Приведем выдержки из писем сотрудницы Отдела Запада Киры Федоровны Асаевич (1896–1985) к дочери-школьнице:

«3 октября 1941. Жизнь даже до такой степени идет нормально, что мне на днях снова предложили читать курс истории искусств в моем старом техникуме. <...> зажигательные бомбы тушатся очень быстро, борьба с разрушениями от фугасных, конечно, труднее, но и с этим справляются. <...> На днях начинаются концерты в филармонии.» 6 ноября, в канун годовщины Октября, когда эрмитажные дети готовились к посадке на пароход, она пишет: «Праздник у нас проходит в обстановке особенно грозной и тяжелой, зато

минуты передышки от обстрелов и налетов ценятся вдвойне. С какой-то особенной торжественностью готовимся завтра собраться своей командой встретить праздник всем вместе. <...> Даже грохот зениток нас теперь не трогает.» [2, ф.1, оп. 5 (ч.3), д. 2799-а, л. 5, 8]

В праздничный вечер 7 ноября камский пароход «Короленко» с детьми на борту смог взять и детей Эрмитажного интерната. На судне, рассчитанном на 300 человек, разместилось полторы тысячи. Это был последний пароход, – навигация закончилась. Те, кто остался на берегу, отправились в дальнейший путь по железной дороге и, как потом выяснилось, через десять дней благополучно добрались до места назначения, а Эрмитажному интернату предстоял долгий и тяжелый путь. До Горького должны были добраться на следующий день, но переполненный пароход напоролся на камень, получил пробоину и не мог самостоятельно сойти с места. Только через сутки пришел на помощь проходивший мимо «Лермонтов», который вез оборудование эвакуированного ярославского завода. Одновременно тем же курсом из Костромы следовал пароход «Вера Засулич». На его борту тоже находились дети, среди них были и младшие воспитанники Ленинградского хореографического училища, эвакуированные в начале июля 1941 г. Несколько месяцев они жили в пионерском лагере недалеко от города. Когда на подходе к пристани выяснилось, что Горький принять не может, пришлось с помощью речного ледокола возвращаться назад и идти в Городец, где был затон для судов. За ледоколом шел караван судов: «Лермонтов», «Короленко», «Москва», которая везла детей и оборудование предприятий Ростова, следом – «Вера Засулич» и «Сергей Киров». Наконец, 15 ноября измученные тяжелой дорогой и ослабевшие от недоедания дети вышли на пристани в Го-

родце. В этом сказочном городе с разноцветными домиками детей радушно приняли, но там их поджидала страшная напасть – эпидемия кори. Антонова, которая помнила наказ Орбели заботиться о детях, делала все, чтобы вылечить заболевших, в отчаянии написала в дневнике: «Мои усилия оказались бесполезными. Три смерти за одни сутки. Умерла дочь, умерли доверенные мне дети. Что я скажу матерям, как посмотрю им в глаза? Мне страшно, до безумия страшно властного пиршества смерти над жизнью. Мне чудится, что все дети умрут сейчас, на моих глазах, на моих руках.» [1, с. 155] Задерживаться в гостеприимном Городце было нельзя, а отправляться в дальнейший путь с больными детьми – невозможно. Любовь Владимировна вместе с коллегой остались выхаживать больных, а интернат 4 декабря отправился в дальнейший путь. Добраться до станции помогли военные из части, накануне прибывшей в Городец, – они отвезли 130 воспитанников во главе с завхозом к эшелону. Только 23 декабря 1941 г. выздоровевшие дети с воспитателями смогли отправиться в дорогу. Л.В. Антонова пишет: «Перед глазами стоит кладбище с четырьмя детскими могилками. Не отпускает тоска по умершей доченьке, по погибшим детям. Но надо думать о живых!» [1, с. 155] Эшелон с детьми благополучно добрался до Свердловска, а оттуда – на станцию Ляды, где детям предстояло провести три с половиной года.

В конце марта 1942 г. эвакуировалась из Ленинграда в Свердловск К.Ф. Асаевич, трудившаяся в эрмитажном стационаре со дня его открытия 1 февраля 1942 г. [4, с. 105-118] Она окончила курсы сестер милосердия еще во время Первой мировой войны, и эти знания пригодились ей при работе в стационаре и в интернате, куда она устроилась медсестрой, чтобы быть поближе к дочери. [2, ф.1, оп.13, д.50] Эрмитажный интернат

вернулся в Ленинград уже после Победы – 29 июня 1945 г. Про эти годы, когда она делала все, чтобы спасти доверенных ей детей, Любовь Владимировна Антонова в автобиографии написала всего одну строчку: «В дни Отечественной войны вывезла детей Государственного Эрмитажа в тыл страны».

[2, ф. 1, оп.13, д. 50, л. 4] Маленькие воспитанники балетной школы, плившие по Волге из Костромы на пароходе «Вера Засулич», добрались до Молотова. Большинство учеников старших классов успели эвакуироваться из Ленинграда в середине августа, еще до начала блокады. Оставшиеся воспитанники и некоторые преподаватели провели в городе самую страшную зиму; в их числе была и Агриппина Яковлевна Ваганова, чье имя сейчас носит Академия русского балета (до 1991 г. – Ленинградское ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени академическое хореографическое училище имени А.Я. Вагановой). Сейчас трудно представить, что в 1942 и в 1943 гг. в Ленинграде состоялись наборы детей в Хореографическое училище. В холодных, едва отапливаемых печками залах блокадные дети занимались классическим танцем. Из этого военного набора удалось закончить учебу только четверым. Балетная школа в осажденном городе жила так же, как и остальные учреждения, не уехавшие в эвакуацию. И в Эрмитаже, и в балетной школе были организованы свои команды МПВО (местная противовоздушная оборона) для защиты от зажи-

гательных бомб. Членом такой команды была и воспитанница Хореографического училища Тамара Богданова, чей блокадный дневник чудом дошел до нас, и в 2017 г. был напечатан в Нью-Йорке (США) крошечным тиражом в количестве трех десятков экземпляров.

Богданова Т.

Тамара Богданова (1924–2020) родилась в Петрограде в семье офицера царской армии. В 1931 г. он был арестован, вероятно, по делу «Весна» («Гвардейское дело»), когда почти одновременно во многих городах страны прошли массовые аресты военспецов, белых офицеров и бывших офицеров царской армии. После ареста отца Тамара больше не имела о нем известий. С матерью и младшей сестрой она жила в самом центре города, на Невском (тогда –

проспекте 25 Октября), недалеко от Аничкова моста со знаменитыми конями Клодта, после начала войны снятыми со своих пьедесталов и спрятанными в надежном месте. В 1932 г. Тамара поступила в Ленинградское хореографическое училище, где ее педагогом в течение нескольких лет была известная балерина, солистка Академического театра оперы и балета им. С.М. Кирова, заслуженная артистка РСФСР Ольга Генриховна Иордан (1907–1971). В седьмом классе она стала учиться у Марии Федоровны Романовой (1886–1954), в прошлом – солистки Мариинского театра, матери Г.С. Улановой. Восьмой класс Тамара окончила в 1941 г. и готовилась к участию в выпускном спектакле. Во время репетиции, которая шла на сцене Кировского театра, арти-

сты узнали о начале войны. С этого дня она начала вести дневник. Первая запись датирована 22 июня 1941 г.: «Приехала в театр (Кировский – А.К.), начала гримироваться. Потом пошла в зрительный зал смотреть „Белу”. («Бэла» – балет на музыку советского композитора В.М. Дешевова на сюжет первой части романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» – А.К.) Во время первого антракта по театру разошелся слух, что немцы начали военные действия с нами. Это так потрясло нас, что, конечно, танцевать как следует мы не могли. <...> Кончилась репетиция, настроение ужасное. Приехала домой, дома то же самое. По радио объявили военное положение, а в Ленинграде и Москве угрожающее. <...> В 3 часа ночи по городу была объявлена воздушная тревога. Было слышно, как шла перестрелка зениток. Очень было страшно.» [3, с. 3] Выпускной спектакль был назначен на 25 июня 1941 г., и он состоялся, как и было запланировано, на прославленной сцене Кировского театра. А через десять дней, 5 июля, учеников младших классов Училища эвакуировали в Костромскую область. Старшие воспитанники оставались в Ленинграде до 19 августа, когда они вместе с педагогами и труппой Кировского театра были эвакуированы в Молотов. В октябре туда же из Костромы, где оставаться было небезопасно, отправились и младшие классы. По дороге их пароход встретился с пароходом, на борту которого были эрмитажные дети. Тамара Богданова в эвакуацию не поехала – осталась в Ленинграде с матерью и младшей сестрой. 19 августа она пришла на Московский вокзал, чтобы проводить своих подруг: «Я не могла поверить, что я остаюсь. Как мне было страшно. Поезд стал медленно уходить. Почему-то ноги у меня стали тяжелые и какие-то не мои. Потом я пошла домой. Я шла по Невскому, почему-то по проезжей части, и плакала. Ви-

димо, я очень громко плакала, да громко. Остановливались люди. Ночью опять была тревога. Но мне было все равно.» [3, с. 6, 7] Теперь Тамара по очереди с оставшимися в городе преподавателями и учениками, находящимися на казарменном положении, дежурила в Училище. 1 сентября 1941 г., когда обычно начинались занятия, она вернулась домой после ночного дежурства с улицы Зодчего Росси, где расположено Училище, и записала в дневнике: «Как скучно. Нет школы. Осталось так мало народу. Где они сейчас? Доехали ли до места? Говорили, что сильно бомбили. После школьного эшелона на следующий день был взорван мост через «Волховстрой» (мост через реку Волхов – А.К.) и разбит последний эшелон. Эвакуация прекратилась. Ни один черт не пишет. А я просила. Тут есть школа, но очень мало народу. Завтра начинаем заниматься по классике. <...> Немцы окружили наш город. Это я узнала сегодня. Что же будет дальше, неизвестно. Страшно. Коммерческие магазины с сегодняшнего дня не существуют. А только все по карточкам. В Ленинграде много беженцев из пригородов». [3, с.7] Тамара пишет, что заходила домой к Марии Дмитриевне, сестре Д.Д. Шостаковича, учительнице музыки, и отмечает, что устает на занятиях: «Ноги как чугун или камень. Устала безумно. Грушка (Агриппина Яковлевна Ваганова – А.К.) на меня безбожно кричит и обзывает пятерочницей. Не может забыть экзамен, на котором из-за моей отметки поссорилась с комиссией. Сегодня норму хлеба сбавили на 100 грамм. У нас получилось по 300 грамм на человека. Ужасно мало. Занятия в школе периодически прерываются тревогами. <...> 9 сентября было 11 тревог за день, а ночью опять была бомбардировка. Я дежурила ночь в школе. Сегодня тоже без конца тревоги.» [3, с. 7, 9] Дневник Тамара ведет от случая к случаю, иногда по три недели ничего не пишет. В 1941 г.

зима пришла необыкновенно рано. «Сегодня выпал совсем зимний день. Снегу навалило много», – записывает она 28 сентября. Снег в сентябре в Ленинграде – большая редкость, в это время, как правило, еще стоит теплая погода бабьего лета. Вместе с холодом в город пришел и голод. И снова почти целый месяц Тамара не притрагивается к дневнику, а потом начинает подробно записывать все, что ей удалось получить из еды. Постоянное чувство голода не отпускает. Следующая запись датирована 30 октября 1941 г.: «После ночного дежурства. Пошла к Надежиной (соученица Тамары – А.К.). Квартира у них очень большая и очень темная. В коридоре пахло едой. Ее мама что-то готовила. Потом она дала нам по маленькой котлетке. Это было так видно! А когда мы съели, сказала: „Это была кошка на рыбьем жире поджаренная.” Ну и наплевать. На улице очень холодно» [3, с.11, 12]. Положение в городе все ухудшалось, люди уже начали умирать. 25 ноября она пишет: «Вяжу кофту. За нее получила 2 плитки шоколада, 100 г сахара, 20 г хлеба, 1 шоколадную конфету. Считаю это замечательным. Скорей бы все кончилось. Как все надоело, а главное – голод. Одолевают также и холод. Уроки в голову не лезут. Заниматься трудно. Главное, обидно, что Груша (А.Я. Ваганова – А.К.) не обращает внимания. А я так хотела к ней попасть. А теперь все равно. Сколько еще будет продолжаться этот кошмар?» [3, с.13] Ночные дежурства в школе Тамара называет спасением, она может ночевать в тепле, а не в своей промерзшей квартире. Запись от 12 января 1942 г.: «Хоть бы только какая-нибудь помощь с какой-нибудь стороны. Люди мрут и мрут. Картина ужасная. Магазины пустые и везде пахнет трупами. <...> Была классика с Грушей. Взяла в школе обед и пошла домой. Дома быстро пришлось все готовить. На буржуйку пошли уже ящики от моего письменного стола» [3, с. 16].

Тамара Богданова провела в Ленинграде первую блокадную зиму, потеряв и сестру, и мать. «Я чудом осталась живая. Позади осталась суровая, холодная, голодная и страшная зима. 125 г хлеба, электричества нет, воды нет, дров нет, и все это под непрерывными обстрелами, бомбежками» [3, с. 23]. В январе 1988 г. она написала в коротких воспоминаниях: «Нас, старших учеников, прикрепили попарно к концертным бригадам по обслуживанию госпиталей и воинских частей. Голод косил людей... У меня была дистрофия последней стадии. Меня спасла учитель истории И. А. Залкинд. Она меня подняла с постели, одела и отвела к директору школы. Меня прикрепили к первому открывшемуся стационару при Филармонии для работников искусств. Это меня спасло.» Тамара вспоминает концерт, который давали студенты Ленинградской консерватории и ученики Хореографического училища 31 мая 1942 г.: «Аплодисменты и зрителей я не забуду никогда. В зале было много военных и блокадники-ленинградцы. Выйдя кланяться, я увидела худые, даже изможденные, но добрые и улыбающиеся лица. Но больше всего я запомнила глаза. Глаза, полные слез. Они плакали. Сейчас трудно представить, как мы, изнуренные голодом, холодом и страхом, могли найти в себе силы станцевать 12 номеров на публике. Теперь я понимаю, они плакали от радости, что возрождается искусство и что мы выжили. Выжили, раз смогли танцевать. <...> 9 июня 1942 г. начальник Комитета по делам искусств Ленгорисполкома Б.И. Загурский эвакуировал меня в составе 14 учеников в г. Молотов, где была школа» [3, с. 23, 24]. Тамара, старшая в группе, отвечала за всю поездку. Приехавшая в Молотов в середине апреля 1942 г. А.Я. Ваганова наладила занятия в школе, а вскоре приехали из Ленинграда и другие преподаватели,

и 6 июня 1942 г. на сцене Молотовского театра оперы и балета состоялся «отчетно-показательный спектакль». Тамара Богданова с группой учеников добралась до Молотова 24 июня 1942 г. В то время все воспитанники Училища жили в бывшем Доме отдыха поселка Нижняя Курья. С 1 сентября 1942 г., после пропущенного блокадного года, Тамара начала заниматься у А.Я. Вагановой в 10 выпускном классе, а в конце года старшие ученики перебрались в Молотов, на улицу Луначарского, 37. Именно в этом доме началась история, впоследствии ставшего знаменитым, Пермского хореографического училища.

В июле 1943 г. Тамара Богданова была принята в труппу театра им. С.М. Кирова. «Из 14-ти выпускников было принято 5 человек», – написала в неопубликованной автобиографии. В июне 1944 г. Ленинградское хореографическое училище вернулось в свой дом на улице Зодчего Росси.

Тамара Богданова прослужила в Кировском театре 23 года, она была занята во всех спектаклях, много гастролировала с балетной труппой. В 1966 г. она закончила выступать на сцене и перешла на педагогическую работу. В 1991 г. вместе с мужем Тамара Богданова-Вапник переехала в США, где до 2008 г. преподавала в балетной школе. В 2018 г. экземпляр напечатанного «Блокадного дневника» был торжественно передан в библиотеку Бостонского университета. Во время этого события студенты Школы искусств читали вслух выдержки из Дневника, предварительно переведенного на английский язык.

Список литературы

1. Антонова Л.В. «Берегите наших малышей...»//250 историй про Эрмитаж. «Собрание пестрых глав...». Книга четвертая, часть первая. Отв. редактор А.В. Конивец. СПб., Изд-во Государственного Эрмитажа, 2016.
2. Архив Государственного Эрмитажа.
3. Богданова Тамара. Блокадный дневник. Нью-Йорк, 2017
4. Конивец А.В. Короткая история эрмитажного стационара. //Северный рубеж 1941. К 80-летию начала Великой Отечественной войны /Сборник докладов Международной научной конференции. СПб., 16-17 июня 2021. М., 2022.
5. Пиотровский Б.Б. История Эрмитажа. Краткий очерк. Материалы и Документы. М., 2000.

**ВИКТОР ВАСИЛЬЕВИЧ ДОРОФЕЕВ:
СУДЬБА МАЛЬЧИШКИ С НАБЕРЕЖНОЙ
ФОНТАНКИ В РЕАЛИЯХ
ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ОРЕНБУРЖЬЯ**

*Пляшешник Надежда Михайловна,
научный сотрудник Государственного
автономного учреждения культуры
«Оренбургский губернаторский
историко-краеведческий музей» – Оренбург
plyasheshnik@ogikm.ru*

Аннотация: В статье автор прослеживает судьбу В.В. Дорофеева, эвакуированного летом 1942 г. из блокадного Ленинграда в тыловой Оренбург подростком. Отмечаются репрессивные меры в отношении всей семьи, последовавшие вследствие немецкой национальности его мамы Норы Оттовны. В статье показано, что все испытания не сломили потомственного питерского интеллигента. В.В. Дорофеев своим трудом и талантом достиг заслуженного профессионального, научного и общественного признания; он являлся живым олицетворением культуры и интеллигентности в пространстве провинциального города Оренбурга.

Ключевые слова: Дорофеев, блокада, эвакуация, Ленинград, Оренбург, исследователь.

**VIKTOR VASILYEVICH DOROFEEV:
THE FATE OF THE BOY FROM
THE FONTANKA EMBANKMENT IN THE REALITIES
OF THE PROVINCIAL ORENBURG REGION**

*Plyasheshnik Nadezhda Mikhailovna,
researcher of the State Autonomous Institution
of Culture «Orenburg Governor's Museum
of History and Local Lore» – Orenburg
plyasheshnik@ogikm.ru*

Annotation: In the article, the author traces the fate of V.V. Dorofeev, who was evacuated in the summer of 1942 from besieged Leningrad to the rear Orenburg as a teenager. There are repressive measures against the whole family, which followed as a result of the German nationality of his mother Nora Ottovna. The article shows that all the trials did not break the hereditary St. Petersburg intellectual. V. V. Dorofeev achieved well-deserved professional, scientific and public recognition with his work and talent; he was a living embodiment of culture and intelligence in the space of the provincial city of Orenburg.

Key words: Dorofeev, blockade, evacuation, Leningrad, Orenburg, researcher.

Оренбуржье в годы Великой Отечественной войны являлось одним из важнейших регионов эвакуации из зоны военных действий и промышленных предприятий, и мирного населения. Всего жители сел и городов Оренбуржья приняли под свой кров более 240 тысяч эвакуированных – людей различной национальности из самых разных районов Украины, Молдавии, Белоруссии, Латвии, Литвы, Эстонии, Карелии, многих российских областей.

Перед установлением блокады из Ленинграда в Оренбургскую (Чкаловскую) область прибыло в 1941 г. – 11 574 чел., в 1942 г. – 2642 чел. [3, с. 90] Это кроме численности рабочих, служащих, инженерно-технических работников и членов их семей, прибывших в г. Оренбург (Чкалов) с эвакуированными заводами и организациями. Так, с авиационным заводом № 47 из Ленинграда в течение августа и сентября 1941 г. прибыло 1700 рабочих, ИТР и служащих, 1730 членов их семей, и вместе с заводом эвакуировали 176 человек из состава ремесленного училища № 66. [8, с.41]

Подробнее я остановлюсь на судьбе эвакуировано-ссылного из Ленинграда В.В. Дорофеева, прибывшего в Оренбург со второй волной эвакуированных летом 1942 г.

Виктор Васильевич – педагог, краевед, отличник народного образования и Почётный гражданин города Оренбурга (1999 г.). Член Союза журналистов (1994 г.) и Союза архитекторов России (2001 г.), широко известен как человек, посвятивший свою жизнь изучению истории нашего края. Более 100 исследовательских работ опубликованы им в оренбургских газетах и журналах, он автор более десятка книг, посвященных прошлому и настоящему города Оренбурга.

Виктор, единственный сын в семье служащих, точнее сказать, питерских интеллигентов, родился 2 декабря 1927 года. Папа, Василий Николаевич, русский – военврач-окулист; мама, Нора Оттовна, немка, работала учителем математики и физики в школе. Бабушка по материнской линии Гедвига Адольфовна преподавала немецкий язык в школе. Она же воспитывала единственного внука, занималась с ним изучением английского и французского языков.

В Ленинграде мальчик активно посещал Дом пионеров: занимался музыкой, учился в художественной студии, много читал. В семье была большая библиотека. Именно здесь за-

кладывались ростки творческой личности. В семье помнили о том, что по отцовской линии родство восходит к известному художнику плеяды передвижников Василию Максиму, чьи картины находятся в Третьяковской галерее. Крестный отец Виктора – Вильгельм Александрович Зоргенфрай, переводчик стихов, знакомый А. Блока. И неизвестно, кем бы он стал: музыкантом, художником, архитектором... Война разрушила все: семью, дом, учебу, планы...

Когда в 1941 г. началась Великая Отечественная война, семья осталась в блокадном Ленинграде, Виктор окончил пятый класс. Программу шестого проходил самостоятельно под руководством мамы. Отец – Василий Николаевич, работая врачом в госпитале, брал сына с собой на дежурства – там ему что-то перепадало из больничного котла. В госпитале 13-летний подросток помогал в уходе за ранеными, делал перевязки, писал лозунги. «К тому же, – рассказывал Виктор Васильевич, – сестра бабушки Дагмара Адольфовна, испытывавшая во время гражданской войны муки голода, всегда делала запасы продуктов. Мы над ней подсмеивались, но эти запасы, действительно, спасли семью. Горох, который она хранила несколько десятилетий, надо было варить чуть ли не целый день, но в результате все-таки получалась съедобная похлебка». Память подростка сохранила и бомбежки, и страшные картины смерти прямо на улице, и очереди за хлебом в пронизывающий холод.

Пережив самую страшную первую блокадную зиму, в начале лета 1942 г. члены семьи Дорофеевых немецкой национальности были высланы из Ленинграда. Им больше не довелось встретиться с отцом. По ложному доносу Василий Николаевич был арестован в декабре 1942 г. и расстрелян. Виктор с матерью Норой Оттовной, бабушкой и ее родной сестрой тетей Дагмарой, которая проживала в

их семье, отправились в Йошкар-Олу, но из-за бомбежек поезд изменил направление. Так, в 1942-м волею случая или судьбы изгнанники оказалась в Оренбурге, в котором жила двоюродная сестра бабушки О. Э. Мазуровская (Берлингер). [4, с.38-41].

Семья Ольги Эрнестовны и Павла Леоновича Мазуровских занимала одну из квартир второго этажа в знаменитом доме врачей губернской больницы по ул. Цвиллинга, 5. Поначалу разместились все вместе в этом двухэтажном доме. «Знакомство с городом меня несколько обескуражило, – пишет в воспоминаниях Виктор Васильевич, – я никак не ожидал, что город может быть с таким большим количеством одноэтажных домов, не мощеных улиц и тротуаров. ...При дальнейшем знакомстве с Оренбургом удивляло многое, казалось странным, поскольку не совпадало с моим представлением о городе. Это и одноэтажные дома, особенно в Новостройке, где встречались даже так называемые землянки из самана, где крыши служили одновременно и потолком, и общая неухоженность улиц, исключая центральные, и многое другое, касающееся и коммунального хозяйства, и привычек горожан». [5, с. 1]

Но через год по распоряжению НКВД Дорофеевых выслали из Оренбурга и направили на жительство в райцентр Сакмарск, бывшую казачью станицу, где проживали в большинстве старообрядцы. «Надо сказать, что очутившись в Сакмарске, я почувствовал себя примерно в допетровской России...», – продолжает делиться своими впечатлениями автор. [5, с. 2] Здесь, далеко от Ленинграда, от брюшного тифа в августе 1943 г. умерли бабушка и ее сестра. Мама с сыном в очередной раз выжили.

В Сакмарске Виктор получил законченное среднее образование, работал в районном узле связи монтером. Ходил

пешком по маршруту Сакмарск – Каргала, устранял поломки, восстанавливал связь. Кроме того, на его попечении был радиопузел: надо было вовремя включать Москву, Оренбург. Кстати, Виктор обеспечивал связь и 9 мая 1945 года, когда пришло сообщение о победе над Германией и окончании Великой Отечественной войны. В бывшей станице, на тот момент районном центре Сакмарске, В.В. Дорофеев прожил и несколько послевоенных лет.

В 1952 г. поступил на английское отделение в Чкаловский педагогический институт на факультет иностранных языков, который в тот год делал первый набор. Через четыре года получил диплом с отличием, и ему предложили работать преподавателем. С тех пор – более полувека с 1956 по 2010 г. – судьба Виктора Васильевича тесно связана с Оренбургским педагогическим институтом. В институте проработал 54 года. Прошел путь от ассистента кафедры английского языка до декана факультета иностранных языков. В 1966 г. получил знак «Отличник народного просвещения». В 1991 г. В.В. Дорофееву было присвоено ученое звание доцента по кафедре иностранных языков.

Работая в вузе, В.В. Дорофеев увлекся исследовательской работой, изучал теорию языка, но тут возникла непреодолимая преграда: для работы было необходимо получить командировку в Германию, однако Дорофеев оказался «невъездным». Диссертацию он так и не написал. Однако именно научно-исследовательская работа послужила поводом поехать в родной город.

Вот как он описывает это событие в своих воспоминаниях: «...Почти через 20 лет после отъезда в эвакуацию, осенью 1961 года приехал в Питер. Оставил чемоданчик на вокзале и направился в свой бывший родной дом. Решил, прежде всего, подняться в нашу бывшую квартиру, изви-

ниться за беспокойство и хоть посмотреть, кто в ней живет. Поднялся на площадку и с замиранием сердца позвонил. И... дверь открыл Владимир Федорович Овчинников (отец моего друга): «Витька!!! Ты!». Ведь узнал же он меня сразу, хотя не видел с осени 1941 года... Описать гамму чувств момента встречи невозможно. Далее – встречи со старыми знакомыми, в том числе с другом детства Всеволодом Овчинником, приехавшим к отцу и многими дорогими людьми, писал этюды...». [5, с. 11]

Кстати, друг детства и сосед – будущий писатель и японист Всеволод Овчинников, автор книг о Японии («Ветка сакуры») и Англии («Корни дуба»). В воспоминаниях много место уделено их детской крепкой дружбе с Севой. С особым теплом он пишет о его отце, архитекторе по профессии: «Отец Севы, Владимир Федорович был очень одаренным человеком. Профессионально как архитектор, от которого я получил первые «заряды» любви к архитектуре, он стоял на высоком уровне, отлично рисовал, причем имел прекрасную способность к шаржам...». «...Жили мы на Фонтанке. Квартира была отдельная, большая... Дом в блокаду уцелел». [6, с. 237]

Когда Овчинниковы вернулись в Ленинград из эвакуации, их квартира оказалась занятой (они жили этажом ниже Дорофеевых) и вселились в пустующую квартиру Дорофеевых. В автобиографии уточняется: «Все мы жили в шестиэтажном доме на набережной Фонтанки, 126. Окна выходили на N-W (северо-запад), на отличный вид, в том числе на собор Николы-Морского; все купола его были от нас видны» [7. с. 4]. С отцом они часто гуляли по набережной. Именно этот городской пейзаж из окна своей бывшей квартиры изобразил Виктор Васильевич на своем этюде. Обрамленный в раму, он до сих пор висит в его кабинете.

Виктор Васильевич оставил свои воспоминания на 300 страницах машинописного текста. Он писал не для публикации, а для своих детей, внуков... Воспоминания наполнены детальными подробностями будничных, самых обычных жизненных ситуаций. Особенно подробно они касаются детских лет, прошедших в Ленинграде.

С 1973 г. Виктор Васильевич начал профессионально заниматься исследовательской работой краеведческого плана. Главный предмет его исследований – история застройки Оренбурга. Он очень хорошо изучил предмет своих исследований как в историческом, так и в архитектурном плане. Ученого просто восхищала его уникальная планировка. Город строился как крепость, и в целях усиления обороноспособности в нем почти не было улиц, пересекающих город от начала до конца: они прерывались центральными кварталами. «Аналогов такой планировочной структуры не обнаружено ни в России, ни в Европе, ни в Америке», – убежденно констатировал краевед. Привлекала ученого и художника и оригинальная архитектура, со дня основания сочетавшая европейские и азиатские традиции.

Удивительно, что делом всей жизни этого человека стали краеведческие исследования, посвященные нашему городу и краю, несмотря на то, что он был уроженцем Ленинграда и очень любил его. Возможно, он хорошо чувствовал параллели этих двух городов: ведь Оренбург первый город после Санкт-Петербурга в Российской империи, официально заложенный по регулярному плану на пустом месте с прямоугольной, а не радиальной планировкой улиц. И если Санкт-Петербург считался «окном в Европу», то Оренбург – «окном в Азию».

В.В. Дорофеев являлся живым олицетворением культуры и интеллигентности в пространстве провинциального

города Оренбурга. Культуры и интеллигентности, которые были заложены в нем с генами и развиты соответствующим воспитанием и образованием. В культурно-общественном сознании оренбуржцев он всегда оставался питерским интеллигентом. Неслучайно первая биографическая статья о нем, опубликованная в 2005 году, называлась «Уроженец Питера – Почетный гражданин Оренбурга, доцент, педагог, краевед В.В. Дорофеев» [1, с.533-542].

Интервью «Виктор Дорофеев: Питерский оренбуржец» заканчивалось словами: «Я хотел бы, чтобы все помнили: право ставить перед фамилией имя и отчество даровалось когда-то только достойным». [2, с.17]. Виктор Васильевич, бесспорно, заслужил это право. А зная жизненный и творческий путь нашего земляка, можно сказать, что это Человек с большой буквы, человек как бы из другой эпохи, эпохи энциклопедистов и просветителей – так монолитно слились в одном лице множество талантов – архитектора, историка, педагога, общественного деятеля и просто хорошего человека.

Список литературы

1. Бахарева О.Я. Уроженец Питера – почетный гражданин Оренбурга, доцент, педагог, краевед В.В. Дорофеев // Немцы Санкт-Петербурга: наука, культура, образование / отв. ред. Г. Смагина. СПб: Росток, 2005. С. 533–542
2. Большакова Т. «Питерский оренбуржец» // Московский комсомолец в Оренбурге. 3–10 октября 2012. С. 17.
3. Богданова Е.Г. Демографические процессы на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.): диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Оренбург – 2011.– С. 195.

4. Дорофеев В.В. Династия Мазуровских // Оренбуржье и Польша: проблемы истории и культуры: сб. материалов (статей и тезисов) / Под ред. А.В. Федоровой. Оренбург: Димур, 1996. С. 38–41.
5. Дорофеева Г.Н. Избранные места из воспоминаний В.В. Дорофеева «О себе и других». Часть 2. (Продолжение) // Архив Оренбургского губернаторского историко-краеведческого музея, текущее делопроизводство. С. 1–11.
6. Дорофеева Г.Н. Избранные места из воспоминаний В.В. Дорофеева «О себе и других». // Человек и город в историко-культурном пространстве. Седьмые Дорофеевские краеведческие чтения: сб. статей / науч. ред. Е.В. Бурлуцкая. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2023. С. 236–239.
7. Пляшешник Н.М. Виктор Васильевич Дорофеев – Человек с большой буквы // I Дорофеевские краеведческие чтения: сб. статей/ под общ. ред. Н.А. Ереминой. Оренбург: ООО «Агентство Пресса», 2017.С. 3–14.
8. Промышленность Оренбуржья – фронту! Великая Отечественная война 1941-1945 гг. Под. общ. редакцией Грачева С.И., научн. редактор Футорянский Л.И. Оренбург: ГУ Оренбургский ЦНТИ, 2005, С. 38–45

**«СУДЬБЫ ЛЕНИНГРАДЦЕВ
В ЭВАКУАЦИИ НА УРАЛЕ»:
СОВМЕСТНЫЙ ОНЛАЙН-ПРОЕКТ
ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
ПЕРМСКОГО КРАЯ И ОБЪЕДИНЕННОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ**

*Катаев Денис Сергеевич
главный археограф научно-
исследовательского отдела
Государственного архива Пермского края,
аспирант кафедры истории и археологии
историко-политологического факультета
Пермского государственного национального
исследовательского университета
kataev-ds@mail.ru*

Аннотация: Опыт реализации в начале 2024 г. совместного онлайн-проекта Государственного архива Пермского края и Объединенного государственного архива Челябинской области «Судьбы ленинградцев в эвакуации на Урале». В рамках проекта в начале 2024 г. ГАПК и ОГАЧО подготовили для публикации на официальных страницах в социальных сетях и на сайте архива материалы, посвященные теме эвакуации в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. из Ленинграда и Ленинградской области на Урал населения, предприятий, учреждений и организаций.

Ключевые слова: социальные сети, архивы, эвакуация, Челябинская область, Молотовская область

**«THE FATES OF EVACUATED
LENINGRADIANS IN THE URALS»:
A JOINT ONLINE PROJECT OF THE STATE
ARCHIVE OF PERM REGION AND
THE UNITED STATE ARCHIVE
OF CHELYABINSK REGION**

***Kataev Denis Sergeevich**
chief archeographer of the department
of science and research
of the State Archive of Perm Krai,
postgraduate student of the department
of history and archeology
of the faculty of History and Political Science,
Perm State University
kataev-ds@mail.ru*

Abstract: The article describes the experience of implementing in early 2024 a joint online project of the State Archive of Perm Krai and the United State Archive of Chelyabinsk Region “The Fates of evacuated leningradians in the Urals». As part of the project, at the beginning of 2024, regional archives of Perm and Chelyabinsk prepared materials for publication on the official pages in social networks and on the archive’s websites, dedicated to the topic of evacuation during the Great Patriotic War of 1941-1945 from Leningrad and the Leningrad Region to the Urals of the population, enterprises, institutions and organizations

Keywords: social networks, archives, evacuation, Chelyabinsk Region, Molotov Region

«История Прикамья» [1] – одно из крупнейших сообществ российских архивов в социальных сетях, используемое не только для публикации документальных материалов Государственного архива Пермского края и информации о деятельности архива, но и для реализации совместных онлайн-проектов. В частности, вместе с Пермской краевой универсальной библиотекой им. А.М. Горького [2] был реализован онлайн-проект, посвященный истории микрорайонов г. Перми [3], а с Пермским зоопарком – посвященный его истории.

В начале 2024 г., в честь 80-летия полного освобождения Ленинграда от блокады, Государственный архив Пермского края совместно с Объединенным государственным архивом Челябинской области реализовал сетевой межрегиональный архивный онлайн-проект «Судьбы ленинградцев в эвакуации на Урале» [4].

Серия из 17 тематических публикаций была основана на подлинных архивных документах. В рамках проекта Государственный архив Пермского края и Объединенный государственный архив Челябинской области размещали с 12 января по 9 марта 2024 г. на страницах в социальных сетях и на сайте архива материалы, посвященные теме эвакуации в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. из Ленинграда и Ленинградской области на Урал населения, предприятий, учреждений и организаций. В группе «История Прикамья» материалы проекта отмечались хэштегом #archiveperm_Ленинградцы

Совместные публикации с ОГАЧО были посвящены таким темам, как эвакуация на Урал ленинградских образовательных, культурных организаций, оказание помощи семьям, эвакуированных, известным деятелям культуры из Ленинграда и Ленинградской области в эвакуации на Урале,

воспоминания эвакуированных ленинградцев, публикации в уральских газетах об обороне Ленинграда и снятии блокады, справочно-поисковые средства о ленинградцах, эвакуированных на Урал. Также освещена деятельность эвакуопунктов Молотовской и Челябинской областей.

Государственный архив Пермского края, в частности, также подробнее остановился на таких темах, как эвакуация Ленинградского военно-механического института в город Молотов, курсах военноослепших из Ленинграда, о реэвакуации Ленинградского театра им. С.М. Кирова. Также ГАПК освещал открытие выставки «Ленинград-Молотов: здесь продолжается линия фронта», открытой в Государственном архиве Пермского края 26 января 2024 г. [5]

На выставке были представлены подлинные документы из фондов ГАПК, которые освещают период блокады Ленинграда, защиты города и эвакуации населения и учреждений в Молотовскую область. Среди материалов экспозиции – воспоминания и фотографии участников обороны Ленинграда и боев на Невском плацдарме, карта эвакуированных детских учреждений Москвы и Ленинграда, программа спектакля «Спящая красавица», поставленного эвакуированным в г. Молотов Ленинградским театром оперы и балета им. С.М. Кирова, памятный адрес артистов Ленинградского театра оперы и балета им. С.М. Кирова председателю Молотовского горисполкома А.К. Шарцу.

Отдельным сюжетом был представлен военный период работы в Молотове ленинградских Курсов подготовки военноослепших. За годы Великой Отечественной войны через курсы для ослепших фронтовиков прошло более 300 человек. Многие курсанты продолжили свое обучение в вузах Перми, Москвы, Ленинграда, Киева и других городов.

Для подготовки выставки, были использованы материалы архивных фондов р-1696 «Архивная коллекция документов ветеранов Великой Отечественной войны», р-1808 «Архивная коллекция документов музея Пермского института ракетных войск», р-564 «Исполнительный комитет Пермского областного Совета народных депутатов», р-986 «Отдел народного образования Пермского областного исполнительного комитета Совета народных депутатов», фонды личного происхождения участников Великой Отечественной войны и фотофонды.

В проекте «Судьбы ленинградцев в эвакуации на Урале» также было рассказано о базе данных жителей Молотовской области, награжденных медалью «За оборону Ленинграда». Освещена и основная база данных Государственного архива Пермского края о лицах, эвакуированных в Молотовскую область. База является частью виртуального историко-архивного выставочного проекта «Эвакуация: судьбы, события, память» [6].

Также было рассказано об эвакуации фондов и коллекций учреждений культуры не только Ленинграда, но и других регионов запада СССР, включая Москву. Так, была освещена тема эвакуации Русского музея, Третьяковской галереи, Музея Академии архитектуры СССР, музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, музея Востока, наиболее ценных книг и рукописей из Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина.

Одна из публикаций была посвящена эвакуации театров на Урал. Была освещена и хорошо известная история эвакуации и реэвакуации Ленинградского театра оперы и балета им. С. М. Кирова, разместившегося в здании Молотовского театра оперы и балета, а также менее известная история эвакуации в г. Березники Молотовской области Ленинградского государственного Театра юного зрителя. Уделено было

внимание и размещению документов Центрального государственного архива Октябрьской революции на площадях Государственного архива Молотовской области.

Освещена была и тема эвакуации представителей творческой интеллигенции, в том числе художников из Ленинграда и Москвы. В числе эвакуированных в Молотов были московские художники В.Г. Одинцов, П.И. Львов, Б.В. Иогансон, Г.Г. Ряжский и ленинградские художники Ю.А. Васнецов, В.А. Оболенский, Н.И. Альтман, В.М. Орешников. Также в г. Молотов были эвакуированы из Ленинграда и Москвы 43 члена Союза советских писателей, в числе которых находились В.А. Каверин, И.С. Соколов-Микитов, М.Л. Слонимский, Ю.Н. Тынянов, А.А. Д'Актиль (Френкель), В.Ф. Панова. Вышла отдельная публикация к 130-летию писателя В.В. Бианки.

Уделено было внимание и источникам личного происхождения, эго-документам о периоде обороны Ленинграда и эвакуации на Урал. Были опубликованы воспоминания жительницы Ленинграда Якоб Ларисы Ивановны, сотрудницы эвакогоспиталя в Молотовском (Мотовилихинском) районе Музы Леонидовны Вороны и композитора Сергея Михайловича Слонимского. Причем подписчики сообщества получили возможность познакомиться с цифровыми образами рукописных воспоминаний, и с аудиозаписями с зачитанным текстом, и с фрагментами видеосъемки интервью.

Объединенный государственный архив Челябинской области осветил работу над электронным информационным ресурсом «Эвакуированные на территорию Челябинской области в годы Великой Отечественной войны» [7]. Было также рассказано о Ленинградском педагогическом институте имени А.И. Герцена, его эвакуации в Пятигорск

и продолжении эвакуации через Азербайджанскую ССР и республики советской Средней Азии – в город Кыштым Челябинской области.

Было опубликовано интервью Татьяны Исааковны Штанько (1937–2021) – дочери Исаака Моисеевича Зальцмана (1905–1988), народного комиссара танковой промышленности СССР, Героя Социалистического Труда, кавалера высших орденов Советского Союза. Т.И. Штанько в этом интервью, записанном в 2017 г., подробно рассказала о страницах своего детства, проведенного в эвакуации в Челябинске. Челябинские архивисты рассказали о художнике Леониде Александровиче Малышеве, его работе на Южном Урале, а также об эвакуации партийного архива Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) в Челябинск.

Также была затронута тема освещения обороны и снятия блокады Ленинграда в газетах Западного и Южного Урала. В газетах был освещен и такой эпизод, связывающий Ленинград, Молотовскую область и Челябинскую область, как гастроли театра им. Кирова в Челябинске в феврале 1944 г., незадолго после снятия блокады Ленинграда.

На 9 ноября 2024 г. публикации проекта имели более 67 тыс. просмотров, совокупное число реакций (отметок «Мне нравится», комментариев и репостов) на публикации, созданные в ходе проекта, составляло 1930.

Наибольший интерес подписчиков вызвала публикация от 18 января 2024 г., посвященная эвакуации ленинградских учебных заведений (в первую очередь – Ленинградского военно-механического института в Молотов и Ленинградского педагогического института в г. Кыштым) в Молотовскую и Челябинскую области. Наименьший отклик вызвала публикация от 7 марта 2024 г. о базах данных ГАПК и ОГАЧО.

При подготовке публикаций пермскими архивистами использовались, в частности, документальные материалы Молотовского облисполкома (фонд р-564) и райисполкомов (в том числе, Добрянского, Верхнегородковского, Нытвенского), личных фондов (в особенности – литератора С.М. Гинца, фонд р-1588), фонда печатных изданий ГКБУ «ГАПК». Челябинские архивисты, в свою очередь, во многом опирались на фонд Челябинского областного комитета КПСС (П-288), Главного управления образования и науки Челябинской области (р-1000).

Авторы публикаций, также стремились «подсветить» сюжеты, уже доступные в материалах справочно-поисковых средств архива и в выставочных проектах. В особенности это касается материалов выставочного проекта «Эвакуация: судьбы, события, память» и базы данных указанного проекта, активно использовавшихся при подготовке публикаций.

Для Государственного архива Пермского края, активно сотрудничающего с архивными учреждениями регионов России в ходе издательских и выставочных проектов, серия публикаций «Судьбы Ленинградцев в эвакуации на Урале», созданная в сотрудничестве с Объединенным государственным архивом Челябинской области, стала первым этапом межрегионального сотрудничества именно в сфере социальных сетей. Стоит отметить, что по сравнению с проектом «Пермские микрорайоны», где было уделено внимание локальной пермской специфике, «Судьбы ленинградцев в эвакуации на Урале» вызвали чуть меньшую вовлеченность подписчиков сообщества. Но в целом, документальный проект позволил познакомить пермяков с общесоюзным и общеуральским контекстом темы эвакуации в годы Великой Отечественной войны.

Список литературы

1. История Прикамья / Государственный архив Пермского края // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/permachive> (дата обращения: 19.12.2024).
2. Пермская краевая библиотека им. А. М. Горького // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/gorkilibrary> (дата обращения: 19.02.2024).
3. Шестакова Е.В., Шаврина С.Г. Просветительский архивный проект «Пермские микрорайоны»: опыт реализации // Город Пермь - 300 лет в истории России. Материалы всероссийской научно-практической Конференции. Пермь, 2023 г. С. 424-430
4. Объединенный государственный архив Челябинской области // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/guogacho> (дата обращения: 19.02.2024)
5. В архиве Пермского края открылась выставка к 80-летию полного освобождения Ленинграда от блокады // Гос. арх. Перм. края. Официальный сайт. URL: <http://archive.perm.ru/about/news/v-arkhive-permskogo-kraya-ot-rylas-vystavka-k-80-letiyu-polnogo-osvobozhdeniya-leningrada/> (дата обращения: 19.02.2024)
6. Эвакуация: судьбы, события, память // Государственный архив Пермского края. Официальный сайт. URL: <http://archive.perm.ru/exhibits/evacuation/show/> (дата обращения: 19.12.2024 г.)
7. «Эвакуированные на территорию Челябинской области в годы Великой Отечественной войны» // Объединенный государственный архив Челябинской области. Официальный сайт. URL: <https://databases.archive74.ru/evacuation> (дата обращения: 19.12.2024 г.)

КУНГУР ДЛЯ ЭВАКУИРОВАННЫХ ЛЕНИНГРАДЦЕВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Елтышева Лариса Юрьевна
зав. отделом истории
МБУК «Кунгурский историко-
архитектурный и художественный
музей-заповедник» г. Кунгур.
Larisa-1408@yandex.ru.

Аннотация: В статье рассматривается история г. Кунгура, как места для эвакуации жителей блокадного Ленинграда в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: блокада, эвакуация, Кунгур, реэвакуация.

KUNGUR FOR EVACUATED LENINGRAD RESIDENTS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Yeltysheva Larisa Yurievna
Head of the History Department
of the Kungur Historical, Architectural
and Art Museum-Reserve, Kungur.
Larisa-1408@yandex.ru.

Abstract: The materials of the article tell us the history of Kungur as a place for the evacuation of residents of besieged Leningrad during the Great Patriotic War.

Keywords: blockade, evacuation, Kungur, re-evacuation.

В первые месяцы Великой Отечественной войны составной частью военной перестройки народного хозяйства явилось беспрецедентное по своим масштабам и срокам перебазирование производительных сил предприятий и населения из угрожаемых районов на восток. По решению Государственного Комитета Оборона в Кунгур эвакуируются из Украины, Белоруссии, Москвы, Воронежа, Ленинградской обл. В первые дни войны в Кунгуре был создан распорядительный комитет по эвакуации. Была утверждена должность инспектора по хозяйству эвакуированного населения. На эту должность была назначена т. Есаве. [7, с. 5] Первые эшелоны с эвакуированными начали прибывать уже в июле – начале августа 1941 г. Многие прибывали без вещей, документов. Вместо паспортов им выдавали удостоверение личности на три месяца, составлялись списки, которые подавали в органы милиции. По удостоверению можно было устроиться на работу, прописаться из прифронтной полосы в режимные места I категории, а из Ленинграда и Москвы беспрепятственно во всех местностях, кроме пограничной полосы. [3, с. 5]

Больше всего эвакуированных людей прибывало из г. Ленинграда и Ленинградской области. Это были обессиленные от голода дети и взрослые. Первые эвакуированные стали прибывать еще в июле 1941 г. из г. Иоханес (п. Советский) Ленинградской области, где работал бумажный комбинат, а также из городов Выборга, Энсо (г. Светлогорск, Выборгский район), где также работал бумажно-картонный комбинат, г. Луга. [5, с. 36] В августе 1941 г. прибыли эшелоны с оборудованием кирпичного завода НКПС № 1 из г. Новгорода Ленинградской области. В Кунгуре оказались 58 семей, 102 человека. В октябре 1941 г. прибыло еще 6 семей, 16 чел. [4, с. 90] Из Ленинграда были эвакуированы –

профессор П.Г. Бельский, его жена, педагог-дефектолог, дочь-химик, актриса Резникова Нина, пианистка Г.В. Явинц – полька, сотрудники Ленинградского концертно-лекторского Бюро пушкинского общества с режиссером В.А. Спонковым, преподавателем Е.С. Энтиным, артистом-чтецом В.С. Кельбергом, и другие. [6, с. 28, 60]

На ст. Кунгур прибывающие эвакуированные оставались под открытым небом. Для решения всех этих задач Кунгурский горсовет организовал на ст. Кунгур круглосуточное дежурство представителя Исполкома. В обязанности дежурного входило: встречать эшелоны с эвакуированными, заниматься организацией санобработки, оказанием медицинской помощи нуждающимся, обеспечивать горячим питанием людей прямо на вокзале. Решено было также недалеко от ст. Кунгур открыть общежитие на 20–30 человек для эвакуированных, ожидающих отправки дальше. Были известны факты вымогательства вещей у эвакуированных и обмена по спекулятивным ценам продуктов питания. [8, с. 49, 56] Эвакуированных прибывало так много, что не хватало транспорта для их вывозки. Многие с детьми оставались на ст. Кунгур иногда до 10 дней. [2, с. 13] На 1 августа 1941 г. по данным Молотовского переселенческого отдела в Кунгурский район было отправлено 2514 чел. [2, с. 17] Не всегда удавалось обеспечить транспорт, поэтому решено было задействовать гужевой транспорт из сельской местности. В августе 1942 г. каждый колхоз после сдачи сельхозпродукции (хлеба, сена) должны были заезжать на ст. Кунгур и забирать эвакуированных, следующих в их район. [8, с. 28] Эвакуированные распределялись со ст. Кунгур не только в Кунгурский район, но и близлежащие районы.

Решением Молотовского областного Совета Советским правительством выделялись специальные средства для

усиленного питания ленинградцев. Сразу же при встрече и разгрузке эшелонов с ленинградцами их кормили горячими обедами и выдавали сухие пайки. Так, например, для встречи эшелонов с ленинградцами в июле 1942 г. было выделено крупы – 1270 кг, масла животного – 260 кг, мяса – 400 кг, яйцо-бой – 17 000 штук, творога-брынзы – 1350 кг, сахара – 370 кг. Из них – 270 кг крупы, 60 кг масла, 200 кг мяса, 7000 яиц, 350 кг творога, 70 кг сахара было выделено на питание при разгрузке в виде горячей пищи. Творог-брынза и сахар выдавались в виде пайка. Норма на одного ленинградца в месяц составляла: крупа – 1 кг, масло животное – 200 гр., яйцо-бой – 10 шт., творог-брынза – 1 кг, сахар – 300 гр. [8, с. 12] Но порой продукты были некачественные. Обеспечение продуктами питания эвакуированного населения иногда вызывало и жалобы. Так, в августе 1942 г. поступила жалоба 33 рабочих алебастрового завода на Бабиной горе о том, что вместо положенного мяса выдали кости, а колбаса была протухшей. [9, с. 9] Остро стояла проблема и с одеждой. В I квартале 1942 г. была выделена шерсть для изготовления валенок для эвакуированного населения в Кунгурскую Заготконтору, Райпотребсоюз и Дейковскую артель. В первую очередь должны были быть обеспечены ленинградцы, граждане Литовской ССР и те, кто будут работать в санатории для туберкулезных детей в с. Каширино. [8, с. 43] В ноябре 1942 г. было выделено более 1000 кг шерсти для производства 240 пар валенок, 70 стелек, 2000 носков и варежек для эвакуированных. Для детских домов и интернатов было выделено 305 пар обуви. [8, с. 57] Районный торговый отдел выделял для эвакуированных промтовары: швейные изделия, трикотаж, обувь, которые должны были, в первую очередь, продаваться нуждающемуся эвакуированному населению по справкам и спискам сельскими

местными советами. Выделялись средства на оказание материальной помощи эвакуированным. Неоднократно проходили проверки условий проживания ленинградцев. Результаты проверки отмечали: «Нужда в обуви и одежде 50 %. Питание умеренное, некоторые имеют огороды, плохо с жирами, особенно тяжело детям, грязные, без игрушек. Вдовы не имеют огородов, меняют вещи или покупают продукты дорого. Необходимо было усилить подвоз продуктов на колхозный базар, т.к. на неработающих не выделялись специальные фонды. Хлеб и сахар по карточкам, одежда и обувь из фондов через Межрайторг в сельской местности, в городе через потребкооперацию». [9, с. 97] На октябрь 1942 г. из 12 550 эвакуированных, детей было 4114 чел., Ленинград и область – 2228 человек. Эвакуированное работоспособное население должно было устроиться на работу. В промышленности выдавался хлебный паек 800 гр, предоставлялась спецодежда, квартира. Ежемесячно подавались списки требуемых специалистов с кунгурских предприятий и составлялись списки трудоустройства. При необходимости проводили мобилизацию среди местного и эвакуированного населения. [8, с. 17] Кунгурские предприятия также запрашивали работников на свободные рабочие места. Составлялись с предприятий списки специальностей. Кунгурский горисполком в свою очередь давал направления на работу эвакуированным по этим спискам. Большинство из эвакуированных были с высшим образованием, но в Кунгуре работали простыми рабочими. Они распределялись на работу в следующие организации: Заготскот, алебастровый завод, горпромкомбинат, кирпичный завод, городская больница, швейная фабрика, артель «Вперед». [6, с. 60]

В мае 1942 г. в г. Кунгуре и Кунгурском районе находилось 12 350 эвакуированных. Из них, граждан г. Ленингра-

да – 1968, Ленинградской обл. – 2228 человек. Положение эвакуированных оставалось тяжелым и в 1943, и 1944 гг. У них не хватало продуктов питания, одежды. Они, в отличие от местных жителей, не имели подсобных хозяйств, хотя им выделяли участки земли для огородов. Поступало много жалоб на плохое проживание и просьб выделить дополнительный паек для усиленного питания. Отмечались среди эвакуированного населения и случаи заболевания дистрофией 2-й степени, и случаи смерти от дистрофии. В своих жалобах они отмечали плохое отношение к ним не только местных жителей, но и порой руководства сельских советов. В июне 1943 г. в Молотовский облисполком поступила жалоба ленинградцев, которые были размещены в д. Шубино Неволинского сельсовета Кунгурского района. Женщины жаловались, что их дети хилые, голодают. Они пережили голод в Ленинграде, вынуждены голодать и здесь. Не хватало хлеба, а заработанный хлеб на трудодни выдавали в колхозе с задержкой 6–7 дней. Норма для детей и нетрудоспособных была 299 грамм. Когда они обращались за помощью к председателю сельсовета, то тот гнал их из правления и говорил: «Не мяргайте». Кроме этого, с них брали, так же как и с колхозников, 300 грамм зерна в фонд пострадавших. При этом их голодных, разутых и раздетых отправляли на самые трудные работы, грозя судом. Письмо подписали более 10 человек. [13, с. 87]

4 ноября 1942 г. в Совет по эвакуации г. Москвы поступила жалоба из Кунгурского района Молотовской обл. д. Любаши Комаровского с/с от эвакуированной жительницы Ленинграда. А.П. Паршаковой. В ней она писала о том, что «они эвакуировались из Ленинграда в июне 1942 г., слабые, больные, не успев взять вещи. Работают в колхозе, выработали по 500 трудодней. Местный бригадир злоупотребля-

ет положением, посылает на самые плохие и трудоемкие работы – лесозаготовки и дрова. Своим колхозникам дают выходные дни для своих дел, нам отказывают, угрожают судом и репрессиями. Лошадь за дровами дают ночью, а у них ночью дежурство. Колхоз дает по 2 и 5 кг муки на детей и взрослых. Мясо дают – «падаль», только собакам. Колхозникам килограммами, а нам граммы. Варварство бесчеловечное. Жить в Кировской области было дешевле, чем в Молотовской. Нет керосина, обуви и одежды. В сельпо вещи дают своим...». [14, с. 39] В ответе на жалобу из областного совета по эвакуации было рекомендовано: «незамедлительно провести проверку, обследование условий проживания, принять меры, снабдить продуктами и одеждой и сообщить об итогах проверки». [14, с. 40] Колхоз обеспечивал трудоспособное население, нетрудоспособное обеспечивалось через сельпо. Жалоба из п. Садоягодное Кунгурского района. Жительница блокадного Ленинграда Валентина Семенова просила оказать помощь: «Была эвакуирована в состоянии сильнейшего истощения. Лежала 7 месяцев в больнице г. Молотова, вышла совсем раздетая и разутая. Помощи от родных нет. Отец на фронте, мать погибла от голода. Прошу выделить одежду и обувь». Из материалов обследования по жалобе В. Семеновской: «Живет в общежитии техникума-интерната для инвалидов, стипендия 90 руб. в месяц, получает питание: 3 раза в день по 2 блюда. В состав входят молоко, мясо. За 1943 г. получила платье, туфли, чулки». [14, с. 44] Гр. М.Д. Федорова, ст. Ергач: «Эвакуировалась из Ленинграда. Дали паек за 2 месяца, 800 гр. хлеба, сахар, масло. Отдохнув по мере возможности, слабая пошла на работу в колхоз. Заработала 48 трудодней. Меняла одежду на продукты, осталась я босая и голая. В сельпо дали тапочки ходить в комнате. Носила зимой воду

на ферму, хозяйка дала лапти и одежду. С мая пасла овец на поле. Посылали на лесосплав, потому что одинокая, но врачи признали остатки истощения, труд ограничили. Муж умер на служебном посту в Ленинграде...». [15, с. 110]

Несмотря на жалобы ленинградцев на плохое обращение, трудно было всем, больше всего было слов благодарности жителям Кунгура. Кунгурячка Н.Н. Басманова вспоминала: «В нашем доме в годы войны жила семья Загрузиных, эвакуированных из Ленинграда. Бабушка Анфуса Григорьевна Шадрина всех их жалела, говорила: «Мне их шибко жалко, ведь у нас огороды посажены, а они прибыли кто в чем, ничего у них нет...». Бабушка шла на Машановскую пристань, привязывала к бутылке веревку и целый день ловила мальков. Потом перекручивала их с травой на мясорубке, добавляла крахмал и делала котлеты, кормила эвакуированных. Они говорили, что вкуснее этих котлет ничего не ели». [19, с. 1] Прибылева Т.А. 1934 г. рождения вспоминала: «На квартире у нас жили эвакуированные из Ленинграда. Одна девушка работала на кухне госпиталя, где мыла кухонную посуду, котлы для приготовления пищи. Она соскабливала со дна и стенок котлов пригоревшую кашу и прятала в чистую тряпочку, выносила мне. А я стояла у ворот госпиталя, а они охранялись военными, и ждала, когда она мне вынесет эту пригоревшую кашу. Вкусней я за свою жизнь ничего не ела...». [22, с. 1] Когда прибывали поезда с эвакуированными ленинградцами, в которых были дети, кунгурские женщины встречали эти эшелоны. Накрывали стол на вокзале, несли свою нехитрую еду – чай, варенье, хлеб. Усаживали за стол детей, давали им кусочек хлеба, чай. Дети были настолько обессилены от голода, что не понимали, что можно было за раз съесть этот кусочек хлеба. Они отщипывали малень-

кий кусочек, клали его за щеку и, закрыв глаза, долго так сидели, пока хлеб у них во рту не таял.

В 1943 г. эвакуированных из Ленинградской области было 1138 человек. Из них инвалиды – 606, имеющие занятие – 356, технический персонал – 80, культработники – 15, занятые в промышленности – 108, в с\х – 72. Город Ленинград – 1386, инвалиды – 644, учащиеся – 137, заняты занятиями – 327, в промышленности – 73, культработники – 41, в промышленности – 109, на ж\д – 38. [12, с. 124] Эвакуированных ленинградцев-специалистов не отпускали с предприятий Кунгурского района для реэвакуации. В 1943 г. администрация Кунгурского алебастрового завода была обеспокоена тем, что «рабочие завода Лебедев и Дрозд без санкции администрации выехали в Ленинградскую область на Кировскую ж/д. Завод сам нуждается в рабочей силе, просить инспектора по эвакуации не оформлять впредь документы на выезд...» Ответ работника В.П. Лебедева: «...плохие жилищные условия, семья 10 человек, одна комната, босые, обувь носят по очереди, хлеб 400 гр., грубое отношение начальства, угроза тюрьмы, обзывают «дурачок», одни насмешки, прошу помощи, и отправить на строительство Кировской ж/д». [12, с. 306] Ответ администрации завода был: «Выдано семье – 1кг рыбы, 250 гр масла, сыра 400 гр., 1кг крупы. 1 пара ботинок, ватник, материал на белье, произведен ремонт квартиры, дано три дня для отпускных». [12, с. 303]

На 1 декабря 1942 г. из 12 686 человек эвакуированных – 6814 были дети. [9, с. 97] Особое внимание уделялось эвакуированным детям. Были взяты на учет дети до 12 лет, организован патронаж детей до 1 года, и слабых детей до 3 лет. Больных детей обслуживали на дому, тяжелых госпитализировали. С 1 января 1943 г. была утверждена должность

районного педиатра. В Кунгурский район были эвакуированы детские учреждения из Ленинграда: Троицкий интернат в с. Неволينو – 79 человек, детский интернат № 4 в с. Парашино Плехановского с/с – 88 детей, детский интернат № 30 в с. Шадейка – 74 чел., детский интернат № 316 в с. Троицк – 102 ребенка. [10, с. 27]

Из материалов проверки детских учреждений из Ленинграда и Ленинградской области. Детский приют ленинградской школы № 316 в с. Троицк: «Помещение и уборная теплые. Требуется ремонт окон, крыши, побелка. Заменить котлы для приготовления пищи. Детям требуется ремонт обуви и одежды через артели. На всех 40 пар валенок, нужно еще столько же. Артель может изготовить, но нет шерсти. Заготовка дров 200 м³ за 14 км., трудно дают лошадь. Имеется подсобное хозяйство 3,5 га., выращивают картофель и овощи. Собрано по 10 кг шиповника и рябины, ½ центнера грибов». [10, с. 85] Троицкий интернат с. Неволينو: «В школе 82 ребенка. Занимают 2 каменных 2-х этажных здания бывшей школы. Нет оцинкованной посуды, требуется ремонт обуви и одежды 70 % детей с 12 до 16 лет. Дети работали в колхозе. Дети занимались сбором ягод – ½ ц черной смородины, 10 т картофеля, 1 т свеклы, ½ т моркови, ½ т огурцов. Заработали 300 трудодней». [10, с. 96] Ленинградская школа-интернат № 30 в д. Шадейка: «Находится в 3-х помещениях, имеется конюшня. Требуется ремонт, заготовка дров, 160 м³, нет ведер, тазов, бочков для приготовления пищи и раздачи. Не хватает одежды и обуви, ремонт производят сами воспитатели. Было получено 50 шт. новых пальто, 35 пар валенок, 30 шт. шапок, 20 шт. одеял. В подсобном хозяйстве имеется 1 лошадь, 1 корова, 8 овец. Выращивают в подсобном хозяйстве 3 га овощи, картофель. Обслуживающий персонал 15 чело-

век». [10, с. 89] Ленинградский детский дом в с. Парашино на 87 человек: «Располагался в 2-х этажном каменном здании. В помещении чисто, уютно, имеется постельное белье. Санобработка раз в 10 дней. Продукты отпускаются с опозданием. [18, с. 68] Было заготовлено 350 м³ дров, 250 центнеров картофеля. Имеется 1 корова, 5 телок, 1 свиноматка, 1 лошадь. Но имеются недостатки. В комнатах тесно, дети спят по 2 человека на кровати. Нет изолятора, производственных мастерских, большая текучесть кадров обслуживающего персонала. У детей отмечается воровство, грубость и другие антиобщественные поступки. Обязали принять меры: правильно распределить силы воспитательского состава, дежурство ночью, ввести должность массовика, установить пианино, воспитывать патриотические чувства к Родине, открыть производственные мастерские, расширить подсобное хозяйство, построить новую баню, вести учет материальных ценностей. Выделить дополнительный участок земли 40 га., выдать посевной материал, 25 пчелосемей, организовать шефство колхозников над детдомом. Детские эвакуированные учреждения взять под систематическое наблюдение». [14, с. 96] Прежде чем приехать в Кунгурский район, 4-й детский дом из Ленинграда, в составе 128 детей, прежде был эвакуирован в Ярославскую область. В Молотовскую область дом эвакуируется в декабре 1941 г. уже в составе 94 детей. В июне 1942 г. было в детском доме 87 детей. Достившие совершеннолетия шли работать на производство или учились в ФЗУ. В детском доме из Ленинграда были организованы кружки: драматический, литературный, военно-походный, оборонно-физкультурный, кружок рукоделия. Шло соревнование со 2-м Кунгурским детским домом. При детском доме имелось свое подсобное хозяйство – 2 поросенка, 150 цыплят, 4 га земли. [1, с. 19]

В декабре 1943 г. эвакуированных по Кунгурскому району числилось 4444 чел., из них детей 1935, Ленинград – 1234, Ленинградская область – 1282. [11, с. 54] На 1 мая 1944 г. в Кунгурском районе эвакуированное население составляло 2978 чел. Из них детей – 319. Работников эвакуированных заводов – 60. Ленинград и Ленинградская область – 1741 чел. [10, л. 3] В 1944 г. шла мобилизация рабочей силы из эвакуированного населения г. Ленинграда и Ленинградской области для заводов «Наркомстроя» г. Ленинграда. Это завод им. Кирова, Ижорский завод, 75 чел. за счет неработающих и занятых на с/х работах местной промышленности. [10, с.17]

Реэвакуация в Кунгурском районе началась уже в 1944 г. Июль 1944 г., начало реэвакуации – Ленинград 353 чел. Август 1944 г. Ленинград – 350 чел. Ленинградская область – 418 человек. Реэвакуация шла среди эвакуированного населения, не занятых в промышленности. На сентябрь 1944 г. из 1880 эвакуированных 892 чел. были из Ленинграда и Ленинградской области. Выезжающим в Ленинград выдавали 8 кг муки, 100 руб. деньгами. [10, с. с. 124] Составлялись графики подачи эшелонов на ст. Кунгур для отправки на родину. Людей снабжали пропусками, сухим пайком на 12 дней по нормам, установленным для рабочих промышленности, транспорта, запланировано было одноразовое горячее питание из 2-х блюд. [16, с. 5] Перед реэвакуацией каждому необходимо было сделать прививки от дифтерии, оспы. Многие реэвакуировались со скотом. Везли чаще коз, реже коров. [13, с. 87] По Молотовской области в Ленинградскую на прежнее место жительства с октября по ноябрь 1944 г. было отправлено 11 тыс. человек. Обеспечивали продуктами питания. Отправляли по пропускам по железной дороге и по р. Каме. Из Кунгурского райо-

на было отправлено 285 человек. Жителей Ленинграда не реэвакуировали в Ленинградскую область. [16, с. 86] На 1 апреля 1945 г. из 1259 эвакуированных жителей г. Ленинграда и области в Кунгурском районе осталось 562 чел. На 1 января 1946 – 237 человек.

К сожалению, далеко не все ленинградцы, вывезенные из Ленинграда и Ленинградской области в блокаду, добились до места назначения. Многие из них умерли в поездах во время эвакуации. Умерших людей снимали с поездов на ближайших станциях и хоронили в братских могилах. На ст. Кунгур тоже снимали с эшелонов умерших ленинградцев. Их выгружали прямо на перрон или вдоль железнодорожной насыпи. Иногда они находились там сутки и более. Хоронили умерших ленинградцев в братских могилах на Беркутовском кладбище, как самом ближайшем к ст. Кунгур. очевидцы тех событий вспоминали, что было как минимум 2 братских могилы. Перевозили умерших, как правило, на лошадях, запряжённых в телеги или сани. Кунгурячка Т.П. Городилова вспоминала, что она на всю жизнь запомнила эту картину, «как на телеге везли умерших ленинградцев и по земле волочилась коса девушки». В 2005 г. на том месте, где находились братские могилы, был установлен памятный знак. В 2011 г. территория братских могил была благоустроена. 22 июня 2012 г. на одной из них был установлен гранитный обелиск с памятной доской: «Здесь покоятся останки жителей блокадного Ленинграда, воинов санитарных поездов, умерших от ран и болезней граждан СССР, эвакуированных из прифронтовых территорий». Ещё один памятный знак ленинградцам-блокадникам и воинам-защитникам Ленинграда в Кунгуре был установлен на площади Победы. В Кунгуре проживали бывшие жители блокадного Ленинграда – Б.Н. Лапин, Ж.И. Ноговицина,

М.Н. Сторежева, Т.Н. Зернина, В.А. Севастьянова, А.Ф. Фастовский и другие. Они были вывезены из Ленинграда еще детьми. Кунгуряки негласно называли их «Ленинградское братство». Они оставили свои воспоминания о блокадном Ленинграде. Из воспоминаний Б.Н. Лапина: «В начале войны мне было 7 лет. Мы мечтали, неужели придет время, когда можно будет досыта поесть хлеба. Мы были эвакуированы в июне 1942 г. по Ладожскому озеру на катерах. До г. Молотова ехали по железной дороге 2 недели. По пути следования много людей умирало от болезней и истощения организма, хотя кормили хорошо...». [21, с. 1] Т.Н. Зернина вспоминала: «Когда началась война, мне было 6 лет. Отца проводили на фронт, вскоре на него пришла похоронка. Мы с братом остались с мамой. Тяжелой была зима 1941–1942 гг. не было отопления, света, воды. Мама приносила воду с завода, где работала. Было очень холодно. Мама раздобыла буржуйку, но топить было нечем. Тогда мама обшила кровать, у которой были железные дуги чем можно. И мы жили в этой кровати втроем. Когда мама уходила на работу, то нас запирали на ключ и писала на дверях комнаты «Тиф», чтобы нас не украли...». [20, с. 1-2] Из воспоминаний М.Н. Сторежевой: «Когда началась война, я училась в Ленинградском обувном техникуме. Успела закончить 1-й курс и пошла работать на фабрику «Победа № 1». Мне было 16 лет. В комнате общежития нас жило 13 человек. Было холодно, мы выжили только благодаря тому, что ребята из группы механиков сделали металлическую печку-трубу в окно, этим мы обогревались и грели пищу. Директор техникума говорил нам: «Жгите, все что можно, война кончится». Мы выжили, а он не выжил...». [23, с. 1] Кунгур чтит память ленинградцев, для которых Кунгур стал вторым домом, а также и тех, кому стал местом упокоения.

Список литературы

1. Архив КМО. Ф. 64. О. 1. Д. 29.
2. Архив КМО. Ф 226. О. 1. Д. 1.
3. Архив КМО. Ф 226. О. 1. Д. 2.
4. Архив КМО. Ф 226. О. 1. Д. 3.
5. Архив КМО. Ф 226. О. 1. Д. 4.
6. Архив КМО. Ф 226. О. 1. Д. 5.
7. Архив КМО. Ф 226. О. 1. Д. 6.
8. Архив КМО. Ф 226. О. 1. Д. 7.
9. Архив КМО. Ф 226. О. 1. Д. 8.
10. Архив КМО. Ф 226. О. 1. Д. 12.
11. Архив КМО. Ф 226. О. 1. Д. 13.
12. Архив КМО. Ф 226. О. 1. Д. 14.
13. Архив КМО. Ф 226. О. 1. Д. 15.
14. Архив КМО. Ф 226. О. 1. Д. 16.
15. Архив КМО. Ф 226. О. 1. Д. 17.
16. Архив КМО. Ф 226. О. 1. Д. 20.
17. Архив КМО. Ф 226. О. 1. Д. 21.
18. Архив КМО. Ф 241. О. 1. Д. 29.
19. Басманова Н.Н. Воспоминания.
20. Зернина Т.Н. Воспоминания.
21. Лапин Б.Н. Воспоминания.
22. Прибылева Т.А. Воспоминания.
23. Сторожева М.Н. Воспоминания.

ОБРЕТШИЕ НОВЫЙ ДОМ

Остальцев Константин Александрович
начальник архивного отдела администрации
Красновишерского городского округа
arhiv@krasnovishersk.permkrai.ru

Аннотация: В статье автор анализирует документы, хранящиеся в архивном отделе администрации Красновишерского городского округа, об эвакуации жителей различных регионов СССР в Красновишерский район Молотовской области в 1941–1944 гг., об их жизни в Красновишерском районе, акцентируя внимание на эвакуированных из Ленинграда и Ленинградской области.

Ключевые слова: эвакуация, Ленинград, Ленинградская область, Красновишерский район, Вишерский целлюлозно-бумажный комбинат, Никандровский детский дом, Красновишерский детский дом, реэвакуация.

FOUND A NEW HOME

Ostaltsev Konstantin Aleksandrovich
the head of the archives department
of the administration
of Krasnovishersk urban district
arhiv@krasnovishersk.permkrai.ru

Annotation: In the article the author analyzes documents stored in the archives department of the administration of the Krasnovishersk urban district, about the evacuation of residents

of various regions of the USSR to the Krasnovishersk district of the Molotov region in 1941–1944, about their life in the Krasnovishersk district, focusing on those evacuated from Leningrad and the Leningrad region.

Keywords: evacuation, Leningrad, Leningrad region, Krasnovishersk district, Vishersky pulp and paper mill, Nikandrovsky orphanage, Krasnovishersk orphanage, re-evacuation.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. породила множество проблем, новых явлений, которые характерны только для военного времени. Одним из таких явлений было грандиозное перемещение людских масс. Одни двигались на запад, на фронт, другие – на восток, в эвакуацию. Эвакуация гражданского населения – как организованная, так и стихийная – явление, когда люди вынуждены были покинуть свои населенные пункты из-за угрозы оккупации их врагом. Молотовская область (ныне – Пермский край), в том числе Красновишерский район, стала новым местом жительства для многих тысяч эвакуированных.

Уже на третий день войны, 24 июня 1941 г. при Совете Народных Комиссаров (правительстве) СССР был создан Совет по эвакуации. Он организовывал и руководил эвакуацией населения, учреждений, военных и иных грузов, оборудования предприятий и других ценностей. Кроме него вопросами эвакуации людей занималось Переселенческое Управление при СНК СССР, созданное в 1939 г. Главным в процессе эвакуации было грамотное распределение эвакуируемого населения и его учет. 8 июля 1941 г. Управлением была издана Инструкция по учету эвакуированного населения. Она была разослана по всей стране. Один экземпляр этого документа сохра-

нился в архивных документах исполнительного комитета Красновишерского районного Совета депутатов трудящихся (далее – райисполком). Инструкция предписывала составление подробных списков эвакуированных семей, лиц с момента отправления их эшелонам и по прибытии их в города и районы. На основании списков Переселенческое Управление организовывало учетную и справочную работу. [1.Л.1.]

Красновишерский район был образован в Пермской области 13 января 1941 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР путем выделения его из состава Чердынского района.[2.Л.1.] Районным центром стал поселок Красновишерск, которому указом Президиума Верховного Совета РСФСР 2 июля 1942 г. был присвоен статус города. [3.Л.1.] Красновишерский район (а в настоящее время это Красновишерский городской округ) – самая северная территория Пермской области.

Несмотря на отдаленность района, эвакуированные семьи, отдельные лица, начали прибывать в Красновишерский район уже в июле 1941 г. Решением Красновишерского райисполкома от 15 июля 1941 г. была создана комиссия по назначению пособий семьям эвакуированных.[4.Л.116.] Тогда же в райисполкоме был назначен инспектор по хозяйственному устройству эвакуированного населения. А после присвоения Красновишерску статуса города, 5 ноября 1942 г. в исполнительном комитете Красновишерского городского Совета депутатов трудящихся был создан отдел по работе с эвакуированным населением, т.к. большинство эвакуированных проживало в городе. [5.Л.25.]

В декабре 1941 г., согласно спискам эвакуированных, в Красновишерском районе проживали 1228 человек. [6.Л.70об.]

Одними из первых в Красновишерский район прибыли эвакуированные жители Ленинградской области. В августе 1941 г. это были жители Окуловского района (около 100 человек), в т.ч. работники Окуловского целлюлозно-бумажного комбината. Многие из них стали работать на Вишерском целлюлозно-бумажном комбинате (далее – ВЦБК), который был основным предприятием в Красновишерском районе, предприятием союзного значения и градообразующим для Красновишерска.

24 августа 1942 г. из Ленинградской области прибыли 95 детей из эвакуированного детского дома с. Никандрово, с ними 3 воспитателя и двое детей у двоих воспитателей, т.е. всего 100 человек. Одним из воспитателей была Михайлова Анна Фадеевна, ставшая впоследствии директором Красновишерского детского дома и получившая звание заслуженного учителя школы РСФСР. В марте 1942 г. она была назначена директором Никандровского детского дома. В своих воспоминаниях она описывает трудности, которые пришлось пережить детям детского дома: «23 июля был получен приказ – Никандровский детский дом эвакуировать. Везли на лошадях матрацы, младших детей, остальные шли пешком до станции. Нас эвакуировали целым эшеленом – девять детских домов (и школьники, и дети дошкольного возраста). Я получила приказ отвезти детей к месту назначения в Кировскую область. Там нас не приняли и отправили в Пермскую область. Дорогой нам выделяли паек, который мы получали на крупных станциях (хлеб и сыр). Ехали девять суток. Одни раз нас накормили болтушкой в г. Рыбинске.

Второго августа мы прибыли в Красновишерск на маленьком пароходе. Нас уже встречали. Приняли хорошо. Были приготовлены кровати, постельное белье в нынешней восьмилет-

ней школе № 4. Дети очень были напуганы, боялись сигналов тревоги. А здесь, в городе, тогда подавали гудки на бумкомбинате. Дети бежали к нам, взрослым, возбужденные, испуганные, уверенные, что и здесь война. Очень долго эта тревожность жила в них.

В это время эвакуировали госпиталь из Красновишерска, и нас поместили в среднюю школу № 1. В наследство осталось нам: часть кроватей (на всех), по две смены белья, матрацы, подушки. Была хорошая кухня, столовая, ванная комната. Дети ожили. Пошли в школу. Книгами нам помогли ученики из города. С одеждой и обувью еще было плохо, но постепенно стали получать. Помню, поступила первая партия валенок — какое это было счастье!

С 24 августа 1942 г. мы по приказу районо стали именоваться Красновишерским детским домом.

Много чудесных людей, работающих здесь, осталось в памяти воспитанников. Но в первый год воспитателей было всего четверо. Приходилось трудно, но дети были прекрасными. Они слились в одну семью, которую сроднило общее горе.

В 1943 г. к нам вернулся с фронта отец Лени Семенова, и он стал отцом для всех. Устроился работать на комбинате, заходил ежедневно после смены к нам. Дети садились вокруг него, и слушали. Случались и слезы.

Из первых воспитанников остались в Красновишерске и работали на бумзаводе Катя Болтова (Екатерина Алексеевна Пачгина), Шура Антонова (Александра Прокопьевна Березун), Муся Шефер (Мария Федоровна Судницына)». [7.Л.1-2.]

Екатерина Алексеевна Болтова (в замужестве – Пачгина) в своих воспоминаниях описала все трудности, которые пришлось пережить ей и ее семье в 1941–1942 гг. Оккупа-

ция немецкими войсками, смерть мамы (отец был на фронте), после чего их со старшей сестрой взяла к себе тетя, у которой было своих трое детей. В одной из бомбежек тетя погибла, и все пятеро детей остались без надзора. Несколько дней они бродили в прифронтовой полосе голодными, укрывались от бомбежек и обстрелов. Потом попали в детприемник, откуда их направили в Никандровский детский дом. Вместе с детским домом они были эвакуированы в Красновишерск. Красновишерский детский дом она вспоминает как единую большую семью. Было трудно, много приходилось работать, но это была мирная жизнь.

В 1948 г. она закончила 7-летнюю школу, была направлена на работу на ВЦБК (в 1976 г. переименован в ВЦБЗ). Получила среднее образование в вечерней школе, окончила заочно Красновишерский филиал Соликамского технологического техникума, прошла трудовой путь от сортировщицы бумаги до инженера производственного обучения ВЦБЗ. Вступила в КПСС, была избрана депутатом Красновишерского городского Совета депутатов трудящихся, членом Пленума Красновишерского райкома КПСС. Ее фотография была помещена на Доске почета Красновишерского района. [8]

Александра Прокопьевна Березун после пребывания в детском доме в 1949 г. окончила школу ФЗУ и до 1985 г. работала на ВЦБЗ по рабочим специальностям. [9.Л.51-55.]

Отдельные сведения о детях эвакуированного Никандровского детского дома содержатся в Книге учета воспитанников Красновишерского детского дома за 1942–1944 гг. Возраст детей от 7 до 15 лет. Напротив некоторых фамилий указаны имеющиеся у детей документы: свидетельства о рождении, справки о здоровье, о хозяйстве, о месте жительства, о смерти родителей, паспорта родителей.

У большинства воспитанников документов не было. Многие дети попали в детский дом по причине сиротства. В разделе «Сведения о родителях» сделаны записи, позволяющие понять, почему они стали сиротами: «мать убита, отец умер», «отец в РККА, мать умерла», «родители умерли», «сирота», «взяты по линии НКВД», «отец арестован, мать в Ленинграде», «отец умер, мать в тюрьме», «родители осуждены», «отец повешен, мать умерла», «отец и мать убиты», «отец и мать отказались». В соответствующей графе перечислены личные вещи детей, в основном верхняя одежда. [10.Л.1-7.]

Тогда же из Калининской области прибыли 216 человек для учебы в ремесленном училище № 14 г. Красновишерска. Они тоже считались эвакуированными, хотя были мобилизованы для учебы в ремесленном училище.

В октябре 1942 г. прибыли 165 человек вместе с ремесленным училищем № 19 из Ленинградской области. В марте 1943 г. их осталось 26 человек, остальные выбыли в другие территории Молотовской области, а также были призваны в Рабоче-крестьянскую Красную Армию.

На 1 марта 1943 г. в Красновишерском районе было размещено 1402 человека, эвакуированных из разных территорий СССР. Наибольшее количество эвакуированных было из Карело-Финской ССР – 544 человека. Из Ленинграда и Ленинградской области – 97 и 240 человек соответственно. Из Калининской области – 227 человек. Из Смоленской области – 138. Из Украинской ССР – 59. Из Белорусской ССР – 36. Из Москвы и Московской области – 36 и 9 человек соответственно. Из Латвийской ССР – 5; Литовской ССР – 2; Крымской ССР – 4; Мурманской области – 4; Сталинградской области – 1. 1335 человек было размещено в Красновишерске, 67 человек – в сельской местности. Причем, в июне 1943 г. количес-

тво эвакуированных, проживающих в сельской местности, увеличилось до 112 человек. [5.Л.47.]

Значительную часть эвакуированного населения составили члены семей военнослужащих. Так, в марте 1943 г. в районе проживало 374 эвакуированных семьи военнослужащих численностью 855 человек. 324 семьи численностью 759 человек проживали в Красновишерске, 52 семьи численностью 96 человек – на селе. [5.Л.51.]

Количество эвакуированных не было постоянным. Одни люди прибывали, другие убывали. Так, уже на 1 апреля 1943 г. общее количество эвакуированных уменьшилось на 141 человека и составило 1261 человек. Прибыли эвакуированные из других территорий: 8 – из Бессарабии, 2 – из Варшавы, 1 – из Вологодской области. [5.Л.72.]

В дальнейшем количество эвакуированного населения продолжало уменьшаться. В июне 1943 г. оно составило 1198 человек. [11.]

Задачи местных органов Советской власти Красновишерского района по отношению к эвакуированному населению были разнообразны. Людей нужно было обеспечить жильем, одеждой, продуктами, взрослых устроить на работу, детей – в школы и детские сады. В письме исполнительного комитета Молотовского областного Совета депутатов трудящихся (облисполкома) от 14 ноября 1942 г. говорилось: «Эвакуированное население, покинувшее свои родные места, потерявшее не только свое имущество, но и своих родных и близких, заслуживает особой заботы на новом временном месте жительства». В этом же письме говорилось, что в некоторых районах Молотовской области в работе с эвакуированным населением имелись крупные недостатки. Согласно архивным документам Красновишерский район относился к тем территориям, где «местные Советы депутатов трудящихся

обеспечивают радушный, заботливый прием эвакуированного населения, повседневно оказывают ему необходимую помощь и поддержку». [5.Л.67.]

Местные органы власти считали работу с эвакуированным населением работой государственного значения. Организовывали и проводили учет эвакуированных семей, лиц, систематическое обследование их трудоустройства, бытовых условий, выявляли нуждаемость в одежде, обуви, продуктах питания. Всех детей, подлежащих обучению, устраивали в школы. Для остро нуждающихся через колхозы, комсомольские и пионерские организации проводили сбор у местного населения поношенных вещей. Организовывали их реставрацию, а также катку новых валенок для передачи детям. Благодаря этому в школы района удалось вернуть 36 детей из эвакуированных семей, которые не учились из-за отсутствия одежды. Через колхозы и предприятия организовывали подвозку дров. Инвалидов, престарелых и обремененных большим числом детей привлекали к доступной для них работе в колхозах и предприятиях местной промышленности. В колхозах эвакуированным семьям выдавали продукты, хлеб, молоко. А также дополнительно организовывали продажу для детей молока от коров, находящихся в индивидуальном пользовании колхозников. [5.Л.67.]

Молотовский облисполком тоже оказывал помощь эвакуированному населению в городах и районах области. Высылались деньги для оказания материальной помощи, одежда, обувь, ткань, мыло, одеяла и другие вещи.

В апреле 1943 г. эвакуированным семьям стали предоставлять земельные участки для огородного хозяйства. В Красновишерске огородами было обеспечено 324 семьи. Для посадки им было выдано 8462 килограмма семенного

картофеля. Эвакуированным семьям, проживающим в сельской местности, огороды и семенной материал выделялись за счет колхозов. [5.Л.105.]

Больше всего проблем в работе с эвакуированными людьми вызывало их трудоустройство. При составлении списков эвакуированных учитывались их специальность, профессия, прежнее место работы. Среди эвакуированных были люди самых разных профессий и специальностей: служащие, педагоги, техники, токари, бухгалтеры, слесари, инженеры разных специальностей, портные, швеи, врачи, средний медперсонал, кочегары, кондукторы, плотники и столяры, штукатуры-маляры, бетонщики и многие другие. Многие были без специальностей.

Люди изъявляли желание работать по своим специальностям. Но в Красновишерском районе, как и в других территориях, не всегда можно было найти такие рабочие места. Грамотные, из числа эвакуированных, устраивались на работу секретарями, заведующими изб-читален, счетоводами. Так, например, в одной из деревень Тимино-Бельковского сельского Совета проживала эвакуированная из Карело-Финской ССР Лейдер Раиса Исаковна, которая работала секретарем в сельсовете. На территории Антипинского сельского Совета проживали 4 человека эвакуированных. Из них одна женщина работала заведующей Антипинской избой-читальней, другая – счетоводом Пудьвинского колхоза, третья – уборщицей в сельсовете, четвертая не работала нигде, «мотивируя, тем, что она эвакуированная и все равно кормить обязаны». В деревнях Нижне-Язьвинского сельского Совета проживало несколько семей эвакуированных. В них из 18 трудоспособных человек работали 14. 4 человека «не работают по своему нежеланию». «Все дети эвакуированных посещают школу, и все успевают по всем предметам». [5.Л.25.]

Люди, не имеющие образования, работали уборщицами, рабочими. А некоторые отказывались устраиваться на работу, считая, что государство и так обязано о них заботиться. Так, например, в письме директора Вишерского опытного поля Гречищева о нехватке рабочей силы на опытном поле сказано, что «товарищ Усанин (председатель Красновишерского райисполкома – прим. авт.) приказал инспектору по эвакуированным направить к ним на работу из числа эвакуированных домохозяек 20 человек, но ни одна на работу не пошла». [5.Л.2.] В целях создания стимула для устройства на работу матерей принимались меры к размещению детей в ясли и детские сады. Однако многие женщины не устраивали детей в детские сады и отказывались работать, объясняя это отсутствием одежды и обуви для себя и своих детей. В Красновишерском районе в январе 1943 г. из 532 трудоспособных эвакуированных граждан были трудоустроены 364, что считалось областным руководством «совершенно нетерпимым». И в дальнейшем ставилась задача «полного трудоустройства трудоспособного эвакуированного населения». [5.Л.13.]

В марте 1943 г. в Красновишерске из 663 трудоспособных эвакуированных было трудоустроено 475 человек. Из них 403 – на ВЦБК, 40 – в совхоз, 10 – в промартели, 32 – в другие организации и учреждения. [5.Л.38.]

Так как большинство эвакуированных работали на ВЦБК, они активно включились в трудовую и общественную жизнь предприятия: в стахановское движение, в социалистическое соревнование, вместе с коллективом ВЦБК взяли на себя обязательство выпустить к 1 Мая 1943 г. сверх плана 200 тонн бумаги. В отчете Красновишерского райисполкома о работе с эвакуированным населением сказано: «В большинстве своем эвакуированные хорошо относятся к работе

на производстве. Вместе с трудящимися нашего района они работают для фронта с удвоенной энергией. Молодая работница Сковорода Надежда Егоровна быстро освоила рабочее место заклеящицы в паккамере ВЦБК и выполняет норму от 114 до 136 %. Осипова Зоя Александровна – одна из лучших сортировщиц ширпотреба, норму выполняет от 134 до 141 %. Матвеева А.М. быстро освоила квалификацию прокатчицы и выполняет норму на 135–140 %.

Картенко К.И. успешно совмещает две профессии – моторист насосной станции и подавщик подающего крана. Павлов И.П., назначенный начальником бумажной фабрики ВЦБК, хорошо организовал работу цеха. В апреле 1943 г. цех под его руководством выполнил план по отливу бумаги на 101 %, дав сверх плана 303 тонны бумаги.

Чмыков П.А., назначенный председателем колхоза «Двигатель» Талавольского сельского Совета, хорошо руководит колхозом, пользуется авторитетом среди колхозников, успешно организовал весенний сев, выполнив план посева на 103,5 %».

В числе эвакуированных из Окуловского района Ленинградской области была семья Варских: Михаил Григорьевич, его жена Парасковья Архиповна и дети – Вера Михайловна и Дмитрий Михайлович. Михаил Григорьевич Варский в октябре 1941 г. был принят на работу в отдел труда ВЦБК. Сначала нормировщиком, затем был назначен заместителем начальника этого же отдела. Работал успешно. Неоднократно был премирован за хорошие результаты работы. В сентябре 1944 г. он вернулся на Окуловский комбинат. Его дочь, Варская Вера Михайловна, в декабре 1941 г. была принята учеником в турбинный отдел ТЭЦ ВЦБК. В феврале 1942 г. переведена помощником машиниста турбины. Успешно освоила эту работу и в декабре 1943 г. назначена машинистом. В 1944 г. она вместе с семьей вернулась на родину.[12.Л.38.]

В 1941 г. в Красновишерск было эвакуировано оборудование Ленинградской фабрики «Техбумага». Благодаря этому на ВЦБК был построен новый цех для выработки светорудолонов – светоцех. В нем была организована выработка парафинированной бумаги для упаковки бумаги и светорудолонов, что улучшило сохранность выпускаемой продукции.

В конце 1943 г. в связи с успешным наступлением Красной Армии от немецкой оккупации были освобождены ряд областей Советского Союза: Калининская, Смоленская, Орловская, Тульская, Курская, Воронежская, Ростовская, Сталинградская. Совет Народных Комиссаров СССР (Правительство СССР) совместно с Центральным Комитетом ВКП(б) принял постановление «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецких оккупантов». Ставилась задача восстановления разрушенных городов и сел. Одна из неотложных мер – возвращение эвакуированного населения к прежнему месту жительства. В Красновишерский район стали поступать документы вышестоящих органов власти, требовавшие еще раз провести учет эвакуированного населения и выявить специалистов, которых требовалось отправить в освобожденные территории в первую очередь. Это были, прежде всего, специалисты сельского хозяйства: агрономы, зоотехники, ветеринарные врачи, инженеры-механики и другие. Стали составляться списки очередности отправления эвакуированных к месту их проживания. Перед местными органами власти стали ставиться задачи организованной реэвакуации.

Кроме этого, из освобожденных территорий от родственников эвакуированных стали поступать вызовы на отправку конкретных людей в места прежнего проживания.

В 1944–45 гг. большинство эвакуированного населения вернулось из Красновишерского района в родные места. А для некоторых из них Красновишерский район стал второй родиной, и они остались здесь жить и работать.

В целом же органы власти и жители Красновишерского района в годы сурового военного лихолетья окружили заботой эвакуированное население, обеспечив людей работой, учебой и всем необходимым. Представители эвакуированного населения своим трудом наравне с местными жителями приближали Победу Советского Союза. В этом проявилось единство советского народа, единство фронта и тыла. И это еще одна страница Великой Отечественной войны, написанная людьми того времени.

Список источников

1. Архивный отдел администрации Красновишерского городского округа. Ф.21.Оп.1.Д.679
2. Там же. Ф.1.Д.1.
3. Там же. Ф.21.Д.8.
4. Там же. Ф.1.Оп.1.Д.8.
5. Там же. Ф.21.Оп.1.Д.679.
6. Там же. Ф.21.Д.679Б.
7. Там же. Ф.123.Оп.1.Д.1.
8. Там же. Ф.158.Д.1, 19, 20, 21.
9. Там же. Ф.205.Оп.2.Д.3454.
10. Там же. Ф.21.Д.679Г.
11. Там же. Ф.21.Д.679В.
12. Там же. Ф.205.Д.2030.

**«МЫСЛИ ВСЕ, ЧТОБЫ ПОЕСТЬ,
ПОЕСТЬ И ПОЕСТЬ. КАК ЭТО УЖАСНО!»**

*Ревенко Людмила Васильевна,
Ильинский краеведческий музей
lyudmila.revencko@yandex.ru*

Аннотация: В Ильинском краеведческом музее с 1973 года хранятся документы Башнина Михаила Ивановича, в период блокады Ленинграда работавшего на заводе № 7. Сюда входит дневник за 1942–1944 годы и письма матери Башнина, умершей в блокадном городе. В музей документы поступили в 1973 году от заведующего отделом культуры Ильинского района А.М. Якимовой. Машиностроительный завод (№ 7) имени М.В. Фрунзе – таково было название Арсенала с 1940 г. Завод специализировался на выпуске артиллерийских систем.

Ключевые слова: блокада Ленинграда, Михаил Иванович Башнин, дневники, письма.

**ALL THOUGHTS ARE ABOUT EATING,
EATING, AND EATING. HOW TERRIBLE THIS IS!**

*Revenko Lyudmila Vasilievna,
Ilyinsky Museum of Local History
lyudmila.revencko@yandex.ru*

Abstract: Since 1973, the Ilyinsky Museum of Local Lore has been storing the documents of Mikhail Ivanovich Bashnin, who worked at plant No. 7 during the siege of Leningrad. This includes

a diary for 1942–1944 and letters from Bashnin's mother, who died in the besieged city. The museum received the documents from the head of the Department of Culture of the Ilyinsky district Yakimova A.M. Machine–Building Plant (No. 7) named after M.V. Frunze – this was the name of the Arsenal since 1940. The plant specialized in the production of artillery systems.

Keywords: The siege of Leningrad. Mikhail Ivanovich Bashnin. The diaries. Letters.

В Ильинском краеведческом музее с 1973 года хранятся документы Башнина Михаила Ивановича, в период блокады Ленинграда работавшего на заводе № 7. Сюда входит дневник за 1942–1944 годы и письма матери Башнина, умершей в блокадном городе. В музей документы поступили от заведующего отделом культуры Ильинского района Якимовой А. М.

Как документы оказались в музее, в настоящее время информации нет. Музеем был сделан запрос в Центральный Государственный архив Санкт-Петербурга, откуда поступил ответ, что Башнин М.И. умер 25.02.1945 года.

Текст дневника дан в полном объёме, самостоятельно расставлены знаки препинания. Дневник представляет собой самодельную тетрадь, озаглавленную: «Дневник с 1 июня 1943 г. Михаила Ивановича Башнина, Ленинград, 27, Тарасова ул., дом № 21, кв. № 1»:

1 Января 1942 года. Декабрь 1941 год. 20 число, Ленинград. Налёты фашистской авиации на город. Разрушено много домов. «Блокада». Мороз 20–25 градусов. Топлива нет, продовольствия нет. Всё съедено, даже собаки и кошки, люди умирают от голода тысячами, идут по улицам, падают и умирают; трупы складывают штабелями на грузовые машины и отвозят на кладбища, хоронят в братских могилах «траншеях». Свет не горит, водопровод не действует, воды

нет. Сегодня 31 декабря 1941 г. Канун нового 1942 года. 12 часов дня, иду к врачу на приём, зашёл в завод. В течение декабря умерли следующие тов.: 1) Сенько, 2) Фаившевич, 3) Горелин, 4) Жаворонков, 5) Шадуйко, 6) Истомин, 7) Бинус, 8) Сырский, 9) Субботин, 10) Табунов.

Моё состояние ужасно, ходить нет силы, ослаб совсем. Зашёл в цех, получил 5 дурандовых лепёшек. Нач. цеха Бурда предлагает направить меня в Лазарет стационар. Я согласен с удовольствием. Бурда написал записку в завком для направления. Был на приёме у врача в амбулатории, здесь творится ужас: из цехов завода за 3 часа принесли 6 трупов умерших от голода и складывают на полу в приёмной. В кабинетах поликлиники лежат люди, ослабшие от голода и не могущие двигаться. /В/ 5 часов вечера был на приёме у врача, ослаб так, что домой идти не могу, дошёл до парткома и завкома, и прошу отправить меня в лазарет, как я до того ослаб, что пока шёл от амбулатории до парткома, 2 раза упал. Из парткома с визой председ/ателя/ завкома Бейтельмана и провожатым дежурным по парткому, иду в амбулаторию совершенно обессилен. Из амбулатории нас 3 человека пропускают через завод в лазарет, и мы идём. Но как идём? Это прямо ужас. Только бы не упасть! Упадёшь, значит, конец, больше не встанешь, но.. Слава Богу, не упал, дошёл до лазарета. Но и здесь оказывается направление не подписано директором по труду Никитиным, а главный врач не принимает в лазарет. Но после разговора по телефону с секретарём парткома тов. Смоловиком меня приняли в стационар. Конец моим мучениям. Новый 1942 год 1 января является днём моего возвращения к жизни, днём, который останется в моей памяти на всю жизнь и этим я обязан нач. цеха тов. Бурда, который меня определил в лазарет и этим спас меня от жутких лап смерти.

3 января 1942 г. Я уже себя чувствую другим человеком, могу ходить без палки, сидеть, говорить и соображать как нормальный человек. С 1 января я в лазарете получаю утром 175 грамм каши с маслом, 75 грамм хлеба, 2 ириски и кружку чаю, это в 8 час. утра; в 1 час дня обед – 1 тарелка супа мясного, на второе 2 котлеты и 175 грамм каши, как гарнир, одна кружка компота и 100 грамм хлеба; в 4 часа 75 грамм хлеба, 1 кружка чая и 2 ириски, и в 8 часов вечера каши 200 грамм с маслом и 1 кружка компоту и 100 грамм хлеба, вот нормальный паёк, который необходим человеку для восстановления сил. Сегодня 3 дня такого питания дали себя почувствовать очень хорошо, буду надеяться, что моя жизнь спасена, и я буду жить и дальше.

4 января. Ночь, не спится; живу, что в раю – светло и тепло и кормят нормально. Сегодня встал в 6 часов утра и первый раз в течение месяца вымылся с мылом под водопроводом, чувствуя себя вполне нормальным человеком, хотя ещё слабым, но по сравнению дня 3 назад, это день и ночь.

9 января. Поправляюсь и чувствую себя ещё лучше, хотя и ем больше дуранду. Силы возвращаются заметно, ноги стали ходить почти нормально, хотя немного болят кости.

15 января. Сегодня 2-й день, в который я себя начинаю чувствовать сытым настолько, насколько это возможно терпеть. Это говорит за то, что питание даёт себя чувствовать, хотя и кормят большинство дурандой, ходить стал ещё лучше, хотя боль в ногах ещё чувствую небольшую. Положение в городе немного меняется к лучшему, но очень мало, за это время ещё много умерло. Умер 2/1–/19/41 г. брат моей бывшей жены Иван Баландин, но это нужно было предвидеть, он был живой покойник и его смерть меня не удивляет.

18 января. Сегодня отменяется кормление больных дурандой. Положение на Ленинградском фронте улучшилось,

завоз продуктов в город увеличился, с сегодняшнего дня дают для подкрепления здоровья 40 гр. вина, утром 2 яйца, 10 грамм шпикю кофе. В обед каша гречневая, в 4 часа кофе. Вечером каша гречневая и какао.

17 января. Ходил домой, чувствую себя хорошо, пока в помещении, а вот на улице пришёл домой и обратно еле дошёл, обратно ноги ходят слабо, думаю, если так будут кормить, как сегодня, то к 1 февраля поправлюсь настолько, что можно будет работать; ещё одна надежда, чтобы прибавили хлеба, тогда совсем будет хорошо.

21 января. Чувствую себя ещё лучше. Был нач. цеха тов. Бурда. Жизнь замирает, умер размётчик Бочко, работа в цеху не производится работать некому, творится ужасно что, как жить дальше? Делается страшно. У нас питание улучшилось, дают вино, яйца, гречневую каша, в общем питание хорошее, хотя маловато. Вся надежда на прибавку хлеба. Сегодня я чувствую, что опять опух, много пью воды, около 3-х литров в день, с завтрашнего дня нужно взять себя в руки и меньше пить. За эти 3–4 дня в палате умерло ещё 4 человека.

(Дневник с 1 января по 25 января 1942 в стационаре завода).

1 января 1943 года. Сегодня 1 января 1943 г. Прошёл 1942 год больших и тяжёлых переживаний в моей жизни. Сегодня 1 января /19/43, так же как 1 января /19/42 года я встречаю с той же болезнью Дистрофия алиментарная, истощение, в больнице завода № 7. Чем был знаменателен 1942 год?

1) Весь год я был болен Дистрофией и по настоящее время. 2) Схоронил свою бывшую жену, её сестру, её брата и свою мать и остался один. 3) Дом, в котором жил, пошёл на слом, ну и я переселился в каменный на 3-й этаж. Комната не завидная, грязная, холодная. В 1942 году я имел «огород»

полгряды, 20 метров. Конечно, с такого огорода много не снимешь и ничего не запасёшь на зиму. С Июня месяца по 1 Ноября я питался травой, ботвой и овощами. За этот период я «принёс» с огорода пудов 20 овощей, из них 400 штук свекла кормовая с ботвой, а также съел пудов 6 травы «Лебеды» и удивительно то, что съедая траву, ел её всё больше и больше; если вначале ел одну тарелку, то через месяц-два ел уже по 3 тарелки и варил большой котёл густой массы из лебеды, ботвы и корнеплодов и съедал за 2 дня, а через 2-3 часа опять хотел есть.

Встречая, новый 1943 год, невольно вспоминаешь встречу старого 1942 г. 1 января 1942 года я встречал почти в бессознательном состоянии лёжа в кровати. Посмотрим, как я встречаю 1 января 1943 года. Тоже в больнице по состоянию чувствую себя хорошо, лежу уже 21 день, немного окреп и поправился после перенесённого 16-дневного поноса, который меня довёл до Дистрофии II–III стадии. Новый 1943 год встретил так. Ровно в 12 часов ночи, нас четверо больных. Выпили водки, меня угостил рядом лежащий со мною сосед Разгуляев Макар Фомич за 100 грамм хлеба – 1 рюмку водки и $\frac{1}{2}$ стакана пива, которые я выпил в 12 часов ночи, чокнувшись с товарищами и поздравив друг друга с новым 1943 годом, закусил 100 грамм булки с маслом и 50 грамм омлета, 100 грамм хлеба с горчицей, 2 шт. галет, т. е. 50 грамм и 50 грамм сахару, вот и вся закуска, но я и этим доволен, так как всё-таки встреча нового 1943 года чем-то отмечена. Да! 1942 год является для меня годом тяжёлых, никогда не забываемых переживаний. Как тяжело жить, когда всё время, каждый час, каждую минуту думаешь только об одном, о том, чтобы поесть, чтобы насытить свою утробу. Нужно будет по выходе из больницы что-то предпринять, чтобы быть сытым, чтобы хоть на несколько месяцев

забыть о голоде, который так мучает. Но чем заняться, пока никак не придумаю, но надо что-то изменить в жизни, чтобы остаться живым. Нужно найти работу после основной работы и заработать дома хотя бы грамм 200-300 хлеба в день, тогда будет ещё ничего, а работу найти можно, и я её найду. Работа следующая: 1) подшивка валенок, 2) установка замков и пригонка ключей, 3) пила дров, 4) направка и заточка пил, и другая работа, за которую буду брать плату только хлебом, и это меня поддержит. Операция грыжи мне будет 20/1 1943 г. После выхода из больницы буду хлопотать, чтобы уехать из Ленинграда к сестре Марии, так как в 1942 году из 12 месяцев – 4 месяца я был болен, может быть, удастся уехать, тогда будет всё хорошо; ну, а если не удастся, то будем работать и «халтурить» на пропитание. Сегодня 1 января 1943 год. Что сулит мне 1943 год? Переживу ли я этот ужасный период моей жизни, когда все мысли, всё направлено на то, чтобы что-нибудь поесть, поесть и поесть. Как это ужасно! Но я не теряю надежды на то, что настанет время, когда можно будет поесть столько, сколько захочешь и не думать об еде. Если бы можно поесть вдоволь дней 10 чего-нибудь, как то: картошки, капусты, овощей и другого чего, я думаю, что я быстро поправился и стал вполне нормальным человеком. Часто бывают такие минуты, когда хочется покончить с жизнью, которая настолько невыносимо тяжела, что нет сил пережить все эти страдания. Но нужно всё перенести, всё пережить, а покончить с жизнью это будет малодушием, не достойным мужчины. Нужно бороться с этими временными невзгодами и выйти из борьбы победителем, какими /бы/ ни было путями. Нужно жить и бороться за своё существование, в этом заключается в настоящее время всё, и я решаюсь с 1 января 1943 года бороться за своё существование любыми путями, которые сохранят мне жизнь и здоровье, а это нужно

и должно для сохранения себя. (Дневник записан в больнице зав/ода/ № 7 1 января 1943 года). Подпись 1/1 /19/43 г.

1 Июня 1943 год. Роковой Май месяц 1943 г. прошёл благополучно. Слава Богу, а то я этого месяца очень боялся, потому что в предыдущие 2 года 1941 и 1942 год были годами несчастья. В 1941 году в Мае я был болен плевритом, в 1942 году в Мае похоронил Мать, бывшую жену и её сестру. 1943 год является годом моего возвращения к жизни и здоровью. 1) 20 января сделал операцию грыжи и избавился от этой тяжёлой и мучительной болезни, операция прошла благополучно, из больницы выписался 5 февраля. 2) С 13 февраля по 1 Июня был на усиленном питании, т. е. 93 дня или 3 месяца, что меня здорово поддержало и поправило моё слабое здоровье 3) 13 Апреля на дополнительное питание мною потрачено:

- 1) хлеба 2 кг по 200 руб. = 400 руб.
- 2) талон на крупу 62 x 10 = 620 руб.
- 3) спец-талонов получил 7 шт.

Итого = 1020 руб.

В Мае на дополнительное питание потрачено:

- 1) Хлеба 1 кг = 200 руб.
- 2) Талонов на крупу 100 x 10 = 1000 (в обмен на вино ½ литра)
- 3) Спец-талонов получил 13 шт.

Итого = 1200 руб.

В Июне на дополнительное питание потрачено:

- 1) Хлеба 3 кг (карточки) = 400 руб.
- 2) Талонов на крупу 84 x 10 = 840 руб.
- 3) Спец-талонов купил 9 шт. = 160 руб.
- 4) Концентрат 1 литр = 200 руб.
- 5) Спец-талонов получил 16 шт.

Итого = 1600 руб.

5–6 Июня. Большая радость я получил комнату на Тарасовой ул. в доме № 21 кв. № 1. Я не могу выразить свою радость, что я буду жить спокойно один в комнате. Комната маленькая 8 метров, но мне она хороша, а главное то, что в квартире хорошие люди, на которых можно надеяться, что у тебя ничего не пропадёт. В квартире живут оставшиеся Колотилковы, и я несказанно рад своей комнате. Состояние моего здоровья можно назвать на сегодняшний день, т. е. на 15 Июня хорошим, я заметно поправился.

13 Июня. Сегодня я закончил переезд на новую квартиру, и на меня открыт счёт с 1-го Июня, я спокоен сейчас с площадью и комнатой, а это в жизни самое главное.

17 Июня. Сегодня получил повестку явиться на военное обучение без отрыва от производства. Занятия 3 раза в неделю – понедельник, среда и пятница. Опять мучиться с этими занятиями. Адрес: ВУПа Панфилова ул. дом 31 ВУП № 2 Красногвардейского р-на

20 Июня. Сегодня воскресенье, ездил на рынок, продал патефон, иголок 1200 шт. за 370 руб. и пружину за 200 руб.

23 Июня. Сегодня купил 9 спец-талонов на горячие спецы за 160 руб. Мне положительно везёт в этом месяце. Прямо сам Бог помогает мне поправиться и /в/стать на ноги, что будет в Июле, не знаю, но в Июне 1943 г. я очень доволен питанием, я сыт бываю каждый день, а это для меня самое важное.

25 Июня. Сегодня купил ещё 10 талонов на крупу, т. е. 5 каш по 12 руб. за талон, истратил 120 руб., но я денег не жалею, лишь быть бы сытым и здоровым. На сегодняшний день, т. е. на 27 Июня я истратил на питание в Июне 1600 руб.

27/VI 1943 г. Сегодня воскресенье, я дежурил в цеху с 8 утра до 8 вечера, написал 4 письма Марии, Александру, Екатерине Бондаревой и Шуре Петровой. Конец Июня

1943 года. Апрель, Май и Июнь месяца моей поправки и возвращения к жизни. Мною потрачено на дополнительное питание за эти 3 месяца: в Апреле 1943 г. 1020 руб., в Мае 1943 г. 1200 руб., в Июне 1943 г. 1600 руб., итого за зиму 3820 руб.

11 Июля 1943 г. Сегодня воскресенье, ездил на рынок и продал на питание 2 куска мыла по 60 руб. = 120 руб. и 3 коробки патефонных иголок за 200 руб. Купил крупяных талонов 28 штук за 180 руб. Июль месяц опять для меня /будет/ счастливым и сытым, я получил спец-карточку на каждый день.

С 1-го по 10-е я имел доппаёк сверх рациона 1 спец. и 1 кашу, с 10-го по 20-е 1 спец. и 2 каши, и с 21-го по 31-е 1 спец. и 2 каши. Я не верю в Бога, но какая-то сверхъестественная сила мне помогает в жизни поправиться и быть здоровым и сытым.

20 Июля 1943 г. Сегодня для меня торжественный день в моей жизни, меня наградили медалью «За оборону Ленинграда». Я считаю, что я вполне заслужил эту награду, так как за 2 года 1941–1942 год я много пережил страдания. Прямо нечеловеческая мука голода, холода и болезни. Я даже удивляюсь, как я остался жив.

1 января 1944 г. Новый год встречаю дома за хорошей выпивкой и закуской, но... один. Выпил 6 рюмок вина белого и стакан пива, 2 стакана сладкого какао на коровьем молоку с печеньем 4 шт., закусил виноградом, колбасой и шпиком и на сладкое съел 3 рисовых биточка со сладким компотом. Всё как будто очень неплохо, но беда стояла за плечами. Меня начинало ломать так, как я заболел гриппом. 1 января встал утром с сильной головной болью и ломотой во всём теле. В ночь с 1 на 2 дежурил в цеху, 2-го чувствовал себя как разбитый, аппетит пропал и есть ничего не хотел.

1-го утром чувствовал себя совершенно больным, иду к врачу. Меня направляют в больницу, температура 38,1. Еду в больницу им. Боткина, в больнице температура 39, в 6 часов вечера в палате температура поднялась до 39,8, чувствую себя совершенно больным. Дни идут, сегодня 8-е января 1944 г.; встал и решил написать о встрече нового 1944 года. Слава Богу, болезнь грипп удалось быстро прервать без осложнений, температура была 2 дня 3-го и 4-го, а с 5-го температура нормальная и появился аппетит, чувствую себя хорошо. 10-го выписался из больницы. Да, судьба всё-таки издевается надо мной, если 1-го января встретил новый год дома, то всё равно 3-го января я попал в больницу. Ну что же делать, такова судьба. И если верить всем приметам, то и тут была примета, именно 1-го января в 2 часа дня на заводе мне перебежала дорогу большая крыса, и вот результат, оказался 3-го января, а именно в больнице, также как в 1942 и 1943 тоже дорогу перебежала крыса. В общем-то это всё пустяки, но это факт, от которого не уйдёшь. Как я прожил 1943 г., это год моего возрождения к жизни, год, в котором я стал нормальным человеком; из дистрофика, благодаря усиленному питанию, на которое я тратил дополнительно ежемесячно 1000 руб., и это сказалось на моём здоровье, на которое я сейчас обижаться не могу. Но 1944 год мне сулит ещё перенести одно тяжёлое испытание, т. е. сделать операцию правосторонней паховой грыжи. Но это вопрос будущего, буду терпеть, пока возможно, а уже когда будет неважно, то вырежу. 1944 год должен стать годом окончательного восстановления здоровья и 100 % /угол оторван/ на производстве и в быту /оторвано/ им. Боткина 8 Января 1944 г.)

8-е Апреля 1944 г. Чёрный день текущего года в моей жизни. Головной мозговой удар или нарушение мозгового кровообращения, в тяжёлом состоянии отправлен в боль-

ницу им. Карла Маркса, болезнь – гипертония, повышенное кровяное давление 220/120, ужасная головная боль и рвота, в тяжёлом состоянии лежал 14 дней, а всего в больнице лежал с 8 Апреля по 3 Мая, из больницы сразу получил место в нашем Гипертоническом санатории при заводе, где пробыл весь Май, не работал по 14 Мая; с 14 Мая приступил к работе, но страдаю очень частыми головными болями давления, кровь не сбавляется и всё время держится от 220/120 до 190/120, лечения никакого от этой болезни нет, кроме спокойной жизни и работы. Сейчас приходится вести жизнь очень и очень осторожно, чтобы хоть немного пожить ещё. От огорода в этом году при заводе отказался, потому что мне не под силу /часть текста утрачена/ слабого /пропуск текста/ болезни сердца /пропуск/ сегодня 1/ VII-/19/44 /пропуск/ ничего /пропуск/ не болит.

Письма матери Башнина М.И.

4/ Шура или Коля, неужели вы мне не можете написать, хотя пару слов ответа? Как вы живёте? Как мама? Что слышно насчёт Шуры и Дуси, я прямо испереживалась. Ответу от вас, но Мария ничего не пишет, не вы ведь это должны нехорошо ведь, всё моё сердце на куски исстрадалось за вас, а вам и горя мало, благо далеко живёте от Ленинграда, а на остальное наплевать. Нехорошо Шура, я боюсь ослепнуть, слёз столько я их проливаю. У нас жизнь сейчас проходит нормально, пока слава Богу, только все ребяташек эвакуируют по разным областям, кажется от 3-х до 14-ти. Шура, Толя шлёт последний горячий привет всем, всем, всем. Его взяли на фронт неизвестно куда. 28 числа в 10 часов вечера я получила письмо от Лизаветы, 2 числа пишет только два слова. Когда /был/ взят и всем велел передавать привет.

Мама.

12/ Милый Шура, Катя и Геня. Крепко я вас всех целую и желаю быть вам здоровыми. Шура, письмо твоё я получила и наплакалась вдоволь, вообще с этого дня, как идёт эта страшное слово Война, нет того дня, чтобы я не плакала вдоволь. Ну как же не плакать, этот проклятый кровожадный дракон хочет проглотить сердце России, скалит свои клыки на наш родной город, сердце России – Ленинград, которое завоёвано рабочей кровью наших родных братьев пролетариев трудовой кровью. Разве можно быть спокойным в такие ужасные минуты, какие мы переживаем в настоящее время. Но, милая Шура, ты перестань так нервничать, в/о/-первых, вы далеко находитесь от фронта, а что, если, конечно у тебя может сердце поболеть за нас, так видно на то судьба такова, жизнь пока у нас протекает нормально, только много приходится переживать в моменты воздушной тревоги, пока не дадут отбоя. Действительно я удивлена на себя, что ещё так крепко сердце, а что ты меня зовёшь к себе, Шура, и Маня также зовёт. Спасибо вам большое, но выехать к вам никак не решаюсь, но /в/ Общую эвакуацию ужас что происходит по железным дорогам, разве я могу одна броситься в такую дорогу при такой жаре в товарных вагонах, с несколькими пересадками, старая, больная, немощная и броситься в такое путешествие. Нет, нет, нет, страшно боюсь, а если будет нужно, то выедем все вместе. Миша, Мария и я, тогда известим тебя, где будем. Привет от Маши тебе и всей семье, Михаила теперь совсем не бывает дома, всегда в заводе.

Милый Шура, мне уже спастись, может быть, придёт/ся/ недолго, куда мне бежать и сколь жизни довольно пожить, видно приходит конец, я очень удивлена на Катиных родных, живём в одном городе, переживаем одне сладости, и никто ко мне глаз не кажет, вот удивительно люди, а

мне к ним посещать не по силам по жаре. Я очень удивлена на сватью, Катину маму, у нас в Петергоф нету проезда, только кто там живёт, в Дидуны очень далеко от станции 6 км, я ходить не могу, это поездом, а автобусом надо через Парголово, а теперь автобусов нет. Я сейчас, Шура, получила письмо от Лильки с Москвы, где она пишет, что у неё был человек от Тебя и нахвалил жизнь в Пензе, и вот она думает, если будет у неё возможность жить в Москве, то она не против. Куда-нибудь к вам, к тебе или Марии, что вы ей там подыщите жилище, где можно будет пожить, пока идёт война, пока пиши на Ленинград, а когда будем выезжать, то немедленно дадим знать. Прощайте, будьте здоровы. Шура, не забывай Марию, моя последняя просьба матери. Мама.

31 Июль Шура, милой, дорогой мой, пока по сегодняшней день жива, а про здоровье не стоит и объяснять, никуда не годится, ползаю, как черепаха, не знаю, долго ли проползаю. Письмо твоё, Шура, получила вчера, т. е. 30 июля, по-видимому, шло 10 дней. Спасибо, дорогой сын за приглашение, но это никак невозможно, никакой эвакуации в вашу область и Манину нету, я уже сколько раз ходила и узнавала в эвакуационное бюро. Мне говорят: «В те области – нету», а достать билет, это не по моим силам. Я день ото дня делаюсь дряхлее, сильная одышка, кашляю. Разве смею я броситься туда, где здоровые люди. Ну а теперь ты сам должен понять, как мне тяжело и жутко всё это военное время, и я всегда почти постоянно одна. Я даже боюсь подумать, что будет со мной, когда я сама себя не в состоянии буду обиходить, прямо ложись и помирай, и с нашей квартиры мужчин взяли на службу, а жёны ушли работать за них, ребята в деревне. Миша ходит очень редко, он теперь почти постоянно дежурит в заводе

и дома бывает редко, а Маниного Мишку взяли 11/VII, я получила от неё письмо 29 июня., где тоже зовёт. Без памяти теперь осталась совсем одна в деревне и пишет, что хочет поработать в ихней конторе, хотя помощником бухгалтера, у них много наехало беженцев из городов, так что бухгалтер женщина из Смоленска, ищет няньку, отказала сама, пойдёт служить, ребятишки будут совсем одни, но к великому сожалению, я ничем помочь не могу, но только что стала очень стара, приходит конец. Мишка находится в Тамбове в школе, будут учить на военного техника, а сколько продержат, это неизвестно. Пишет, что в лавках у них ничего нету, есть только один базар, где она купила ребятишкам пшено 2 кг 750 гр. за 25 руб., а хлеба, пока не работает, дают 500 грамм, а потом дадут кило, тогда, пишет, будет хорошо. Вот всё, её жизнь по сегодняшний день, Шура. Но милый Шура, я очень рада за тебя, что ты устроился работать. Дай тебе Бог всего – всего хорошего, а самое главное, конечно, здоровья. Я ведь мать, знаю твоё здоровье. Милый Шура, будь только повнимательней к своей должности, относись честно к своей работе, выполняй точно возложенные на тебя обязанности, работай так, как должен работать коммунист. Это тебе материнский завет. Я сама всю жизнь проработала безупречно, так и тебе желаю, а про Толю ничего не знаю, где он, и про семью также. 18.VII получила деньги, мне причитающиеся ещё и с Москвы, где она пишет на переводном бланке «На днях выезжаем из Москвы», и больше я ничего не знаю, а Толя-то на фронте, взят 28.VI, и так мне, сердцу больно. Если он жив, хотя бы одно словечко прислал матери. Это меня прямо убивает, всё и вся. Ну ладно, довольно скулить о себе, давай поговорим об вас. Значит, ты думаешь взять Катю и сынка к себе. Вот, Шура, тебе возни-то, ка-

ково это переселенье. Интересно, это будет – поездом или грузовой машиной. Шуринька, ты мне всё опиши после, когда установитесь, и если я буду жива. Интересно, как же вы дом-то оставите в Грабово? А от ваших ни слуху, ни духу, а у тебя, Шура, мечты хорошие, создать свой семейный колхоз, но, по-видимому, ничего нельзя осуществить, а мне-то больше всех вас оставаться одной в такое время. У нас сейчас карточная система. Рабочим много дают всего, а я как уже ненужный человек. Вообще мы старые инвалиды, так, конечно, и паёк поменьше. Хлеба получаю 400 грамм в день, это вместе и белого, и чёрного, мне хватает. 800 грамм сахара, а вот мяса и маслица маловато. Мясо на месяц 500 грамм, а масло 200 грамм. Ну ладно, довольно, Шуринька, это я не жалуясь, а просто так пишу, что есть, а картошечки и молочка совсем нету. Вот с этим немножко туговато. Ну, это ладно, может быть и жить то немного. Крепко всех целую и желаю быть всем здоровым. Привет от Миши. Живёт всё пока по-старому. Как ты, Шуринька и знаешь. Всем кланяемся. Мама.

Источники

1. Ильинский краеведческий музей. /ИРКМ/. 2590 о.ф. Дневник Башнина Михаила Ивановича.

**ПОЛИТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТРОЛЬ
РЕПРЕССИРОВАННОГО НАСЕЛЕНИЯ
СПЕЦПОСЕЛКА СЕРГЕЕВСКИЙ В
ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ И В ПЕРВЫЙ ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД**

Хаярова Полина Вазыховна
магистрант исторического факультета
Пермского государственного гуманитарно-
педагогического университета
hartnet1@rambler.ru

Голдобин Анатолий Вольфрамovich
Старший преподаватель кафедры
Отечественной и всеобщей истории,
археологии Пермского государственного
гуманитарно-педагогического университета
goldman@nextmail.ru

Аннотация: В статье производится соотнесение статистических данных и информации от комендантов по спецпереселенцам в предвоенные, военные и послевоенные годы с материалами свидетельств от спецпереселенцев категории «кулацкой ссылки» спецпоселка Сергеевский, относящегося в разные периоды к Косинской (совместно с селением – сателлитом Кочевского района Коврижка) и Гайнской комендатурам.

Ключевые слова: спецпереселенцы, НКВД, комендант, спецпоселок, «враги народа».

**POLITICAL AND IDEOLOGICAL CONTROL
OF THE REPRESSED POPULATION
OF THE SERGEYEVSKY SPECIAL SETTLEMENT
DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR
AND IN THE FIRST POST-WAR PERIOD**

Khaiarova Polina V.

*Master's student of the Faculty
of History of Perm State Humanitarian
Pedagogical University,
hartnet1@rambler.ru*

Goldobin Anatolii V.

*Senior Lecturer of the Department
of National and Universal History,
Archeology of Perm State Humanitarian
Pedagogical University
goldman@nextmail.ru*

Abstract: The article correlates statistical data and information from the commandants of special settlements in the pre-war, military and post-war years with the materials of certificates from special settlers of the category of «Kulak exile» of the Sergeyevsky special settlement, which in different periods belonged to Kosinskaya (together with the satellite village of the Kochevsky district Kovrizhka) and Gaynskoj commanderies.

Key words: special settlers, NKVD, commandant, special settlement, «enemies of the people».

При исследовании таких глобальных процессов как сталинские репрессии нередко платформой для аргументации выступают статистические факты. Однако, зачастую, поступ-

ление на места некоторых спецпереселенцев скрывалось под иными категориями прибывших либо в статистике указывалось только окончательное количество на период. Например, «за вторую половину 1945 г. в Коми АССР прибыли спецпереселенцы из Литовской ССР в количестве 1286 человек. Их учитывали вместе со ссыльнопоселенцами» [8, с. 48].

Необходимо отметить, что отчеты, на которые опирается официальная статистика, создавались комендантами поселений и сотрудниками НКВД (например, труд А.М. Кривошекова и Г.Л. Гудовщикова [14]). В документах присутствовали «выгодные» им ошибки или частые ошибки по халатности. Вероятно, что использование воспоминаний спецпереселенцев в качестве источников позволит несколько сгладить подобные aberrации.

Цель данного исследования – это попытка обозначить несоответствия официальных материалов (например, статистики [6;7;8], опубликованных свидетельств бывших комендантов [14]) с наблюдаемыми действиями и фактами на местах. Достижение этой цели видится в формате соотнесения документальных данных со свидетельствами спецпереселенцев [9;10;11;12], также с некоторыми сохранившимися материальными артефактами.

Поскольку автобиографические повести, интервью репрессированных позволяют в деталях изучить создавшееся положение, в котором оказались спецпереселенцы, мы получаем возможность восстановить события с позиции самих репрессированных.

Временные рамки исследования включают предвоенные годы, годы Великой Отечественной войны (на этот период делается основной акцент) и первые послевоенные годы.

Известно, что «в 1930–1931 гг. в систему лесозаготовительных уральских трестов «Западолес» и «Свердлес»

было передано 130 613 спецпереселенцев, из них к середине 1934 г. 60 214 бежало и 31 240 умерло. В Коми-Пермяцком округе из 26 964 спецпереселенцев к середине 1934 г. бежало 8904 и умерло 7249» [6, с. 51].

Стоит отметить, что представители местного населения билингвы, их русский говор значительно отличается от русского языка спецпереселенцев из Украины и Белоруссии с их фрикативным (мягким) «Г». Сами работники НКВД (ОГПУ), как правило, являлись представителями автохтонного населения. Местный климат довольно суров, вокруг спецпоселков болото и лес, а по дорогам стояли кордоны комендатуры. То есть сбежать могли только единицы, однако, по отчетам, столь рискованное предприятие успешно реализовывалось почти третью спецпереселенцев.

Опираясь на свидетельства спецпереселенцев, можно привести только единичные случаи побега [16, с. 109-110], также спецпереселенцы указывают на отстраненность местных жителей: «Они очень редко шли на контакт со спецпереселенцами, так как их идеологически подготовили и запугивали уголовной ответственностью за любую оказанную помощь прибывающим» [9, с. 2]. Интересно, что бывшие коменданты в воспоминаниях делают акцент на количество бежавших: «Стали учащаться случаи побегов и в каждый свой выезд я обнаруживал исчезновение то одного, то другого переселенца, а в конце месяца недосчитывался до 10–15 человек сбежавших. Райкомендатура установила посты в селе Юкseeво и в селе Кочёво. Кое-кого из сбежавших задерживали, но большая часть уходила, так как этому способствовало в какой-то степени и местное население» [14, с. 47].

Поступление спецпереселенцев состояло из прохождения нескольких пунктов перераспределения. На официаль-

ных фотографиях указываются статные домики из бревен, однако по воспоминаниям это были землянки, где прибывающие находились в течение 2 месяцев, несколько позже их распределяли в следующий пункт: «Сначала были в Кресах (на Каме в Косинском районе), потом перебросили на Дедовку и Дозовку (жили в землянках и полуземлянках). В итоге всех передвижений поступили в комендатуру поселка Сергеевский» [9, с. 2]. Содержание прибывших в северных районах в феврале–марте уже на территории спецпоселков в строениях, изображенных на фотографиях на страницах опубликованных воспоминаний сотрудников ОГПУ (НКВД) [14, с.18] несколько отличаются от фотографий сохранившихся полуразрушенных барачных пос. Коврижка [13, с. 349,].

Важнейшим документом, который определял обретение некой свободы, для спецпереселенца являлся паспорт. В официальной статистике указано, что «к концу 30-х гг. подавляющее большинство трудпоселенцев (позже спецпереселенцев) продолжало оставаться без паспортов. Во второй половине 1939 г. некоторым трудпоселенцам, работавшим на строительстве, лесосплаве и в других отраслях народного хозяйства ..., было разрешено выдавать паспорта с отметкой в графе 10-й: «Годен для проживания в таком-то районе»» [6, с. 56].

Однако по свидетельствам паспортами не владели спецпереселенцы поселка Сергеевский, леспромхоз которого проводил лесосплав каждый год, его работники до войны паспорта не получали. Документ с отметкой выдавали непосредственно перед отправкой на фронт или уже пришедшим с войны [9, с. 5].

Важным критерием улучшения качества жизни видится естественный прирост населения. Лишь в 1939 г. впервые

«было отмечено 100-процентное положительное сальдо в соотношении между рождаемостью и смертностью во всех без исключения регионах «кулацкой ссылки» [6, с. 66].

Согласно свидетельствам, не учитывались смерти младенцев при родах. М.М. Овчинникова (Тропышко): «Моя мама Елизавета Тарасовна Тропышко родила двойню в поле, куда ее на сносях отправили собирать колоски в 1932 г. Оба ребенка умерли. Похоронили недалеко от этого поля» [11, с. 2]. То есть умершие младенцы спецпереселенцев не включались в отчет в графу «умершие», что искажает цифры статистики.

Спецпереселенческое происхождение ребенка без указания родителей запрещалось фиксировать «в выдаваемых свидетельствах о рождении и в книгах записей актов гражданского состояния с октября 1935 г. по резолюции Г.Г. Ягоды» [4, с. 17].

В 1930–1931 гг. на каждую крестьянскую семью, направленную на спецпоселение, приходилось в среднем 4,73 членов. Логика изложения статистических материалов такова, что запись детей как «свободных», не относящихся к определенной категории спецпереселенцев (например, категории «бывших кулаков»), стала вероятной причиной снижения данного показателя. Поскольку после информации о резолюции следует указание на резкое снижение параметра: «в период с 1930 по 1940 г. средний состав спецпереселенческих семей уменьшился почти на одного человека (в Молотовской обл. показатель 3,6)» [6, с. 69].

Учитывая детскую смертность, смертность от голода и репрессий (основываясь на свидетельствах спецпереселенцев [10, с. 2]), указание записи детей спецпереселенцев как «свободных» в документах (тем самым, исключая их из статистики) в качестве одного из основных показателей умень-

шения среднего состава семьи спецпереселенцев видится некорректным.

Рожденные до 1947 г. включительно в пос. Сергеевский считаются репрессированными. То есть эти дети не имели возможности быть «свободными», так как их родители таковыми не являлись, они состояли с родителями на учете местной комендатуры, согласно официальной документации, и после войны.

Интересно, что 22 октября 1938 года вышло постановление СНК СССР о выдаче паспортов детям спецпереселенцев и ссыльных. Освобождались «ничем не опороченные» дети «бывших кулаков», достигшие 16-летнего возраста на спецпоселении [Дети, с. 308]. Дети, достигшие 16-летия до 1938 г., под это постановление не попадали [1, с. 1]. В.Н. Земсков указывает, что всего получили «освобождение» по данному постановлению 164 ребенка из 76 659 спецпереселенцев [6, с. 70]. В связи с отменой в конце 1939 г. январского (1939 г.) разъяснения НКВД СССР с 1939 г. претендовать на освобождение могли рожденные с 1915 г. по 1940 г. [6, с. 113]. «С 1939 г. право выезда со спецпоселения получил каждый достигнувший 16-летнего возраста. С 1 января 1939 по 1 октября 1940 г. в СССР было освобождено 30 % от «подлежащих освобождению» детей спецпереселенцев (50 569 из 165 050)» [7, с. 245].

Дети спецпереселенцев хотя и объявлялись свободными, однако молодежь не освобождалась, а попадала под персональный учет. Из пос. Сергеевский и позже выезд на поступление и на обучение детям старше 16 лет без разрешения коменданта был запрещен [9, с. 5].

Необходимо уточнить, что аресты и доносы были активны в течение всего временного периода исследования. Спецпереселенец из пос. Сергеевский А.А. Ничиперович указывает,

что «В период с 1936 по 1945 г. включительно, по политическим мотивам по инициативе коменданта Денисова Федора Ивановича, при содействии стукачей, были арестованы и осуждены известные и уважаемые деятельные хозяйственники...» [10, с. 2].

Таким образом, превалирующее большинство основных аспектов жизни, определяющих статус «бывших кулаков» как спецпереселенцев, оставалось неизменным к началу Великой Отечественной войны. Все их возрастные категории без исключения были лишены тех или иных прав.

В предвоенный период и в первые годы Великой Отечественной войны первоочередное значение придавалось вербовке агентов и осведомителей из среды спецпереселенцев, о чем пишет и А.А. Ничиперович в своих воспоминаниях. Что касается контингента спецпереселенцев «бывшие кулаки», то «в их среде продолжала функционировать довольно мощная агентурно-осведомительная сеть, насчитывавшая, по данным на 1 декабря 1944 г., 13 325 человек (174 резидента, 561 агент и 12 590 осведомителей)» [6, с. 156].

К началу войны было прекращено освобождение детей всех категорий спецпереселенцев, кроме детей высланных «бывших кулаков» по Распоряжению № Е-31/73833 [7, с. 246]. Важно, что зачастую детей «бывших кулаков» записывали в другую категорию (например, дети пособников ОУН и т.д.). Причиной отказа в выдаче паспорта также нередко являлись «порочащие факты» в виде «игры в карты, употребления спиртных напитков, недостаточно вежливой манеры разговора с начальством» [6, с. 114].

Выезд на обучение также как и до войны был возможен только по спецразрешению от коменданта. Комендант пос. Сергеевский в 1942 г. выдал направление семерым молодым людям на поступление в мед- и педучилище г. Кудым-

кара. В их число входила Е.М. Чащина. В сентябре начали учиться. В январе 1942 г. медучилище оставили функционировать, педучилище закрыли под эвакогоспиталь, выделили небольшое строение под малое количество студентов. У.С. Лихачева, будучи сиротой (родители спецпереселенцы) смогла закончить обучение, поскольку только сироты и представители местного населения могли доучиться ввиду отсутствия условий [9, с. 6].

Известно, что спецпереселенцы к началу войны продолжали иметь еще ряд ограничений: не могли быть членами профсоюзов; не призывались в армию; при регистрации брака, развода, рождения и смерти свидетельства об этих актах спецпереселенцам не выдавались. С их зарплаты удерживалось от 5 до 25 % на расходы НКВД по их управлению и обслуживанию [7, С.243].

К 1942 г. был положительно решен вопрос о призыве в Красную армию членов семей трудпоселенцев. Мобилизация проходила в два этапа.

После объявления второго призыва в отчете от 10 сентября 1942 г. указывалось: «Невыполнение наряда 1000 человек объясняется тем, что из оставшегося контингента было забронированных специалистов 720 человек и 381 человек сплавщиков, оставленных до окончания сплавных работ...» [7, с. 249-250].

Однако в пос. Сергеевский призыв происходил среди сплавщиков на берегу реки Лолог и на собрании в ДК в мае 1942 г. Из одного конверта доставали паспорта (исключительно мобилизованным), а после из второго – повестки [9, с. 5].

Иван Федорович Голиков, как и его брат, рядовой Василий Федорович Голиков, были тогда мобилизованы. На протяжении Великой Отечественной Иван Федорович, будучи офицером (ускоренно закончил артиллерийское училище

перед поступлением на фронт, учиться изъявил желание сам, командовал подразделением при Балатонской оборонительной операции в Венгрии), в кармане носил дополнительный трофейный кольт. Вероятно, солдат вермахта некогда захватил его у американца или европейца, после револьвер перешел во владение И.Ф. Голикову. Ему было необходимо избежать плена, поскольку все мобилизованные спецпереселенцы боялись попасть в список «пропавших без вести». Их предупредили о том, что тогда может случиться с родными и близкими» [9, с. 7]. Комендатуры на местах использовали заложничество.

Власть понимала важность пропаганды. Дочь кулака Е.М. Тропышко, отвечавшая за Дом культуры пос. Сергеевский, была обязана собирать жителей спецпоселка на идеологические собрания. Приходили песни из центра: интернационал, восхваляющий Сталина. Пели совместно. Бывало, сочиняли сами с сарказмом, но пели втихушку (песня про то, «как Ленин сказал Сталину, что будет тебе во всем трудно») [9, С.8].

Также в августе 1944 г. вышла директива НКВД СССР «О снятии с учета спецпоселений бывших сотрудников НКГБ и НКВД», а в сентябре – «О порядке оформления на работу бывших сотрудников НКВД-НКГБ, относящихся к переселенным национальностям» [3]. Стал практиковаться подбор комендантов из числа спецпереселенцев.

Однако получить именно квалифицированную рабочую профессию спецпоселенцам было практически невозможно, поскольку почти «все заводы Сибири и Урала, за редким исключением, специализировались на выпуске военной продукции, куда спецпоселенцам по причине недоверия к ним путь был закрыт» [15, с. 35].

Семен Афанасьевич Тропышко, имея техническое образование, с женой Натальей были отправлены с детьми

в Нижний Тагил на Уралвагонзавод. Комендант одного из распределительных поселков выписал разрешение на отправку в данную локацию, взяв на себя ответственность. Условия на заводе были несколько лучше землянок северных поселков [9, с. 6]. Впрочем, данный случай единичен.

1 сентября 1944 г. со спецпереселенцев контингента «бывшие кулаки» было прекращено удержание 5–25 % от заработной платы на расходы по их административному управлению и надзору для семей фронтовиков. Это было сделано на основании постановления СНК СССР от 24 августа 1944 г. [2, с. 7].

Интересно, что в пос. Сергеевский налог, называемый «продразверсткой», спецпереселенцы продолжали платить продуктами и после 1953 г. Величина налога была определена в определенном объеме – весе – количестве масла, яиц, молока коровьего и козьего установленной жирности (для повышения жирности соединяли коровье и козье молоко). Те, кто не содержал скот в хозяйстве, покупали у соседей для сдачи. Платили продразверстку все семьи спецпереселенцев вне зависимости от того, что мужья в это время находились на фронте [9, с. 8].

Данные среди спецпереселенцев и ссыльнопоселенцев за первый квартал 1945 г. поражают превышением смертности над рождаемостью. С 1 января по 1 апреля 1945 г. у спецпереселенцев и ссыльнопоселенцев умерло больше, чем родилось у спецпоселенцев контингента «бывшие кулаки» – в 1,7 раза [6, с. 168].

При таких условиях жизни своих семей, мобилизованные отчаянно воевали. Когда Василий Федорович вернулся в родные края, на его кителе красовались и медаль «За взятие Берлина», и орден Отечественной войны I степени, медаль «За Отвагу», ордена «Славы II и III степени». Семья

Э.А. Касперовича горевала по погибшему дяде: «Николай погиб под Ленинградом, прорывая блокаду города. Где и как – не знаю; сообщили, что героически» [12, С.156].

К семьям отношение не было изменено и к 1947 г. включительно. И.А. Солоненко пропал без вести, его брат Михаил Антонович служил на границе с Ираном – Азербайджаном, так как родом семья была из Ивано-Франковской обл. УССР. Их старались не отправлять на западный фронт. Вернулся Михаил только в октябре 1947 г. По приезде оказалось, что отец с матерью горюют, так как старший сын пропал без вести, они не получили разрешение под скос соломы (стерни – жнивья), оставшейся после уборки урожая зерновых. Родители демобилизованного готовились остаться без коровы, то есть к голодной зиме. Он взял косу и пошел косить желтую стерню в поле, уже немного припорошенную первым снегом, так местному колхозу имени И. Сталина не пригодившуюся [9, с. 9].

Однако сложнее всего было выжить семьям, не являющимся «иждивенцами фронтовика». Особенно, если член семьи был репрессирован как «враг народа». Если за детей отправившегося на фронт полагалось небольшое денежное пособие, и семьям полагались дрова, то семьи репрессированных были приговорены к холодной зиме. Однако соседи, рискуя, делились всем, что было. Так соседи помогали родителям арестованного В.Т. Горбатюка, перекидывая по ночам через забор дрова и еду, спасая, тем самым, от смерти [9, с. 9].

Годы войны по сложности условий жизни спецпереселенцев схожи с первыми годами после их прибытия на Урал. Цифры статистики не отражают всей тяжести ситуации, в которой они оказались. Особенно пострадали семьи «врагов народа». Вероятно, поэтому спецпереселенцы не разделяют периоды до Великой Отечественной войны, в ее

время и после, поскольку репрессии продолжались, об этом свидетельствует динамика доносов, интервью и письменные свидетельства спецпереселенцев.

Постановление СНК СССР от 8 января 1945 г. определило спецпереселенцев как полноправных граждан. Однако установленный этим же постановлением ряд ограничений в их правовом положении делал их «полноправие» весьма призрачным [6, с. 168–170].

Демобилизованные военнослужащие, прибывшие к своим родственникам-спецпереселенцам, ставились на учет спецпоселений, но с правом свободы выбора места жительства и работы в пределах данной области (края) [17, с. 91].

Э.А. Касперович ссылается на рассказ знакомого: «Каково же было потом возвращаться им, победителям... Пятно происхождения не смывали ни раны, ни награды... в райцентре, в Кочево, пришел за документом к паспортисту – тот ухмыляется: не положен, говорит, тебе настоящий советский паспорт статьей 38 или 39. Положения о паспортах, то есть без разрешения появляться в краевых и областных центрах, столицах союзных республик и т.д. Между тем М. хотел учиться. Выходит нельзя? Опять дороги перекрыты? За что воевал?!» [12, с. 158–159].

Э.А. Касперович указывает, что в соседнем Гайнскому, Кочевском районе, спецпереселенцев освобождали в 1947 г.: «Отцу с матерью по милости вождя 14 июня 1947 г. была выдана справка в соответствии с приказом МВД СССР № 00519 ... С этого момента отдельные белорусские семьи потянулись на родину, на Запад» [12, С.159].

Освобождены были далеко не все. «С 1947 по 1951 гг. безуспешные попытки осуществить полное освобождение спецпоселенцев контингента «бывшие кулаки» предпринимались и позднее» [6, с. 210–213].

Важно отметить, что Михаил Афанасьевич Тропышко 1890 г. р. не получил паспорт в послевоенные годы. Он и его супруга Елизавета Тарасовна получили паспорта только 19 марта 1959 г. Михаил Афанасьевич получил пенсию после вмешательства приезжавшего из Нижнего Тагила Семена Афанасьевича, а Елизавета Тарасовна так пенсию и не получала. Однако они вместе работали в колхозе [9, с. 10].

Репрессии присутствовали в жизни спецпереселенцев и после войны. Спецпереселенцы делали все возможное, чтобы избежать ареста и дальнейшего попадания в лагерь. В поселке Сергеевский председателем колхоза имени И.В. Сталина являлся А.П. Гончарук до 11 дек. 1949 г. До его скорострительной смерти Е. М. Чащина выполняла обязанности бригадира, зав. клубом, разносила почту, на посевной и уборочной помогала поварам. Именно ее выдвинули на должность.

В ситуации, когда невозможно было выполнять производственные задания в силу обстоятельств, например, поддерживать уровень надоев, предотвращать похищение скота, проходить частые проверки ревизионных комиссий, председатель колхоза спецпереселенцев был обречен на то, чтобы впоследствии пострадать, возникала необходимость в нестандартном решении. Е.М. Тропышко, сменившая фамилию на Чащину, несколько перехитрила систему. Ей посоветовали срочно выйти замуж, тем самым, оправдать отказ от должности более важной женской ролью [9, с. 4–5].

В послевоенные годы представление о кулаках, как о классе эксплуататоров, не ослабло. Поступление потомков «бывших кулаков» в ВУЗы было ограничено: «В пятьдесят третьем я поступал в Пермский университет, получил четыре «отл» и «хор» по литературе устно и – не прошел... Закончил – экзаменаторша язвительно ухмыльнулась и выцедила: «Странно... Поступаете на филологический, а у вас «Г» фри-

кативное» (фрикативное значит мягкое, на белорусский манер). Помню, аж слезы на глаза навернулись...»[12, С.164].

Если следовать статистике, то в военные и послевоенные годы репрессии над спецпереселенцами были отчасти ослаблены, однако воспоминания самих спецпереселенцев дают несколько иную информацию.

Можно утверждать, основываясь на свидетельствах спецпереселенцев, что в период Великой Отечественной войны и в первый послевоенный период ранее репрессированные из Белоруссии, Украины, Прибалтики жители спецпоселков Молотовской области были подвергнуты новой волне репрессий.

Список литературы

1. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 23а. Д. 288. Л. 1.
2. ГАРФ.Ф. 5446. Оп. 46а. Д. 4395. Л. 7.
3. ГАРФ.Ф. 9401. Оп. 12. Д. 207. Б/л.
4. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 30. Л. 17
5. Дети ГУЛАГа. 1918–1956 / под ред. акад. А.Н. Яковлева. Сост. С. С. Виленский и др. М.: МФД, издательство «материк».2002. 628 с.
6. Земсков, В.Н. Спецпоселенцы в СССР : 1930-1960 : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02. Москва, 2005. 415 с.
7. Игнатова, Н.М. Численность спецпереселенцев - «бывших кулаков», призванных в Красную армию в 1941-1942 гг. / Н.М. Игнатова // Известия УрГУ. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2011. N 1 (87). С. 242-252.
8. Игнатова, Н.М. Особенности учета численности спецпереселенцев в Коми АССР в 1930 - 1950 - е годы. // Вестник ЧелГУ. 2008. № 35 (136). С. 42-52.

9. Из воспоминаний жительницы поселка Сергеевский Е.М. Чащиной (Тропышко) // Личный архив автора.
10. Из письменных воспоминаний А.А. Ничиперовича // Архив Сергеевской школы.
11. Из письменных воспоминаний жительницы поселка Сергеевский М.М. Овчинниковой (Тропышко) // Личный архив автора.
12. Касперович, Э.А. Спецпереселенцы // Неман. 1990. № 6. С. 110-166.
13. Кочёвский район: прошлое и настоящее / Сост. Н.М. Коваль, С. Н. Пыстогова. Пермь: Перм. кн. изд-во, 2006. 464 с.
14. Кривощеков, А.М., Гудовщиков, Г.Л. Места расселения и трудоустройства спецконтингента на территории Коми-Пермяцкого округа 1929-1954 гг. (карта-схема и описание). Кудымкар: ГОУП «ГОУП Кудымкарская типография», 2006. 68 с.
15. Лиджиева, И.В. Правовой статус спецпереселенцев в СССР в 40–50-е гг. XX в. // Вестник Калмыцкого ИГИ РАН. 2013. № 2. С. 34-39.
16. Хаярова, П.В., Голдобин, А.В. Изменения в повседневности спецпереселенцев после смерти И.В. Сталина на примере спецпоселка Сергеевский // Большая перемена: трансформация общественного сознания в 1953-1985 гг... Пермь: ФГБОУ «ПГГПУ», 2024. С. 105-118.
17. Шалак, А.В. Спецпоселенцы Восточной Сибири: численность, динамика (1941–1950-е гг.) // Известия ИГЭА. 2005. № 3–4 (44–45). С. 89-94.

**РАЗДЕЛ III. КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ТЫЛА:
ФАКТОР ЭВАКУИРОВАННЫХ.
СОХРАНЕНИЕ ПАМЯТИ
О БЛОКАДЕ И ЭВАКУАЦИИ**

РУССКИЙ МУЗЕЙ: БЛОКАДНЫЕ ХРОНИКИ

Красовитова Марина Геннадьевна
*начальник службы консультационно-методического
взаимодействия с музеями Федерального
государственного бюджетного учреждения культуры
«Государственный Русский музей»,
г. Санкт-Петербург,
intermus@rusmuseum.ru*

Аристова Айла Керимовна
*искусствовед, заведующий отделом
по работе с Культурно-выставочными центрами
Русского музея Федеральное государственное
бюджетное учреждение культуры
«Государственный Русский музей»,
г. Санкт-Петербург,
aristovaila@gmail.com*

Аннотация: Статья посвящена истории Русского музея и деятельности его сотрудников накануне, в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период. Речь идет о подготовке произведений к эвакуации, транспортировке и сопровождении по маршруту Горький – Молотов – Соликамск, а также их размещении. В тексте говорится об основ-

ных направлениях работы; судьбах сотрудников; открытии залов Русского музея в мае 1946 г.; оказании помощи музеям страны, а также о влиянии этого непростого периода на жизнь музея и его дальнейшую деятельность.

Ключевые слова: Русский музей, блокада Ленинграда, эвакуация и реэвакуация произведений, музейное сообщество.

RUSSIAN MUSEUM: BLOCKADE CHRONICLES

Krasovitova Marina G.

*Head of counselling and methodological
service interaction with museums
Federal State Budgetary Cultural Institution
“The State Russian Museum”,
St. Petersburg,
intermus@rusmuseum.ru*

Aristova Ayla K.

*Art historian, Head of the Department
for Work with Cultural and Exhibition
Centres of the Russian Museum
Federal State Budgetary Institution
of Culture «The State Russian Museum”,
St. Petersburg
aristovaila@gmail.com*

Abstract: The article is devoted to the history of the Russian Museum and the activities of its employees on the eve of Second World War and in the post-war period. It is about the preparation of works for evacuation, transportation and support along the Gorky-Molotov-Solikamsk route, as well as their placement. The text discusses the main areas of work; the fates of employees;

the opening of the halls of the Russian Museum in May 1946; providing assistance to museums in the country, as well as the influence of this difficult period on the life of the museum and its future activities.

Keywords: Russian Museum, Leningrad blockade, evacuation and re-evacuation of works, museum community.

Русский музей – первый государственный музей русского изобразительного искусства в России – основан в апреле 1895 года, для посетителей открыт 19 (7) марта 1898 г.

В первые десятилетия советской власти в 1920–1930-х годах музей вел большую работу по всем направлениям деятельности – комплектование коллекций, проведение разнообразных выставок, ведение культурно-просветительской работы, помощь периферийным музеям, капитальный ремонт зданий, формирование музейных подразделений и многое другое [5].

На 1941 г. была запланирована кардинальная реэкспозиция Русского музея. 7 мая 1941 г. на заседании Ученого совета музея обсуждался её генеральный проект [5]. К началу Великой Отечественной войны фонды Русского музея насчитывали более 166 000 произведений живописи, графики, скульптуры, декоративно-прикладного искусства. Работали более 300 человек, из них 90 научных и научно-технических сотрудников [1, с. 20].

Рис. 1. Музей в годы войны.
1945 г.

Активная планомерная работа в музее была прервана войной, блокадой, эвакуацией сотрудников и предметов. Привычная музейная жизнь прекратилась 22 июня 1941 г.

«Война сорвала большие планы дальнейшего развития музея, и, в первые же дни войны, он стал объектом обороны. Началась срочная консервация сокровищницы национального искусства и подготовка к эвакуации основных коллекций вглубь страны» [2, с. 25].

В первые дни войны основной целью стало осуществление наиболее безопасного вывоза предметов искусства в тыл. Первоочередная задача сотрудников заключалась в том, чтобы в кратчайшие сроки подготовить предметы первой категории к эвакуации. Уже к 1 июля 1941 г. поставленная задача была выполнена. В подготовке предметов к вывозу участвовали не только сотрудники Русского музея: Г. Лебедев, П. Балтун, М. Фармаковский, П. Корнилов, В. Алексеева, С. Лобус, Б. Эмме, О. Спицына, О. Волкова, но и многие другие, на помощь приходили студенты ВУЗов и художники.

Подготовка к эвакуации стала важной вехой, отраженной в воспоминаниях директора Русского музея в военный период – Георгия Ефимовича Лебедева.

Рис. 2. Спицына О.А., ученый секретарь ГРМ, участвует в демонтаже картин с основной экспозиции Михайловского дворца. 1940-е.

В ходе подготовки произведений к эвакуации было необходимо: снять с экспозиции или изъять из хранилища конкретные предметы, отобрать их по категориям, уложить в ящики (или осуществить накатку на валы), перенести их на новые места хранения, внести каждый предмет в специальные топографические списки. 26 382 работы были подготовлены для эвакуации, в них входили живопись, скульптура, прикладное искусство, а также рукописные документы [5].

Ценные предметы были упакованы и отправлены на железнодорожный вокзал, откуда, вместе с частью сотрудников музея их вывезли [1, с. 37–38]. Изначально коллекцию Русского музея направили в Горький (ныне – Нижний Новгород), эвакуацией руководил П.К. Балтун, но в связи с опасностью, было принято решение везти произведения глубже в тыл. Поэтому Петра Казимировича, недавно вернувшегося в Ленинград, вызвали обратно в Горький для того, чтобы он руководил транспортировкой ценностей на новое место. Предметы искусства в сопровождении сотрудников направились в Молотов (ныне – Пермь) [1, с. 40]. В сентябре ценный груз уже баржей был доставлен в место назначения и был размещен в Молотовской художественной галерее, но частично.

Вторую часть произведений было решено направить в Соликамск [1, с. 44]. В качестве временного хранилища был выбран Троицкий собор, находившийся в ведении музея. Так же, как и до Перми, баржей, преодолев около 400 км, произведения были доставлены в конечный пункт. Сотрудники, прибывшие с ними, оперативно организовали график дежурств, чтобы ценности оставались в сохранности [1, с. 50]. Филиал возглавил Иван Захарович Птицын, директор Загорского музея-заповедника. В 1944 г. Иван Захарович

погиб и его место занял Б. Эмме, заведующий отделом прикладного искусства Русского музея.

Рис. 3. Сотрудники Русского музея в г. Молотове.
Слева направо А.Н. Савинов, М.Н. Каменская, Т.А. Дядьковская,
К.Е. Костенко в г. Молотове (ныне г. Пермь). 1944 г.

За период нахождения предметов в эвакуации, работа не останавливалась, помимо хранения, в городах, куда были эвакуированы коллекции ведущих музеев, проводились выставки, посвященные творчеству И. Репина, М. Нестерова, а также выставка художников блокадного Ленинграда, кроме того, велась просветительская работа: читались лекции, проводились беседы.

Эвакуированы были только предметы первой категории, часть произведений второй и третьей категории сохранялась в блокадном Ленинграде с оставшимися на местах сотрудниками. Эти произведения было необходимо перенести в помещения, максимально приспособленные для будущих хранилищ. Для этих целей были задействованы: подвалы, гардероб, а также бронированная кладовая, там же произведения оставались до окончания военных действий. Ежедневно

произведения надо было осматривать, перемещать их для сохранения климатических условий, выносить на просушку и следить за их сохранностью. Этим преимущественно занимались В. Фармаковская и М. Слонимская, которые, несмотря на тяжелые условия, перекладывали ценности на нужные места и оперативно заносили их в здание при угрозе бомбардировок.

На территории Русского музея располагались радиостанция, военная часть и жилые помещения. В связи с этим, оставшиеся в музее сотрудники занимались и работой по спасению памятников

архитектуры – Михайловского дворца, флигеля Росси и Корпуса Бенуа, покрывая их деревянные перекрытия специальными составами, тушили бомбы и фугасы, попадавшие в пространства музея, а также осуществляли уборку близлежащей территории.

В военное время были и сокращения работников. Сотрудники, которые были уволены, не получали карточки на питание и не имели довольствия, поэтому многих из них это привело к смерти. Такая судьба постигла тех, чья де-

Рис. 4. Неизвестный фотограф. Парадный вестибюль главного здания (Михайловский дворец). Перемещение скульптуры «Анна Иоанновна» (1741) в укрытие. 1941 г.

тельность оказалась не востребованной в военное время. И несмотря на то, что спустя время, часть уволенных сотрудников вернулась в музей, многие судьбы были уже сломаны.

В музее оставались специалисты, которые вели активную музейную деятельность: хранительскую, научную и просветительскую [6]. Несмотря на военные действия, заседали научные советы, велось планирование деятельности на ближайшие годы. Поэтому после войны работа была продолжена, согласно планам.

Однако так было не сразу: в период с сентября 1941 г. по январь 1942 г. в музее было введено «осадное положение» и непосредственно музейная работа была приостановлена. Во второй половине 1942 г. сотрудники начали приспосабливаться к реалиям военного времени. И уже с апреля по декабрь 1943 г. были подготовлены и обсуждены доклады научных сотрудников, которые впоследствии имели важное значение для специалистов музейной сферы. Велась работа над статьями на предмет осмысления наследия, которое осталось после художников, погибших во время блокады или отдавших свои работы на хранение. Вместе с разработкой своих научных тем, сотрудники проводили лекции для поддержания духа Красной Армии. Специалисты с выступлениями выезжали в госпитали, воинские части, детские дома, школы. Формы деятельности: в основном – лекции со слайдами, беседы, а также лекции на радио. По отчетам В.В. Алексеевой, заведующей библиотекой, в 1943 г. было проведено 43 лекции на 12 тем, которые читали: Г.Е. Лебедев, М.В. Фармаковский, П.Е. Корнилов, Г.М. Преснов и другие.

Основная организаторская работа в Ленинграде легла на Г.Е. Лебедева, директора Русского музея в блокадные годы,

а также на главного хранителя – М.В. Фармаковского, существенным вкладом которого стал отчет о состоянии художественных ценностей и акт об ущербе, нанесенном экспонатам ГРМ в результате военных действий 1943 г., а также его научные труды [1, с. 56].

Рис. 5. Фотограф П.Е. Корнилов (1896–1981).

Сотрудники слушают доклад М.В. Фармаковского.

Слева направо: М.В. Фармаковский, Ю.Н. Дмитриев, Г.Е. Лебедев, М.Г. Фракман, В.А. Алексева, В.Е. Фармаковская, М.Г. Слонимская, В.С. Макеева, В.Д. Дремлюг, В.Г. Панова, К.П. Демидюк. Зима 1942 г.

Говорить персонально о каждом сотруднике в отдельности в этот тяжелый период времени не представляется возможным, это была командная, слаженная работа, настоящий подвиг сотрудников, находившихся как в осажденном городе, так и за его пределами, в эвакуации.

В октябре 1944 г. был получен приказ о реэвакуации всех предметов искусства из Соликамска. Эшелон возглавил Б. Эмме. Груз выбыл в Москву. 14 октября 1945 г. в Ленинград из Перми прибыл эшелон с экспонатами, эвакуированными летом 1941 г. Несмотря на сложные условия содержания, транспортировку и, благодаря профессионализму специалистов, ценности были доставлены практически без потерь.

Рис. 6. Фотограф
Г.И. Луговой.
Распаковка ящиков
с картинами,
возвращенными
из эвакуации.
В центре
А.Н. Савинов,
М.В. Фармаковский.
1946 г.

В течение 1945–1946 годов лучшие мастера ленинградских художественно-реставрационных мастерских осуществили восстановление пострадавших в годы Великой Отечественной войны зданий и помещений Русского музея на площади более 1500 кв. метров.

Рис. 7. Монтажные работы в зале № 37 Русского музея. 1946 г.
Слева направо зав. отделом Древнерусского искусства Ю.Н. Дмитриев, ученый секретарь Казаченко (?), и. о. директора Государственного Русского музея П.К. Балтун, В.Н. Петров, Н.Н. Новоуспенский, рабочий Ш.Б. Мамлеев, неизвестный, О.А. Спицына, зав. отделом скульптуры Г.М. Преснов, реставратор М.Н. Марков.

К первой годовщине Победы – 9 мая 1946 года – Русский музей подготовил и представил своим посетителям новую экспозицию «Русское реалистическое искусство XIX века» в отреставрированных залах первого этажа Михайловского дворца [4]. А в июне того же года начала работу выставка, посвященная 75-летию А.П. Остроумовой-Лебедевой.

Впереди было еще несколько лет послевоенного возрождения музея, в течение которых он возвращался к своей полноценной деятельности. Но уже с 1947 г. Русский музей возобновил свою работу по оказанию помощи региональным музеям и картинным галереям страны.

С 16 по 24 июня 1947 г. в Государственном Русском музее было проведено Всероссийское совещание директоров и хранителей фондов художественных музеев, в котором приняли участие 89 человек из 44 музеев, в том числе из Ульяновска, Хабаровска, Грозного, Севастополя, Мстеры, Тулы, Рязани, Ярославля, Иркутска, Калуги, Омска, Бахчисарая, Костромы, Москвы, Симферополя и других городов. Были также представлены реставрационный комитет и комитет по делам искусств при Совете министров РСФСР, I-й Московский университет.

Рис. 8. Участники Всероссийского совещания директоров и хранителей фондов художественных музеев. 16–24 июня 1947 г.

Основными задачами совещания были: определение нанесенного войной материального ущерба коллекциям, оценка возможностей по консервации и реставрации художественных ценностей и путей дальнейшего восстановления утраченного или разрушенного во время Великой Отечественной войны. Обсуждались вопросы по хранению, консервации и реставрации памятников изобразительного искусства, участников знакомили с коллекцией Русского музея и экспозиционной работой, для хранителей были предусмотрены элементы курсов повышения квалификации, затрагивались вопросы по проведению просветительской работы. Помимо этого, для участников совещания была организована экскурсионная программа [3, с. 100–102].

В послевоенное время остро стоял вопрос о восстановительных и реставрационных мероприятиях, масштаб которых был беспрецедентным.

Приехавшие на совещание сотрудники региональных музеев, в большинстве своем, принимали самое непосредственное участие в эвакуационных работах, хранении коллекций своих музеев в военное время, внесли вклад в послевоенное восстановление работы учреждений, которые они представляли.

От Молотовской картинной галереи, ныне – Пермской государственной художественной галереи – в совещании принимали участие директор Николай Николаевич Серебренников (1900–1966) и хранитель Наталья Васильевна Серебренникова [3, с. 103].

Имя Н.Н. Серебренникова связано с историей и коллекциями Молотовской государственной картинной галереи. В 1941 г. он, занимая должность директора галереи (с 1925 по 1949 гг.), обеспечивал хранение эвакуированных в Молотов произведений из собрания Русского музея. Н.Н. Серебренников оказал огромное влияние на становление уральской прикамской художественной культуры и музейного дела.

Участники Всероссийского совещания сыграли важную роль в сохранении и спасении музейных собраний в военный период, а также внесли вклад в развитие отечественного музейного дела: занимались научно-исследовательской, хранительской, просветительской работой. Они были профессионалами, беззаветно преданными своему делу, способными на самоотверженный подвиг [3, с. 108].

Проведение подобных мероприятий не было для Русского музея новшеством. Он часто становился площадкой

для обсуждения актуальных вопросов музейной жизни и оказания всесторонней помощи региональным коллегам.

С 1974 года по приказу Министерства культуры РСФСР Русский музей стал методической базой для художественных музеев, картинных галерей, выставочных центров, мемориальных музеев, музеев-заповедников России. И в этом статусе уже 50 лет ведет системную работу по оказанию консультационной и методической помощи музеям страны и успешно реализует масштабные межмузейные проекты и программы.

К 80-летию полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады специалистами Русского музея был подготовлен целый ряд совместных проектов: таких как, онлайн-проекты «Блокадные хроники Русского музея. Память поколений», «Блокадное поколение. Осажденный город в памяти детей и взрослых», «Всё дальше уходит блокада, в историю, бронзу, гранит...», планшетная выставка к «Дню памяти» 9 сентября, посвященная сотрудникам Русского музея периода Великой Отечественной войны, и многие другие, в которых тема блокады Ленинграда, как образ не сломленной культуры, и шире – цивилизации, сегодня звучит как никогда актуально [2, с. 11].

01.05.2024

«Блокадные хроники Русского музея. Память поколений»

Подкаст, посвященный жизни и работе музея в блокадные годы.

Рис. 9. Заставка проекта «Блокадные хроники Русского музея. Память поколений», 2024 г.

Список литературы

1. Балтун П.К. Русский музей – эвакуация, блокада, восстановление (из воспоминаний музейного работника). / Предисл. А.К. Лебедева. – М.: Изобраз. искусство. 1980. – 144 с., ил.
2. Каталог выставки «Помните!» к 80-летию полного освобождения Ленинграда от фашистской Блокады. ФГБУК «Государственный Русский музей», 2024. – 152 с., ил.
3. Красовитова М.Г., Туминская О.А., Филиппова И.И. Русский музей – музеям регионов: страницы истории. // Сборник научных статей «Нерадовские чтения: Хранение, исследование, реставрация музейных предметов и коллекций. История, современное состояние и перспективы развития. К 100-летию Службы реставрации музейных ценностей Русского музея (1922-2022)». Выпуск VIII. Том II. С. 98-109
4. Музей в годы войны. Подробное описание экспоната, аудиогид, интересные факты. (Электронный ресурс) // URL: <https://ar.culture.ru/ru/subject/vov> (дата обращения 17.12.2024)
5. Панченко И.А. Русский музей в фотографиях 1940-х годов // Материалы научно-практической конференции «Блокада Ленинграда. Культурный след» (6 декабря 2023 г., РАХ, СПб., Научный архив). Статья. 9 с. Онлайн-публикация // URL: <https://raharchive.ru/war> (дата обращения 19.12.2023).
6. Туминская О.А. Культурно-просветительная работа Русского музея в годы войны (блокада и эвакуация) // Вестник СПбГИК №4 (45) декабрь 2020. С. 111-118.

Список источников

1. Архив Русского музея
2. Блокадные хроники Русского музея. Память поколений (Электронный ресурс) // URL: https://rusmuseumpro.ru/blockade_chronicles (дата обращения 17.12.2024)

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ СОТРУДНИКОВ
ФИЛИАЛА ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА
В ЭВАКУАЦИИ В СВЕРДЛОВСКЕ**

Цыгикало Екатерина Александровна

Студентка четвертого курса

Института истории Санкт-Петербургского

государственного университета

ekaterinatsygikalo@yandex.ru

Аннотация: В статье исследуется повседневная жизнь сотрудников Филиала Государственного Эрмитажа в Свердловске. Автор раскрывает бытовую, хранительскую, научную, патриотически-воспитательную, просветительскую деятельности сотрудников Филиала Эрмитажа в эвакуации. Особое внимание в статье уделено внутреннему миру сотрудников Эрмитажа: мыслям, чувствам и переживаниям.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Государственный Эрмитаж, повседневность, Урал, эвакуация.

THE DAILY LIFE OF EMPLOYEES OF THE BRANCH OF THE STATE HERMITAGE MUSEUM I N THE EVACUATION IN SVERDLOVSK

Tsygikalo Ekaterina A.

*Student of the Institute of History
of St. Petersburg State University
ekaterinatsygikalo@yandex.ru*

Abstract: In the article, the author explores the daily life of employees of the Branch of the State Hermitage Museum in Sverdlovsk. The author reveals the everyday, curation, scientific, patriotic, educational, educational activities of the staff of the Hermitage Branch in the evacuation. The article pays special attention to the inner world of the Hermitage staff: thoughts, feelings and experiences.

Keywords: The Great Patriotic War, the State Hermitage Museum, everyday life, the Urals, evacuation.

Великая Отечественная война, эвакуация музейных ценностей в Свердловск и деятельность Филиала Эрмитажа на Урале являются одними из самых чтимых и героических страниц за всю историю существования Государственного Эрмитажа. Первый эшелон отправился в эвакуацию 1 июля 1941 г. во главе с В.Ф. Левинсон-Лессингом. О конечной точке пути не знали даже машинисты поезда, им лишь на ключевых станциях передавали название следующих [4, с. 39]. Незнание места назначения вызывало у сотрудников тревогу и много предположений. Т.Д. Каменская писала: «Куда же все-таки мы едем? Конечный пункт нашего пути никому из нас не известен. Приближаясь к любой большой станции, мы думали, что вот уже прибыли на место, начи-

нали приводить себя в порядок, одевались...» [4, с. 39]. Об этом свидетельствуют и детские воспоминания Е. Гаккель: «Все сотрудники Эрмитажа ошиблись в своих ожиданиях! ...сегодня утром все будили друг друга, говоря, что скоро Пермь» [8, с. 89]. Однако ожидания эрмитажников не оправдались, в Перми поезд даже не остановился.

Сотрудники музея были в неведении и насчет сроков своего отбытия из Ленинграда, однако предполагали и рассчитывали на небольшой срок. «Нам даже говорили, что не надо брать зимних вещей, – если до осени не кончится война – теплые вещи пришлем» [3, с. 87].

Первый эшелон прибыл в Свердловск 7 июля 1941 г. Первоначальное недовольство местом прибытия со временем сменилось на положительное, увидев помощь властей и жителей [3, с. 95]. По приезде главной задачей была срочная подготовка помещения и размещение музейных ценностей. Эрмитажники столкнулись с рядом трудностей при выполнении этой задачи. Хоть В.Ф. Левинсон-Лессинг и писал, что здание Картинной галереи «по своим техническим данным вполне отвечало устройству в нем хранилища» [8, с.105], в первые дни эрмитажникам пришлось выполнить немало работ по его переустройству.

В первую очередь необходимо было усилить пожарную безопасность. Для этого были убраны деревянные сараи и заборы во дворе, освобожден гараж. Из залов, где ранее размещалась Свердловская картинная галерея, были убраны все деревянные перегородки, обтянутые холстом. На нижнем этаже в одном из залов все окна и дверные проемы заложили, чтобы создать там хранилище для особо ценных предметов и коллекций. После размещения ящиков сотрудники разносили бачки с песком, расставляли огнетушители [8, с. 68]. Помимо этого, с первых дней в Фи-

лиале были поставлены пожарные посты и каждый день проводились обходы территории.

Проблема с пожарной безопасностью сохранялась в течение всего времени эвакуации и оставалась «головной болью» Филиала Эрмитажа, так как из-за недостатка помещений было принято решение компактно размещать ящики, ставя их в несколько рядов один на один. Такое размещение рождало тревогу и новые проблемы, так как подобное размещение с точки зрения принципов хранения было неправильным. Сотрудникам пришлось проводить тщательные проверки нагрузки на перекрытия, под балки первого этажа были подведены столбы для уменьшения пролётов [8, с. 24].

По прибытии в Свердловск Левинсон-Лессинг был вынужден срочно искать новые помещения. Директору Филиала пришлось затратить немало усилий в решении данного вопроса, так как в Свердловск эвакуировался не только Эрмитаж, но и многие предприятия и учреждения. Эрмитажу было выделено здание Антирелигиозного музея (дом Н.И. Ипатьева), а также помещение католического храма. Однако надлежащие условия хранения имелись лишь в Картинной галерее, имевшей отопление (с ним тоже было немало трудностей осенью и зимой, нехватка угля и невозможность его привезти ввиду отсутствия машин вызывало много беспокойств насчет сохранности музейных ценностей) [8, с. 101]. Поэтому сотрудникам Филиала необходимо было отобрать то, что не пострадает от колебаний холодов, температуры и влаги. В итоге, в Картинной галерее остались наиболее ценные предметы (преимущественно, из первого эшелона), а остальные были размещены в других пунктах. В 1943 г. Филиалу Эрмитажа было выделено еще одно здание. Осенью 1943 – в начале зимы 1944 года музейщики были заняты перевозкой и размещением ящиков с

экспонатами. Однако именно это помогло решить проблему с нехваткой места и правильным размещением ящиков со свободным доступом к каждому ряду [8, с. 24].

С первых дней возникали трудности даже с тем, чтобы внести в здание Картинной галереи прибывшие экспонаты. Так, рака Александра Невского, статуя сидящего Вольтера не проходили в проемы дверей, и музейным сотрудникам приходилось на месте искать решения (раку, например, пришлось пронести через окно) [4, с. 60].

В Свердловске остро не хватало работников для разгрузки и расстановки ящиков. С машинами для погрузки ящиков и развозки их по объектам помогали военные, для сопровождения грузов и хранительской работы на местах их сопровождали каждый день 11 сотрудников музея [8, с. 43]. Из 17 прибывших первого эшелона было только 4 мужчины, к тяжелым физическим работам были готовы не все прибывшие эрмитажники.

Трудности возникли не только с размещением музейных ценностей, но и самих сотрудников. Первые дни в городе эрмитажники были вынуждены ночевать в вагонах, пока хлопотали насчет мест размещения сотрудников и их семей. Перебрали немало вариантов: и гостиницы, и размещение по ордеру от НКВД. Жилищный вопрос временно был решен распределением по общежитиям.

Второй эшелон был отправлен 23 июля 1941 г. Осведомленность о будущей жизни заканчивалась на том, что эшелон едет на Урал. Это вызывало тревогу, в первую очередь за детей [8, с. 141]. Неделя в дороге тем не менее не прошла даром и стала для эрмитажников важным этапом для будущей совместной жизни: «Прожитый в Ленинграде первый месяц войны, разлука с близкими сказалась на разобщенности людей: одни были мало знакомы друг с другом, другие

совсем незнакомы. Но даже за неделю пути стало приходиться объединяющее всех чувство. Не могли не сказаться общие дела: помощь детям, организация питания» [8, с. 39].

Второй эшелон музейных ценностей и 16 сотрудников Эрмитажа во главе с М.П. Грязновым прибыли в Свердловск поздно вечером 1 августа. Г.Н. Балашова писала об этом дне: «Нас никто не встречал, и мы до утра оставались в вагонах. ...В.Ф. Левинсон-Лессинг ушел в Исполком хлопотать о машинах и рабочей силе. Необходимо было определить места для размещения вещей и людей. Утром на вокзал приехал Владимир Францевич, стали подходить машины. На помощь прибыли сотрудники, приехавшие с первым эшеленом» [8, с. 41].

Разгрузка и размещение музейных ценностей заняли немало времени: «в течение всего месяца нашей жизни во Втузгородке сотрудники были заняты разгрузкой и устройством эрмитажных вещей в городе. Все [объекты Филиала] были засекречены и зашифрованы на «объекты». Так мы их и называли, даже в разговорах между собой» [8, с. 38].

Пребывание Эрмитажа в Свердловске было засекречено. Но о том, что тут живут сотрудники Эрмитажа – знали. Г.Н. Балашова вспоминала: «Следует заметить, что местные жители, несмотря на удобства, шли на встречу и делились всем, что имели». За все время эвакуации в Свердловске проживало 55 сотрудников Эрмитажа, так как помимо двух эшелонов по 16 сотрудников, в ноябре 1941 г. были эвакуированы М.Э. Матье, И.М. Лурье, в 1942 г. реставратор Ф.А. Каликин, В.Н. Васильев, Е.Г. Лисенков, М.И. Щербачева. Также в 1942 г. с Левинсоном-Лессингом приехали 6 крайне истощенных и тяжелобольных женщин. Также приезжали и осенью-зимой 1943 г. реставраторы и археологи. Благодаря увеличению штата в Филиале контроль-

ные вскрытия стали проводиться систематически, а списки дежурств были увеличены [8, с. 48].

Жизнь в Свердловске была несравнимо легче, чем в блокадном Ленинграде. Но сложностей было много. Трудности были связаны с размещением и местом жительства, бытом, так как не хватало теплых вещей и обуви (никто не рассчитывал, что уезжают на длительный срок), были трудности с продовольствием и размещением детей в детских садах.

Изначально сотрудников разместили в общежитии студентов Музыкального училища. «Помню длинный коридор, по сторонам – слева и справа – двери в жилые комнаты. В нашей комнате поселили Беловых и Грязновых, т. е. мою маму со мной и Марию Николаевну Грязнову с Ориком. Наши отцы поселились, кажется, в отдельной комнате для мужчин. Большой коридор и дворы вокруг общежития и сараев стали местом наших детских знакомств, игр и потасовок» [1, с. 38]. Однако к концу лета возвращались студенты, сотрудникам вновь пришлось переселяться в разные части города. При этом условия проживания музейных сотрудников и их семей сильно отличались, так как кто-то жил недалеко от работы в центре города, а кто-то в домах на окраинах, где отсутствовало центральное отопление и водопровод [8, с. 42].

Первый год в эвакуации Г.Н. Балашова вспоминала так: «Первый год эвакуации был для всех нас трудным во всем. Нелегкие бытовые условия, отсутствие теплой одежды, отсутствие своего хозяйства были особенно ощутимы в холодную зиму 1941/42 годов. Сложно было с питанием. Базар был дорог, столовых было мало, в закрытые мы не попадали; пайки получали только сотрудники со степенью. Ввиду перегрузки не брали в детские сады наших малышей. Хорошо, что можно было устроить школьников (женская и

мужская школы находились близко друг от друга). Нередко наши дети болели: то простудные заболевания, то корь. Было... Все было! Нужно сказать, что родителям с детьми очень помог эрмитажный интернат в Лядах, куда удалось отправить несколько ребятишек» [1, с. 96].

Спасением для сотрудников Филиала был огородный участок, который им выделили весной 1942 г. За возделывание участков взялось большинство сотрудников, а сажали в основном картофель. Однако у сотрудников были трудности с тем, чтобы добраться до участков (нужен был транспорт). Урожай был не тот, который ожидали, при этом были случаи отравления дикорастущими травами [9, с. 42]. Тем не менее огород поддержал ленинградцев.

Эрмитажники испытывали трудности с пропитанием ввиду материального положения и его организацией в Свердловске: «Продуктовые карточки отоваривались нерегулярно и не всегда соответственно назначению: вместо мяса выдавали яйца, вместо сахара – пряники или конфеты (иногда даже мороженое), жидкое какао. Молочные продукты и картофель надо было покупать на рынке. Цены там были очень высокие (в разные годы): 1 л молока = 50–90 руб., 1 кг картофеля = 60–70 руб. При зарплате в 300–400 руб. (выдавалась с задержками) все это было очень затруднительно. Чтобы совершить крупную покупку, приходилось жертвовать буханкой хлеба (порция 2–3 дней)» [2, с. 94].

Видимо, скудное питание на протяжении нескольких лет не прошло бесследно и привело к ухудшению здоровья сотрудников в Филиале. Об этом докладывал директор Филиала в сентябре 1943 г.: «Многие очень сдали, вызвано то в основном недостаточным питанием в течение длительного времени. Сейчас наши профессора обеспечены полностью, но старшие и просто научные сотрудники (хотя в свое время

нам и удалось добиться распространения приказа № 170 на весь состав работников) остались на прежних пониженных нормах, которые имеют тенденцию к еще большему снижению каждый раз как вводится улучшение для более важной категории работников» [8, с.106].

Трудности помогал преодолевать коллектив и его сплоченность, общие дела и задачи. Ранее далеко не все были знакомы, однако, проживая в одном городе и выполняя одну миссию, сотрудники разных отделов познакомились, сблизились семьями. В итоге, в 1943 г. о сплоченности коллектива, хоть и с трениями, писал Левинсон-Лессинг И.А. Орбели [8, с. 106].

Ленинградцы не забывали в эвакуации и о родном городе, оставшихся семьях и товарищах, мечтали и ждали возвращения в Ленинград. 10 октября 1941 г. Е. Гаккель писала в письме к отцу: «Я все прошу Татьяну Давидовну отложить деньги на последнюю телеграмму-молнию „Выезжаем такого-то“» [8, с. 97]. Так же, как и в Ленинграде, жили музейщики вестями с фронта, переживая за победы и поражения. Мечты сотрудников частично сбылись после снятия блокады 27 января 1944 г. Тогда часть сотрудников вернулась в город для наведения порядков в Зимнем дворце и подготовке выставки, посвященной памятникам искусства, оставшимся и пережившим блокаду.

Работы в Филиале Эрмитажа было много. Самой главной задачей было сохранить музейные ценности. Ей уделяли первостепенное внимание. Во-первых, на протяжении четырех лет эрмитажники круглосуточно дежурили в хранилищах, по очереди сменяя друг друга. Помимо этого, необходимо было наблюдать за соблюдением пожарной безопасности, температурно-влажностного режима. Индивидуальные условия для различных видов памятников было сложно создать

даже в обычных музейных условиях, не говоря об условиях эвакуации.

Для проверки сохранности музейных ценностей с конца 1941 года до реэвакуации музейными сотрудниками проводились выборочные контрольные вскрытия, по необходимости выполнялись профилактические работы, переупаковка и реставрация. [8, с. 121].

Помимо хранения музейных ценностей и дежурств, сотрудники Филиала выполняли много других задач, занимались научной деятельностью, хотя это было затруднительно ввиду отсутствия необходимых книг и документов. Этот вопрос старались решить выпиской необходимых книг из московских библиотек. В целом, систематическая научная работа сотрудников Филиала началась в 1942 г. [8, с. 31]. Для поддержания научной деятельности осенью 1942 г. В.Ф. Левинсон-Лессинг отправился в блокадный Ленинград за оставленными рукописями, материалами и книгами. Директор Филиала привез около 1000 томов, благодаря которым научная работа оживилась. В Свердловске в течение всех лет проходили доклады и научные заседания сотрудников Эрмитажа.

Сотрудники Эрмитажа занимались написанием и защитой диссертаций, публикацией научных трудов. Так, М.Э. Матье подготовила и защитила диссертацию на тему «Египетское искусство фиванского периода», Е.Г. Пчелина, Т.А. Измайлова, И.М. Лурье, Г.Д. Белов также написали и защитили свои диссертации. Сотрудники отдела нумизматики занимались систематизацией монет краеведческих музеев. Над собраниями краеведческого музея работали не только нумизматы. А.А. Иессен и М.П. Грязнов проводились раскопки, которые способствовали изучению Свердловской области, ее геологии, стратиграфии и культурных остатков [8, с. 102].

Большую роль сыграли сотрудники Эрмитажа в развитии музейного дела Свердловска и области. Они помогали местной картинной галерее определять собрания картин, описывать гравюры и проводить инвентаризацию фарфора, реставратор Ф.А. Каликин дал жизнь многим картинам галереи [8, с. 33]. Помимо этого, проводились семинары, которые посвящались музейной работе и передаче опыта одного из ведущих музеев по хранению, учету, составлению экспозиции и просветительской работе музеев.

Помимо просветительской работы для коллег, ленинградцы привлекались к работе в местных ВУЗах и институтах. Например, А.А. Иессен читал лекции по основам археологии, А.В. Банк по истории византийского искусства, А.А. Передольская по античному искусству. Кроме этого, лекции читались в школах, воинских частях, заводах, колхоза, призывных пунктах, санитарных поездах и госпиталях. Всего за годы в эвакуации сотрудниками Эрмитажа было прочитано около 2500 лекций [6, с. 35]. Лекции читались преимущественно в патриотических целях, поэтому темы были связаны с прошлым России, военными победами и историческими личностями. Зав. сектором Средней Азии и Кавказа Татьяна Измайлова вспоминала: «...Я много читала лекции на Уралмаше и в шефских госпиталях. Лекции были на исторические темы, читала про Иоанна Грозного, Фридриха Великого и даже про Брусиловский прорыв! В госпиталях читала Руставелли „Витязь в тигровой шкуре“, „Давид Сасунский“» [7].

Занимались эрмитажники на Урале экспозиционной деятельностью. Уже в августе 1941 г. ряд сотрудников Эрмитажа привлекался к Выставке ко Дню обороны в парке Свердловска [5, с. 105]. Кроме этого, сотрудники Эрмитажа были задействованы в передвижных выставках картинной галереи.

реи Свердловска, выставках областного отделения Союза Советских художников. Но самой известной стала выставка августа 1943 г. «Военная доблесть русского народа», на которой были представлены экспонаты из коллекции Эрмитажа, а также материалы, которые уже отражали историю Великой Отечественной войны. Это воодушевило и придало сил эрмитажникам как в Свердловске, так и в Ленинграде [8, с. 149].

После снятия блокады часть сотрудников вернулась в Ленинград и приступила к организации выставки в Зимнем дворце, остальным пришлось ждать окончания войны. Стоит отметить, что эрмитажники привыкли к Филиалу, рутине, лекциям и дежурствам: «Я очень привязалась к Уралмашу – там пели „Уралмаш ожерелье Свердловска, Уралмаш дорогой самоцвет“. Мы ходили смотреть на разоренный из-за нас музей, где выставлены были друзья необычайной красоты. Вообще, у Свердловска своя история, своя память, свои легенды. Мы их не забываем», – писала Татьяна Измайлова [6, с. 149].

29 августа 1945 года состоялось решение Совета Народных Комиссаров СССР о реэвакуации собраний Эрмитажа. Началась долгожданная подготовка к отправлению в Ленинград. Погрузка коллекций была закончена 6 октября и спустя более 4 лет, 10 октября 1945 года, собрания Эрмитажа вернулись в Ленинград [8, с. 35].

Список источников и литературы

1. Балашова Г.Н.. Воспоминания // Эрмитаж: хроника военных лет, 1941-1945. Документы Архива Государственного Эрмитажа. СПб.: Издательство Гос. Эрмитажа, 2020. – 139 с.: ил.
2. Белова А.Г. Воспоминания // Эрмитаж: хроника военных лет, 1941-1945. Документы Архива Государственного Эрмитажа. СПб.: Издательство Гос. Эрмитажа, 2020. – 139 с.: ил.
3. Березина В.Н. Воспоминания // Спасти и сохранить. Эвакуация Государственного Эрмитажа на Урал в документах, воспоминаниях, фотографиях и рисунках. СПб: Изд-во Государственный Эрмитаж, 2022. – 346 с.
4. Варшавский С., Рест Ю.И. Подвиг Эрмитажа: Документальная повесть. – Л.: Лениздат, 1985. – 174 с.: ил.
5. Гаккель Е. Воспоминания // Спасти и сохранить. Эвакуация Государственного Эрмитажа на Урал в документах, воспоминаниях, фотографиях и рисунках. СПб: Изд-во Государственный Эрмитаж, 2022. – 346 с.
6. Просветительская работа сотрудников Эрмитажа в эвакуации. Культура Екатеринбург РФ. URL:https://культура.екатеринбург.рф/common_content/item/special_project_post/346 (дата обращения – 04.05.2024)
7. Сообщения Государственного Эрмитажа. URL:<https://kronk.spb.ru/library/sgе.htm> (дата обращения – 09.05.2024)
8. Спасти и сохранить. Эвакуация Государственного Эрмитажа на Урал в документах, воспоминаниях, фотографиях и рисунках. СПб: Изд-во Государственный Эрмитаж, 2022. 346 с.
9. Эрмитаж. Хроника военных лет. 1941–1945. Документы Архива Государственного Эрмитажа. СПб.: Издательство Гос. Эрмитажа, 2020. 139 с.

ИСКУССТВО ВЫНЕСЛИ НА СВОИХ РУКАХ

Беляева Надежда Владимировна
Президент Пермской государственной
художественной галереи
n.belyaeva@permartmuseum.com

Аннотация: В годы Великой Отечественной войны в эвакуации в Молотове (Пермь) было 12 Российских музеев, театры. На новом месте они вошли в состав филиала Государственного Русского музея. В Перми была организована Агитмастерская по выпуску плакатов. Сотрудничали с ней пермские и эвакуированные художники и писатели. Культура была интегрирована в различные пространства города военного времени: улицы, заводы, госпитали, села, выезжала на фронт. Она влияла на формирование трудового, патриотического накала, настроение и жизнь населения. Сохранила культурное наследие и дала мощное развитие в мирное время.

Ключевые слова: Эвакуация, Н.Н. Серебрянников, Государственный Русский музей, музеи, Агитмастерская, художники, плакат, выставки.

THEY CARRIED OUT THE ART ON THEIR OWN HANDS

Belyaeva Nadezhda V.

President of the Perm State Art Gallery

n.belyaeva@permartmuseum.com

Abstract: During the Great Patriotic War, there were 12 Russian museums and theaters evacuated to Molotov (Perm). At the new location, they became part of the branch of the State Russian Museum. In Perm, an Agitation Workshop was organized to produce posters. Perm and evacuated artists and writers collaborated with it. Culture was integrated into various spaces of the city during wartime: streets, factories, hospitals, villages, and went to the front. It influenced the formation of labor and patriotic fervor, mood, and life of the population. It preserved cultural heritage and gave powerful development in peacetime

Key words: Evacuation; N.N. Serebrennikov; State Russian Museum; museums; propaganda workshop; artists; poster; exhibitions

Город Молотов, как и многие тыловые территории, не был готов к такому большому перемещению людей, материальных и культурных ценностей из центра страны и с запада на восток, которое случилось с начала Великой Отечественной войны. Необходимо было одновременно решать вопросы размещения и обеспечения ввода встрой производств. «По состоянию на 1 апреля 1942 года Пермь приняла 816 эшелонов 1830 пароходов» [1, Ф.8055. Оп.1. Д.79. Л.103]. К тому же, коммунальные артерии города тоже не были рассчитаны на такую эксплуатацию – планы по их перестройке нарушила война.

Неудивительно, что известие о необходимости принять культурное наследие 10 музеев не вызвало особого воодушевления. Власти понимали серьезность задачи по обеспечению сохранности музейных коллекций, ведь в Молотове был свой, первый на Урале, художественный музей, имеющий авторитет в стране. И тем не менее, вначале был отказ председателя облисполкома на письмо уполномоченного Комитета по делам искусств Ленинграда: «...отклонить, принять некуда П. Горюнов». 1/IX–1941 прибывший в Молотов Петр Балтун (в 1941–45 гг. – директор филиала Государственного Русского музея) имел на руках телеграмму: «Правительственная. Облискусство для директора Русского музея Балтун остаетесь в Перми руководству филиалом Русского музея предлагаю личную ответственность принять все прибывшие барже желдорозгрузы музеев тчк Обеспечьте пригодные помещения надлежащее хранение особенно охрану Комитет искусств Храпченко» (орфография и пунктуация сохранены) [1, с. 45]

Осенью в Молотов были также эвакуированы фонды Государственного литературного музея. По сведениям Э. Орлова, руководителя Дома-музея А.П. Чехова, было отправлено 193 ящика со 120 890 единицами хранения, которые разместились в подвальном буфете рабочего клуба им. Свердлова в Мотовилихе (рядом с нынешним «Райским садом», который ранее был садом при клубе). 19 января 1942 туда же прибыла уже вторая партия груза Ленинской библиотеки, первая пришла в ноябре, она разместилась в помещениях Горьковской библиотеки. Было вывезено около 700 000 томов особо ценных отечественных изданий, рукописей и редких книг, иностранные инкунабулы и палеотипы. Книги самостоятельно разгрузили сотрудники в 40 градусный мороз с двух платформ. В Мо-

лотове был организован филиал Государственной библиотеки СССР имени В.И. Ленина. Прибыли в город также архивы Ленинградской области, в том числе Центральный государственный архив Октябрьской революции. Здание областного краеведческого музея, входившее в единый архитектурный комплекс с галереей, отдали под медицинское общежитие, а музейные коллекции распределили по разным местам.

Хроника художественной жизни города Молотова показывает, каким горячим стал сентябрь 1941. С периодичностью в одну–две недели происходили события, определившие в итоге системность и организованность дальнейшего функционирования «культурного фронта» в тылу: с 1 сентября решался вопрос о размещении музейных фондов,

11 сентября при галерее по инициативе Молотовского отделения Союза художников России была организована агитмастерская по выпуску плакатов, 14 сентября прибывает «плавающее хранилище» – баржа 3805 с коллекциями 10 музеев, 13 сентября начинает работу эвакуированный еще в августе театр оперы и балета им. С.М. Кирова. Пермский оперный театр расформирован, но при филармонии создается группа из числа артистов, выступающих с концертами, спектаклями в городах Прикамья. 28 сентября начинается разгрузка, размещение, обустройство музейных фондов, организуется отправка части коллекций в Соликамск. Петр Казимирович Балтун, на которого была возложена ответственность за сохранность всех музейных коллекций, временно вошедших в филиал Русского музея, и Николай Николаевич Серебренников – директор галереи, побывали в Соликамске, изучили ситуацию и пришли к соглашению, что ящики с экспонатами Русского музея и Третьяковской галереи (41 ящик с 1294 произведения ГТГ,

в их числе 2 ящика из коллекции И.Е. Зильберштейна) [2, с. 23] будут размещены в ведении местного краеведческого музея. Балтун вспоминает, что почти до ледостава шла разгрузка и перегрузка сотен ящиков с баржи к месту их хранения – в Соликамск. Филиал Русского музея сложился из двух хранилищ, расположенных в нескольких сотнях километров друг от друга. В итоге, в здании Троицкого собора разместились коллекции восьми крупных государственных музеев: ГМИИ имени А.С. Пушкина (22 ящика – 1408 предметов), Театрального музея им. А.А. Бахрушина (44 ящика с наиболее ценными коллекциями), Загорского художественного музея-заповедника (42 ящика с церковной утварью из драгметаллов и драгоценных камней, Рака с мощами Преподобного Сергия Радонежского, рукописные и печатные книги – около 1500 единиц хранения), Музея керамики из подмосковной усадьбы Кусково – 2178 предметов, Музея Востока (1758 вещей в 29 ящиках и 18 рулонов ковров, Музея скульптора А.С. Голубкиной, Музея Академии архитектуры СССР, Дирекции выставки панорам с выставками И.И. Бродского – 45 ящиков и посвященной 100-летию со дня памяти М.Ю. Лермонтова. 30 сентября 1942 года с невероятными сложностями, в Соликамск прибыла коллекция Краснодарского художественного музея (13 ящиков с 1321 произведениями).

В Молотове и Соликамске музейщики совместно обсуждали вопросы совершенствования музейного дела. Балтун, оценивая время, писал, что выставочная и лекционная работа сближали коллектив филиала с общественностью Соликамска и Перми. Они совместно выявляли и изучали памятники архитектуры. В связи с обследованием церквей приезжал в Соликамск А.Б. Иогансон, сын

художника, работавший в то время начальником изобразительного сектора по Молотовской области. В Соликамске Б.Н. Эмме, ставший руководителем отделения Русского музея после ухода на фронт И.Н. Птицына (директора Загорского музея-заповедника), ранее исполнявшего эти обязанности, обследовал деревянную резьбу, изразцы, выявлял памятники архитектуры, помогал в изучении, систематизации и описании коллекции краеведческого музея. В результате, было выявлено более 130 памятников музейного значения, поставлено на учет 8 памятников архитектуры. О.А. Панкова-Постникова написала работу «Соликамские памятники древней архитектуры», а Н.В. Дядьковская в Молотове закончила монографии о П. Федотове. К.Д. Удимов, директор Соликамского краеведческого музея с 1942, историк, археолог, как и Н.Н. Серебренников, привлекал эвакуированных специалистов для исследовательской работы по изучению и сохранению наследия. В Молотове эвакуированные специалисты консультировали музейщиков в подготовке первого каталога галереи, в котором было представлено 1400 произведений 500 авторов. Жизнь в эвакуации — огромный багаж личных историй и судеб. Очень многие из них вошли в жизнь Николая Николаевича Серебренникова — директора Молотовской художественной галереи, первого председателя Пермского союза художников, руководителя Молотовской мастерской по выпуску агитплакатов и «Окон ТАСС». Н.Н. Серебренников понимает, что искусство плаката — новая область творчества для местных художников, в качестве образца он знакомит их в галерее с коллекцией плаката Гражданской войны. Первый печатный плакат, создан ленинградскими художниками — нашими земляками В.М. Орешниковым и В.А. Оболенским: «Мы смерть

врагу несем своим полетом – даешь моторы самолетам!», экземпляр которого хранится в коллекции галереи. На Молотовском оборонном заводе № 19 выпускались надежные моторы, и он до конца 1941 г. оставался единственным в своем роде. Агитмастерские, как и филиал Русского музея, имели свои отделения, находившиеся друг от друга на расстоянии почти 200 км – в Очёре и Чёрмозе. Очёрским филиалом руководил выдающийся советский график Михаил Черемных, создавший около 60 авторских плакатов. За качество печати его плакатов боролись все три мастерские.

В целом за годы войны было издано около 200 тематических плакатов тиражом более 200 000 экземпляров. Художники участвовали в праздничных оформлениях города, заводских пространств. Над созданием плакатов работали художники: М. Черемных, П. Львов. В. Орешников, В. Оболенский, А. Бриндаров, Ю. Васнецов, Ф. Дорошевич, К. Зотов, Н. Кашина, Т. Ковригина, А. Левин, П. Львов, В. Мороз, Б. Михайлов, А. Невяровский, С. Стрижов, А. Завьялова, А. Носков, П. Оборин, В. Одинцов, А. Пейсахович, И. Россик, И. Шабанов, А. Соловейчик, М. Джакупова, Д. Зайдман, Л. Аронов. Тексты к Агитокнам писали: Д. Актиль, Б. Михайлов, С. Стрижов, С. Невуровский, С. Спасский, Е. Полонская, Е. Трутнева, Н. Коновалова. Со временем перечень имен может дополниться. Была также группа трафаретчиков. Возникали трудности в обеспечении материалами, красками. В решении проблем пытался помочь Б. Иогансон: «...По приезде в Москву, я тотчас же начал хлопотать об Окнах ТАСС и литографских принадлежностях, с последними сейчас плохо. Ни одна типография не дает, т.к. у самой в обрез» [2, Ф.2. Д.1309. Газета «Литература и искусство», 13 марта 1943 г.] Н.Н. Серебренников обращается в Молотовский горисполком с просьбой дать указание

о выделении «200 литров керосина в качестве растворителя для красок и освещения при работе» [З, Ф.Р-1130, Оп.1, Д.12, Л.31]. Пишет на Краснокамскую бумажную фабрику об отгрузке «для выпуска агитационной продукции брака и отходов бумажного производства» ссылаясь на письмо Молотовского облплана. [З, Ф.Р-1130, Оп.1. Д.12 Л.23] По сохранившимся в коллекции галереи плакатам видно, что они напечатаны на листах бумаги низкого качества, на браке производства школьных тетрадей, подчас склеенных между собой. Интересно, что и тут Серебренников помнил о комплектовании музейных фондов. Он настоял на том, чтобы были сделаны уменьшенные копии плакатов. Благодаря этому, в галерее есть их полная подборка. В нашей коллекции также хранятся оригиналы блестяще выполненных Н.И. Альтманом карикатур на злободневную тему, опубликованных в главной областной газете «Звезда».

Уже в 1942 г. Серебренников устраивает выставку всех плакатов. Выставки стали регулярными и экспонировались на разных площадках города, в том числе, в фойе театра опер и балета.

Серебренников заботился о семьях художников-фронтовиков и помогал решать бытовые вопросы эвакуированным, привлекал их к хозяйственным работам в галерее. Для Серебренникова плотный график был каждодневным, привычным, но налаживание и обеспечение работы всех структур, которыми он руководил, требовали особой сосредоточенности, времени, нервов. Немало усилий требовала работа по руководству местной организацией Союза художников. К началу войны в ней насчитывалось около 30 членов и кандидатов. Эвакуированные художники вставали на учет, и союз вырос вдвое, часто это были ведущие мастера страны, работы которых составили бы честь фон-

дам любого музея. К примеру, в город приехали: Народный художник СССР, Лауреат Сталинской премии Б.В. Иогансон, ставший впоследствии Президентом Академии художеств, обладатель золотой медали Парижской выставки 1938 года Г.Г. Ряжский, чьи живописные женские образы стали символами эпохи, М.М. Черемных, признанный мастер, один из основоположников советского плаката, работавший вместе с Маяковским, Моором, Дени. В самом начале войны Черемных с коллегами организовал в Москве выпуск военных Окон ТАСС. Именно его плакаты Серебренников и предлагал художникам взять в качестве образца. В 1942 г. М.М. Черемных получил Сталинскую премию за работу в области агитационного искусства, а после войны стал Академиком. Прибыли в Молотов и другие крупные художники: скульптор З.М. Виленский, живописцы и графики В.М. Орешников, В.А. Оболенский, Я.Д. Ромас, Н.И. Альтман, Ю.А. Васнецов, Н.А. Лаков. Здесь прожил свои последние годы замечательный живописец и рисовальщик П.И. Львов. Он автор серии портретов героев войны, среди которых пермяк, летчик-герой А.И. Крохалев (в коллекции галереи).

Художников нужно было обеспечить работой, помочь освоиться в новых условиях и суровом климате. Норма жилплощади на одного человека составляла в среднем 3,3 кв.м. Город в осенние-зимние вечера погружался во тьму, фонари не работали. Асфальтовых дорог было несколько километров, мощенные деревянные тротуары чередовались с грунтовыми дорожками, посыпанными шлаком. Были перебои с транспортом: автобусы отправили на фронт, трамвай имел лишь несколько километров путей из центра в Мотовилиху. Жили художники трудно, быт был не обустроен по сравнению с прежней жизнью. Но активность

мастеров поражала несмотря на то, что им приходилось преодолевать десятки, сотни километры дорог в поисках своих героев. Я.Д. Ромас по результатам поездки 1943–1944 гг. к сплащикам Иньвенского района пишет картину «На плоту», за которую получает Сталинскую премию второй степени. В активном творческом процессе участвовали все художники, размещенные по городам Молотовской области. Лаков, Кениг, Аронов выезжают в отдаленные районы, привозят замечательные рисунки, которые сейчас хранятся в Чёрмозском музее. З.М. Виленский устраивает в клубе Чёрмоза постоянную выставку скульптурных портретов. В одном из писем Серебренникову он благодарит его за гипс и пишет: «...что касается жизни моей здесь-такова, что можно желать только лучшего. Питаемся с женой большей частью картофелем и обещаниями. Но все это временное. Если удастся достать еще табаку – не забудьте меня...» [1, Ф. Р-1130. Оп.1. Д.2. Л.6] «Я продолжаю работать в том же плане. Количество портретов увеличилось почти вдвое. Делаю эскизы к скульптуре «Народный мститель», потом группа «Письмо на Родину» и еще другое... работаю в таком состоянии, точно жить осталось немного и хочется многое и хорошее сделать... Временами меня терзает мысль о том, что, может быть, мой труд теперь действительно недействительный. И может быть, дрова пилить куда важней... Хорошо бывает здесь после хорошей сводки даже на пустой желудок, и Москва кажется не за горами». [1, Ф.Р-1130. Оп.1. Д.21. Л.55]

Здесь же, в Чёрмозе, в эвакуации прошли детские годы известного советского и французского художника Бориса Заборова, одна из работ которого приобретена галереей Уффици. В одном из своих зарубежных интервью он вспоминает о враче, который спас его от смерти, рассказывает

о быте: обширном дворе, где стояли «заколоченные бочки с красной икрой (один из абсурдных парадоксов военного времени). «Есть было нечего, а красная икра (и сегодня деликатес в Париже) на завтрак, обед и ужин. Боже, как я ее ненавидел... иногда маме удавалось обменять ведро икры на буханку черного хлеба».

Надо отметить, что художники устраивали праздники для детей, делали плакаты, издавали небольшие книжки, наглядную агитацию. А в 1943 г. в Молотове состоялась выставка работ Ю. Васнецова, чьи книжки с короткими, запоминающимися стихами и зверюшки полюбились детям многих поколений. Серебренников организовывал выставки «О природе и жизни Молотовской области», по результатам поездок художников в колхозы, некоторые из них остались в коллекции галереи. Вот как вспоминает Б. Иогансон эвакуацию: «Я долго ходил по городу, жадно впитывая неповторимое очарование старой русской провинции – кусочки древней Перми, еще сохранившиеся среди нового и молодого: высокая набережная, собор, тихие, прямые улицы и такие уютные двухэтажные домики... Как много говорят они сердцу русского человека... Сейчас множество уральцев на фронте. И если человеку удастся на выставке увидеть родимые места – горы, озера, леса, Каму – разве не забьется с новой силой его сердце, разве не наполнится оно еще более лютой ненавистью к врагу?... Мне пришлось побывать на оборонных предприятиях и в самом Молотове, и в окрестностях города. На производстве теперь сплошь и рядом можно встретить подростков – вчерашних, а то и Ребят, а это – совсем нетронутая тема в искусстве». [2, Ф.2. Д.1309. Газета «Литература и искусство», 13 марта 1943 г.] В 1943 к межобластной конференции «Настоящее и прошлое Урала в художественной литературе» была ор-

ганизована выставка «Урал – кузница оружия», на которую Серебренников отправил 66 произведений из коллекции галереи и 124 современных художников и ярко выступил на конференции. В 1944 состоялась выставка «Урал в изобразительном искусстве». Этой темой Серебренников занимался с начала музейной деятельности, а после войны вышел его одноименный, фундаментальный, актуальный и сегодня труд, в который вошли более 200 имен художников, связанных с нашим краем.

Активно шла выставочная работа, несмотря на закрытие галереи. На предприятиях, в библиотеках, фойе кинотеатров проходили выставки плакатов, а также персональные и тематические выставки к юбилейным и политическим датам. Сотрудники ГРМ во второй половине 1942 г. устроили выставку «Произведения мастеров XVIII–XIX веков». Затем были показаны произведения И. Бродского. Здесь же была подготовлена закрытая выставка специально для актеров и режиссеров Ленинградского театра им. Кирова. Театр готовил оперу «Пугачев», и экспонаты выставки помогали почувствовать атмосферу времени, поверить в подлинность и реальность исторических событий.

Период 1943–1944 гг. был очень напряженным и продуктивным для музейщиков, которые обрели уже достаточный опыт работы в условиях войны. Ярчайшим событием стала выставка «Ленинград в дни блокады», открывшаяся в городе в скорбную дату – 22 июня 1943 года. Из числа эвакуированных почти треть составляли ленинградцы. Ежедневно выставку посещали сотни человек, все они выходили с чувством гнева и ненависти к врагу, готовностью трудиться еще больше для скорейшего достижения Победы. Блокадное кольцо было уже прорвано. Выставка была показана в Ленинграде и в Москве (в ГМИИ им. А.С. Пушкина). Она была полностью

приобретена в коллекцию Русского музея. В Молотове выставка открылась во вновь отремонтированных (немецкими военнопленными) залах краеведческого музея.

Можно сказать, что 1943–1944 гг. стали для жителей Молотова открытием богатства эвакуированных в город коллекций. 18 июля 1944 г. после «блокадной выставки» в тех же залах открылась выставка замечательного русского художника М.В. Нестерова.

В 1944 г. город широко и торжественно отмечал 100-летие И.Е. Репина. Государственный Русский музей подготовил выставку из 50 произведений (всего в эвакуации было 200 работ мастера) в число которых вошла и картина из фондов Молотовской галереи. Многие удивлялись, что подлинные вещи великого художника хранятся здесь, случалось, не верили в их подлинность, особенно «Бурлаков». В оперном театре состоялся праздничный вечер, на котором с основным докладом выступил А.Н. Савинов.

Параллельно в Ленинграде, в залах Русского музея, открылась юбилейная выставка произведений Репина из музейных и частных коллекций, которые не удалось эвакуировать, но, тем не менее, удалось сохранить. Выставки продемонстрировали спасенное наследие, а также подвиг музейщиков, в короткие сроки обеспечивших упаковку, эвакуацию и сохранность.

Русский музей, отвечавший за сохранность ряда коллекций, Пермская галерея с работавшей здесь Агитмастерской, как и Кировский (бывший Мариинский) театр оперы и балета, Ленинградский ТЮЗ (основная площадка – Березники), Пермский театр драмы и оперные солисты, художники и писатели – все они внесли значительный вклад в победу, мобилизационную активность к труду, оказали большое влияние на развитие культурной

жизни области, на организацию и развитие музейного дела, сохранили в людях тягу к прекрасному. Искусство по-своему приближало Победу через героическое проявления духа и понимание необходимости защиты сохранения нашей культуры.

Автор благодарит все музеи, предоставившие данные для этой статьи.

Список литературы

1. П.К Балтун. Русский музей-эвакуация, блокада, восстановление. (Из воспоминаний музейного работника). Москва, «Изобразительное искусство». 1981, 128 с.
2. Спасибо Пермь, Пермь, 2020, 168 с.

Список источников

1. ПермГАСПИ
2. Научно-ведомственный архив ПГХГ
3. ГАПК

**МОЛОТОВСКАЯ (ПЕРМСКАЯ)
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ГАЛЕРЕЯ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ:
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ
И НОВЫЕ АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ**

*Янковская Галина Александровна
Доцент, доктор исторических наук,
зав. Кафедрой междисциплинарных
исторических исследований,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
yank64@yandex.ru*

Аннотация: В статье дается характеристика современной историографической ситуации по комплексной теме истории Молотовской (сегодня Пермской) художественной галереи в годы Великой Отечественной войны. Рассматриваются публикации 1980–2020-х годов, в которых анализируются вопросы влияния эвакуации столичных музеев и художников на художественную жизнь Пермского Прикамья, на функционирование Молотовской галереи, на последствия культурного трансфера. Особое внимание уделяется информационному потенциалу документов, представленных в фондах Российского государственного архива литературы и искусства.

Ключевые слова: Пермская (Молотовская) художественная галерея, Н.Н. Серебренников, эвакуация, Великая Отечественная война, Российский государственный архив литературы и искусства

**ART GALLERY OF MOLOTOV (PERM)
REGION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR:
HISTORIOGRAPHY SITUATION
AND NEW ARCHIVAL DOCUMENTS**

Galina Aleksandrovna Yankovskaya

Associate Professor, Doctor of Historical Sciences,

Head of the Department of Interdisciplinary

Historical Research,

Perm State National Research University

yank64@yandex.ru

Abstract: The article provides an analysed description of the modern historiographic situation on «The Molotov (today Perm) region art gallery during the Great Patriotic War» complex topic. Publications from the 1980s to 2020s are considered, which analyze the issues of art and museum evacuation, the functioning of the Molotov Gallery, and the wartime cultural transfer consequences. Particular attention is paid to the potential of documents presented in the funds of the Russian State Archive of Literature and Art.

Keywords: Perm (Molotov) Art Gallery, N.N. Serebrennikov, evacuation, Great Patriotic War, Russian State Archive of Literature and Art

Музеи, художники, выставки и другие компоненты художественной жизни составляют неотъемлемую часть того тотального военного противостояния, каким была Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945 гг. с нацистской Германией. Непосредственное участие в боевых действиях тех, кто считал занятие искусством своим профессиональным делом, – важная, но далеко не единственная

сторона этой истории. Спасение художественных ценностей, масштабная эвакуация музеев, галерей, художников, художественных производств (наряду с эвакуацией архивов, библиотек, театров, научных учреждений) вглубь страны, изменили в конечном итоге ее культурную географию.

Феномен культурного шлейфа эвакуации стал объектом полномасштабной и комплексной академической рефлексии, пожалуй, только с началом 1990-х годов (хотя в советской историографии проблематике «война и культура» отдавалось должное). И все же начавшаяся в постсоветский период политика открытости российских архивов, рассекречивание дел и фондов, снятие цензурных барьеров, публикации воспоминаний, активное развитие устно-исторических проектов принципиально изменили историографическую ситуацию, создали предпосылки для возвращения к этой теме, позволили увидеть новые грани военного лихолетья.

История эвакуации по определению предполагает проведение исследований как из общенациональной, так и региональной / локальной перспективы. Во всех территориях, связанных с эвакуацией времен Великой Отечественной войны, сформировались комплексы научных, публицистических, информационных публикаций и баз данных, тематически связанных с эвакуацией. В предлагаемой статье внимание обращено к одному частному, но значимому сюжету – истории Молотовской (в настоящий момент Пермской) художественной галереи в 1941–1943 гг. в современной историографии и в контексте документов из Российского государственного архива литературы и искусства (далее – РГАЛИ).

Молотовская область, как и Урал в целом, стала «шлюзом» эвакуации и центром культурных трансферов. Од-

ними из первых комплексный подход к этой теме и основательную архивную базу продемонстрировали публикации середины 1990-х гг., подготовленные пермским историком В.Н. Унгвицким [1] и его коллегой из Екатеринбурга А.В. Сперанским [2]. За прошедшие десятилетия к обрисованной ими панораме событий и процессов о художественной эвакуации были добавлены многие детали, а сюжеты из молотовской истории сегодня видятся в контексте общесоюзных процессов.

В первую очередь усилия историков были направлены на уточнение деталей, фактических данных о масштабе, ходе, характере, локациях эвакуационной миграции учреждений культуры и деятелей искусств. Заслуживает внимания в этом отношении диссертационные исследования Е.В. Ворожейкиной [3] и В.В. Гейль [4], построенные вокруг истории эвакуации художественной интеллигенции.

Принципиальной содержательной инновацией публикаций 1990-х–2000-х годов стало обращение к вопросам эвакуационной повседневности, социальной истории эвакуации как напряженной и нередко конфликтной коммуникации местного населения и эвакуированных. Эти аспекты на общероссийском и южноуральском материале рассматривались М.Н. Потемкиной [6, 7, 8]. Г.А. Янковская, на основании документов из центральных и местных архивов, также привлекала внимание к трудной теме поиска взаимопонимания в ходе вынужденной эвакуационной миграции представителей творческих профессий и принимающих территорий [9]. Ю.В. Леонычева акцентировала внимание по повседневности эвакуированных деятелей искусств [10].

Общесоюзную ретроспективу эвакуации музейных коллекций и коллективов разрабатывала Ю.З. Кантор. Выводы этой исследовательницы (во многом первооткрывателя темы

функционирования музеев в годы Великой Отечественной войны) представляются обоснованными: «Относительно благополучный вывоз ценностей был достигнут сверхтяжелым, запредельным напряжением – физическим и моральным – музейных работников и добросовестных сотрудников госаппарата, просто равнодушных людей, добровольно приходивших помогать паковать, переносить, наконец, укрывать национальное наследие. Но эти усилия порой оказывались бесполезными из-за бюрократических проволочек, рассогласованности действий различных государственных структур, из-за отсутствия обратной связи между центром и регионами, наконец, из-за управленческого коллапса первых месяцев войны» [11, с. 28]. Детали трансфера музеев были опубликованы ею в монографии с характерным названием «Невидимый фронт» о судьбах советских музеев в военный период [12].

Еще одно важное обобщение было сформулировано пермским историком М.Г. Нечаевым о том, что трансформация провинциального города в региональный культурный центр произошла в годы войны не благодаря, а вопреки: «Молотов (Пермь) первоначально не был местом, куда должны были быть направлены архивы, музеи, многие научные и учебные заведения. В основном этот уральский город являлся одним из основных центров эвакуации военно-промышленного комплекса» [13, с. 32].

Тем не менее Молотов и Молотовская область стали пристанищем для десятков учреждений культуры и сотен представителей творческих профессий. Культурная память об этом представлена в серии резонансных, основанных на солидной историографической базе, проектах. Их упоминание представляется уместным, поскольку в работе над этими публично историческими проектами были собраны и предъ-

явлены широкой аудитории устно-исторические и документальные свидетельства. Эти проекты можно рассматривать и как мультимедийный источник. Театральной эвакуации посвящен документальный фильм-расследование Б.Я. Караджева «Эвакуационный роман» (2011) о пребывании на Урале театра им. Кирова (Мариинского театра) [14]. В 2013 г. на экраны вышел еще один фильм-расследование «Бурлаки на Каме», представивший не только визуальный нарратив об эвакуации в Молотов фондов и сотрудников Русского и других музеев, но и визуальную реконструкцию событий тех лет на основе сухих архивных документов и эмоциональных воспоминаний очевидцев [15]. Документально-игровой фильм по сценарию популярного историка Светланы Федотовой привлекал внимание и к самому факту пребывания в далекой советской провинции шедевров национального искусства, и к профессиональному самоотверженному труду сотрудников музеев, и к истории художественной жизни военных лет.

В целом на сегодняшний день эти смежные сюжеты достаточно подробно разработаны. Еще в начале 1980-х гг. были опубликованы воспоминания исполняющего обязанности директора Русского музея, директора филиала музея в Молотове П.К. Балтуна [16]. Позднее появились исследования о роли директора Молотовской художественной галереи Н.Н. Серебренникова в том, как именно сложилась история художественной эвакуации в Прикамье [17].

В последующие десятилетия выходят публикации сотрудников эвакуированных в Молотов музеев, взявших на себя миссию сохранения памяти. Кто-то из них сам был в эвакуации, другие транслируют свой взгляд на художественные процессы того времени, исходя из сегодняшнего дня (см. публикации Г.А. Поликарповой, М.М. Колпакчи, Н.Г. Клименской и др. [18], [19], [20]).

Традиционно пик публикаций по теме приходится на круглые и полубюбилейные даты Великой Отечественной войны, когда проводятся научные конференции, выставки, публикуются каталоги (см., например [21]), посвященные этому событию. На таких форумах значительное внимание уделяется публикации новых источников, наращиванию фактографии.

Всплеск интереса к локальной истории, краеведению, столь характерный для 1990–2000-х годов оказался весьма плодотворным для темы «художественная жизнь и эвакуация». В первую очередь отметим подвижническую деятельность В.В. Семянникова, одного из самых ярких представителей низовых историко-культурных инициатив в Прикамье тех лет. Инженер-железнодорожник, увлекшийся краеведением в начале 1980-х, первым опубликовал список (пусть и неполный) художников с адресами их проживания в годы Великой Отечественной войны [22], составил хронику художественной жизни по материалам прессы [23], находил и выстраивал контакты с родственниками и знакомыми художников, бывавших в Перми, что нашло отражение в десятках других его публицистических публикаций в местной печати.

Для подобных хроник основным материалом становились материалы газет военного времени и делопроизводственные документы из фондов краевых архивов – Государственного архива Пермского края и Пермского государственного архива социально-политической истории. Важной новацией последних десятилетий стало привлечение материалов ведомственных архивов музеев и галерей, которые ранее не так масштабно были задействованы в исследованиях эвакуации и не всегда доступны исследователям.

Продуктивными результатами привлечения материалов ведомственных архивов стали публикации ведущего научного сотрудника Пермской художественной галереи

Н.В. Казариновой, поднимавшей вопросы общего характера функционирования галереи в годы войны, а также знакомящей с анализом переписки находящихся в Молотове художников с директором галереи Н.Н. Серебрянниковым ([24], [25] [26], [27]). Искусствовед Пермской художественной галереи, специалист по истории советского искусства Т.Д. Шматенок предлагает свой взгляд на события и дополняет сюжеты, связанные с хроникой художественной жизни Молотовской области ([28], [29]). Пермский историк Е.В. Комарова также демонстрирует информационный потенциал ведомственных и краевых архивов в раскрытии роли молотовской художественной галереи в социокультурной истории города в годы войны [30].

Как видно по этому далеко не полному обзору историографической ситуации, многое сказано, выявлено, систематизировано. Но многие нюансы остаются еще не вполне ясными: персональная история эвакуации, провинциальная художественная жизнь глазами приехавших специалистов и т.д.

Представляется, что крайне важно продолжать поиск документальных свидетельств не только в местных и региональных архивах (и эта работа активно ведется), но и обратиться к фондам ведущего федерального архива по литературе и искусству – РГАЛИ. Без документов этого архива невозможно представить всестороннюю историю художественной эвакуации. Огромный пласт делопроизводственной, документально-статистической, нормативной, эго-исторической информации уже вовлечен в интерпретацию событий прошлого. Однако фактически еще не попали в сферу внимания исследователей эвакуации художников и художественных организаций в Молотовскую область материалы Военской комиссии Оргкомитета Союза Художников СССР, представленные в фонде № 3189 этого архива [31].

Немногочисленные, порой разрозненные документы этого фонда позволяют, например, восстанавливать по дням запутанную картину с историей персональной эвакуации художников и отделений Союза советских художников СССР. Так, в документах содержатся сведения о прибывших в Молотовскую область членах Союза художников и членах их семей в динамике по дням и неделям с указанием аффилиации в Союзе художников, профсоюзе работников искусств (РАБИС) или других структурах, связанных с культурой и искусством [31, оп. 1. Д. 2815].

Наиболее насыщенным по материалам, связанным с Молотовской галереей является Фонд № 2075 РГАЛИ. В нем аккумулированы документы Управления по делам искусств РСФСР, созданного в 1939 г. Здесь хранятся планы, отчеты, другие материалы по работе Молотовской художественной галереи, содержащие сведения о штатном расписании, окладах, материалах проверок и обследований вышестоящими инстанциями и много другое.

Среди сухих отчетных документов центральное место занимает дело № 135, в котором объединены отчеты галереи за военный период. Особое впечатление производит единственный рукописный отчет директора галереи Н.Н. Серебренникова, направленный начальнику отдела учреждений изобразительного искусства управления по делам искусств при СНК РСФСР Э.А. Гутнову 11 июля 1942 г. Документ включает и отчет о работе за самый трудный первый год войны, и новое штатное расписание, и информацию о непрекращающейся профессиональной деятельности – проведении трех выставок, подготовке новых, издании одного каталога, проведении реставрационных работ, комплектовании, работе библиотеки, о проведении мероприятий, связанных с прибытием сотрудников и кол-

лекции ГРМ. Н.Н. Серебренников сообщает о ежедневных дежурствах, и о том, что «значительные силы галереи во внерабочее время использованы для работы на подсобном хозяйстве галереи и союза художников, которое должно обеспечить потребности как местных работников галереи, так и эвакуированных музейных работников и художников» [31, Ф. 2075. Оп. 7. Д. 135. Л. 2-2об].

Существенно сокращаются штаты галереи. Теперь официальными сотрудниками значатся директор Н.Н. Серебренников (оклад 1000 руб.), бухгалтер Ю.Р. Куликова (оклад 400 руб.), старший научный сотрудник Н.В. Артемова (оклад 600 руб.) и младший научный сотрудник Л.Д. Холкина (оклад 450 руб.), инвентаризатор и по совместительству библиотекарь А. Пастухова (оклад 300 руб.), комендант-кладовщик Е.И. Косых (оклад 235 руб.), три дежурных в залах с окладом в 115 руб. две уборщицы (оклад 125 руб.) по два ночных сторожа и истопника в месяц с окладом в 130 руб. [31, Ф. 2075. Оп. 7. Д. 135. Л. 2-2об].

Представленные бухгалтерские данные при сравнении с материалами предвоенного года позволяют увидеть, насколько пришлось сократиться Молотовской художественной галерее с началом войны. В 1940 г. помимо директора в штате сотрудников были представлены заместитель директора, научный сотрудник, методист – организатор по иконе, ученый секретарь, три экскурсовода-научных сотрудника, сотрудник по работе со школьниками и хозяйственные должности. Этот не самый большой коллектив планировал провести помимо 6 стационарных и 8 передвижных выставок, 700 групповых и 70 индивидуальных экскурсий, принять в галерее 70 тыс. посетителей, а вне галереи – 65 000 чел., распространить 20 000 абонементов на посещение галереи подготовить 75 статей и радиосообщений о галерее, выпу-

стить 1 тыс. афиш и 10 000 листовок о галерее, подготовить 4 каталога выставок и один каталог коллекции, а также провести громкие читки 30 статей по искусству в библиотеке галереи (была и такая форма работы) [31, Ф.2075 оп. 7. Д. 63 л. 6].

Отчет 1940 г. характеризует деятельность сотрудников галереи скорее как коллективного организатора просветительской и агитационной работы, чем научно-исследовательский и научно-просветительский центр. Здесь уместно привести еще один документ, демонстрирующий экспертный взгляд со стороны на состояние, в котором пребывала Молотовская галерея к 1942 г. Речь идет о выводах комиссии по обследованию Молотовской художественной галереи, в которую входили директор филиала Государственного Русского музея П.К. Балтун, старший научный сотрудник филиала ГРМ Б.Н. Эмме, изоинспектор молотовского отдела по делам искусств А.Б. Иогансон (сын статусного советского художника, на тот момент студент, также находился в эвакуации в Молотове и был трудоустроен на управленческую должность в горисполком). Анализировались следующие аспекты деятельности галереи: политико-просветительская и выставочная, экспозиционная и реставрационная, научная, хранение и инвентаризация. Отмечая высокий уровень коллекции, в отличие от других периферийных музеев, авторы обследования подчеркивали, что собственно научная работа «в ее непосредственном понимании и значении в Молотовской картинной галерее отсутствует», научные сотрудники не имеют своих тем и в целом сотрудники слабо подготовлены к этой работе. С другой стороны акцентировалось внимание на том, что у директора Н.Н. Серебренникова колоссальная занятость и перегруженность хозяйственными работами мелочного характера, что сокращает

его возможности заниматься своими непосредственными обязательствами по творческой и научной деятельности. Участники комиссии делают парадоксальный вывод: «Молотовская художественная галерея находится сейчас в более благоприятных условиях, чем это было в довоенное время, в смысле большей возможности консультаций по вопросам музейной методологии, путем привлечения специалистов со стороны Государственного Эрмитажа и Русского музея. Пользуясь тем, что в настоящее время Галерея закрыта для посетителей, необходимо ориентировать работу на будущее развертывание экспозиции, на разработку планов ее, подкрепленных теоретическими обоснованиями, определяющими как общую тематику экспозиции, так и частные места отдельных произведений в ней, утверждающих концепционные (так в тексте – Г.Я) принципы, положенные в основу экспозиции» [31, Ф. 2075 оп. 7. Д. 63. Л. 7–10].

Помимо того факта, что весь документ ориентирован на будущее, на развитие галереи после окончания войны, фактически материалы комиссии формулируют программу повышения квалификации сотрудников. Отчет о работе галереи в 1943 г. позволяет утверждать, что процесс профессионального роста уже начался. У этого отчета другой стиль и видение директором своего музея. Это документ уже не столь экстремального времени, каким был период 1941–1942 гг. Достаточно упомянуть следующий пункт отчетного документа. Молотовский горисполком специальным ассигнованием выделил 100 000 руб. на приобретение работ в коллекцию художественной галереи. В итоге ее фонды пополнились работами Кончаловского, Соколова-Скала, Кукрыниксов, Ефанова, Бялыницкого-Бирули, Бакшеева, Грабаря, Кардовского, Машкова, Фаворского и других мастеров изобразительного искусства [31, Ф. 2075 оп. 7. Д. 63. Л. 23].

В данной статье приводится лишь малая часть тех фондов РГАЛИ, которые могут быть привлечены к всестороннему комплексному компаративному анализу функционирования Молотовской художественной галереи в годы Великой Отечественной войны. Источниковая база такого исследования может быть существенно расширена за счет фондов Всероссийского кооператива художников и скульпторов (Всекохудожник), Оргкомитета Союза художников СССР, Управления культурно-зрелищных мероприятий, Главреперткома и других общесоюзных институций. Обращение к ним позволит внести коррективы и в общую историографическую ситуацию по осмыслению хода и последствий масштабной вынужденной миграции мира искусств – эвакуации ценностей и сотрудников художественных музеев и организаций вглубь страны в целом и на Западный Урал, в частности.

Библиографический список

1. Унгвицкий, В. Н. Культурная жизнь на Урале в годы Великой Отечественной войны (1941-1945) : учебное пособие по спецкурсу. – Пермь, 1994. – 128 с.
2. Сперанский А. В. В горниле испытаний : Культура Урала в годы Великой Отечеств. войны (1941-1945) . - Екатеринбург : Изд-во УрО РАН, 1996. – 347 с.
3. Ворожейкина Е. В. Российская художественная интеллигенция в эвакуации в годы Великой Отечественной войны (1941–1943 гг.): автореферат дис... канд. ист. наук. – Кострома, 2004.
4. Гейль В. В. Деятельность эвакуированной творческой интеллигенции на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны автореферат диссертации. Челябинск 2010. 30 с.

6. Потемкина М.Н. Эвакуация в годы Великой Отечественной войны: люди и судьбы. – Магнитогорск, 2002;
7. Потемкина М. Н. Эваконаселение в уральском тылу (1941–1945 гг.). – Магнитогорск, 2006.
8. Потемкина М. Н. КОНФЛИКТНЫЕ ЗОНЫ ЭВАКУАЦИИ В СССР И СПОСОБЫ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ (1941–1945 гг.) // Проблемы истории, филологии, культуры. - 2016. – № 3. – С. 219–226.
9. Янковская Г.А. Диалог поневоле. столичная эвакуация в прикамье в годы войны // Родина. – 2004. – № 6. – С. 20–23.
10. Леонычева Ю. В. Социально-бытовые условия жизни художников, эвакуированных на Урал в годы Великой Отечественной войны (на материале Челябинской области) // Культура Урала в XVI–XXI вв.: исторический опыт и современность. Книга первая: материалы докладов и сообщений Всероссийской научной конференции, посвященной 75-летию профессора В. Г. Чуфарова, Екатеринбург, 22 февраля 2008 г. — Екатеринбург : Банк культурной информации, 2008. — С. 221–227.
11. Кантор Ю. З. Эвакуация ленинградских музейных экспонатов летом 1941 г. // Гасырлар авазы – Эхо веков, 2021. - № 2. - С. 20–30.
12. Кантор Ю. З. Невидимый фронт. Музеи России в 1941–1945 гг. – Москва : РОССПЭН, 2017. – 324 с.,
13. Нечаев М. Г. Эвакуация научных, учебных и культурных учреждений в город Молотов (Пермь) во время Великой Отечественной войны // Гуманитарные исследования. История и филология. – 2022. – № 5. – С. 16–40.
14. Эвакуационный роман: документальный фильм. 2011. / автор сценария и режиссер Б.Я. Караджев. – Пермь: Новый курс. 52. мин. // URL: <https://yandex.ru/video/>

- preview/1804861451275463816 (дата обращения 12. 02. 2025).
15. Бурлаки на Каме : документальный фильм. / автор сценария С. Ивашкевич (Федотова)] ; реж. С. Лепихин. – Пермь : Новый курс, 2013. – 40 мин.// URL: <https://yandex.ru/video/preview/13026266782841769347> (дата обращения 12. 02. 2025).
 16. Балтун П.К. Русский музей - эвакуация, блокада, восстановление : (из воспоминаний музейн. работника).- Москва : Изобразит. искусство, 1981. - 129 с.
 17. Будрина А. Г., Поликарпова Г. А. Дело всей жизни: Искусствовед Н. Н. Серебренников // Подвижники культуры Серебренниковы. – Пермь: Кн. изд-во, 1991. – С. 166–244
 18. Поликарпова Г. А. Филиал Государственного Русского музея в Перми (Молотове). 1941–1945 г. // Страницы истории отечественного искусства XVI–XX века. СПб., 2007. С. 291–302.
 19. Музейная жизнь военного времени в воспоминаниях сотрудниц Третьяковской галереи // URL: <https://www.tg-m.ru/articles/1-2020-66/muzeinaya-zhizn-voennogo-vremeni-v-vozpominaniyakh-sotrudnits-tretyakovskoi-galer> (дата обращения 12. 02. 2025).
 20. Клименская О. Г. Несколько эпизодов из истории культурной жизни Перми в годы Великой Отечественной войны // Вестник Пермского университета. История. – 2010. - № 1 (13). - С. 48–51.
 21. Спасибо, Пермь: 1941–1944. Спасенное наследие : [каталог выставки: Пермская художественная галерея] / Министерство культуры Пермского края [и др.]. – Пермь, 2020. – 167 с.:
 22. Семянников В. В. Художники и Великая Отечественная война // Пермский край в контексте истории Рос-

- сии : материалы тринадцатой научно-практической конференции, посвященной 400-летию дома Романовых, 290-летию Перми и 150-летию начала издания Адрес-календарей Пермской губернии. – Пермь, 2013. – С. 65–70.
23. Семянников В. В. Художественная летопись Перми в годы войны // Пермь: история города как пространство диалога: открытый исторический форум : сборник статей научно-практической конференции «Город Пермь: тенденции и динамика исторического развития». – Пермь, 2015. – С. 118–127.
24. Казаринова Н. В. В годы войны: Пермская галерея – хранилище национального художественного наследия // И помнит мир спасенный...: матер. науч.-практ. конф. 27 апр. 2005 г.). 60-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне посвящается. – Пермь; 2005. – С. 157–162.
25. Казаринова Н. В. В годы войны. Деловая и частная переписка художников с Н.Н. Серебренниковым К / Музей и война: судьба людей, коллекций, зданий. Сборник докладов всероссийской научно-практической конференции, приуроченной к 80-летию Екатеринбургского музея изобразительных искусств и 75-летию эвакуации коллекций Государственного Эрмитажа на Урал. 4—6 апреля 2016 г. – Екатеринбург, 2016. – 308 с. = с. 100-102. Материалы переписки с художниками
26. Казаринова Н. В. Пермская галерея в годы Второй мировой войны – хранилище национального художественного наследия // Художественная культура Пермского края 16 – начала 21-го веков. – Пермь, 2019. – С. 137-142. – (Пермская художественная галерея и ее коллекции).
27. Казаринова Н.В. Пермская галерея в годы Великой Отечественной войны / Сайт Пермской государственной

- художественной галереи. URL: <https://permartmuseum.ru/article/9> (дата обращения 17.01.2025).
28. Шматенок Т. Д. Молотовская областная художественная галерея в годы войны. Малоизвестные страницы истории. Музей и война: судьба людей, коллекций, зданий. Сборник докладов всероссийской научно-практической конференции, приуроченной к 80-летию Екатеринбургского музея изобразительных искусств и 75-летию эвакуации коллекций Государственного Эрмитажа на Урал. 4—6 апреля 2016 г. – Екатеринбург, 2016. – С. 159–262 – поименные списки сотрудников эвакуированных музеев, полностью на материалах ведомственного архива пгхг
29. Шматенок Т. Д. Архивные документы о пребывании Третьяковской галереи и Русского музея в эвакуации и сотрудничестве с Молотовской художественной галереей (1941–1944 гг.) // Отечественные архивы. – 2020. – № 3. – С. 64–73.
30. Комарова Е. В. Художники г. Молотова 1941-1945 гг. // Уральская кузница Победы: город Молотов и его жители в годы Великой Отечественной войны: материалы научно-практической конференции. – Пермь, 2020. – С. 226-238.
31. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 3189

**РОЛЬ ЭВАКУИРОВАННЫХ ЛЕНИНГРАДЦЕВ
В РАЗВИТИИ КУЛЬТУРЫ
ГОРОДА МОЛОТОВА (ПЕРМИ)
В 1941–1945 ГГ.**

*Козлова Вероника Юрьевна
Кандидат исторических наук
Заместитель директора
Культурно-просветительского
центра г. Перми
kozlova@historypark.ru*

Аннотация: В статье сделана попытка комплексно показать влияние эвакуированных в Молотов (Пермь) ленинградских музыкантов, артистов, композитов, художников, музейных сотрудников на все сферы культурной жизни города. Автор опирается на материалы архивов, музеев, публикации в газете «Звезда». Качественные изменения, которые произошли с учреждениями культуры города после сотрудничества с ленинградскими коллегами, получили высокую оценку руководства страны, что выразилось в повышении статуса учреждений и присвоении им заслуженных наград.

Ключевые слова: учреждения культуры, эвакуация, сотрудничество, Ленинград, Молотов (Пермь).

THE ROLE OF EVACUATED LENINGRADERS IN THE DEVELOPMENT OF THE CULT OF THE CITY OF MOLOTOV (PERM) IN 1941-1945.

Kozlova Veronika Yurievna

*Candidate of Historical Sciences Associate
Director Cultural and educational center of Perm
kozlova@historypark.ru*

Abstract: The article attempts to comprehensively show the influence of Leningrad musicians, artists, composites, artists, and museum staff evacuated to Molotov (Perm) on all spheres of the city's cultural life. The author relies on materials from archives, museums, and publications in the newspaper *Zvezda*. The qualitative changes that took place with the cultural institutions of the city after cooperation with Leningrad colleagues were highly appreciated by the country's leadership, which resulted in an increase in the status of institutions and the awarding of well-deserved awards.

Keywords: cultural institutions, evacuation, cooperation, Leningrad, Molotov (Perm)

Пермяки привыкли гордиться тем, что в нашем городе в годы Великой Отечественной войны в эвакуации находились один из лучших театров страны, два крупнейших музея, многие выдающиеся деятели культуры, но возможно, мы ещё не можем до конца понять и оценить то положительное влияние, которое все они оказали на культуру нашего города, какой глубокий и прочный фундамент заложили для становления города как культурного центра, а его жителей как ценителей произведений искусства и культуры. Безусловно необходимо помнить, что эти люди бросали

свои культурные семена в очень плодородную почву. Эта почва была подготовлена как минимум предыдущим столетием развития культуры в городе Перми. Поэтому наследие, оставленное ленинградскими деятелями культуры в Молотове (Перми) не просто было сохранено, но и преумножено, и ощущается в нашем городе до сих пор.

Самым ярким и наглядным примером влияния на культурную жизнь города является Ленинградский Государственный ордена Ленина академический театр оперы и балета имени С.М. Кирова, который провел в эвакуации в Молотове три военных сезона – с 1941 по 1944 г. «Коллектив Кировского театра был вознаграждён за все трудности тем интересом и даже обожанием, с которым встречали жители Перми каждый спектакль и его участников. Зрительный зал был переполнен, и каждый вечер у дверей театра можно было видеть большую группу людей с разочарованными лицами, которым не удалось достать билеты» [13]. Большими событиями для жителей Молотова были не только премьеры балета «Гаяне» и оперы «Емельян Пугачёв», но и первое на Урале исполнение 7-й симфонии Шостаковича [4, Ф.1. Оп.22. Д.441. Л.113].

Помимо того, что горожане в течение трёх лет могли ежедневно видеть лучших артистов страны на сцене своего театра, артисты театра много выступали с выездными концертами. Например, в Клубе им. Свердлова 10 мая 1942 г. состоялся Большой концерт артистов Ленинградского Государственного театра Оперы и Балета им. С.М. Кирова [8]. Всего в Молотове было создано 14 новых концертных программ, состоялось более 1000 представлений и около 3500 военно-шефских концертов – в воинских частях, госпиталях, на фабриках, заводах, в школах, вузах. Важно, что военно-шефские концерты часто проходили совместно с местными теа-

трами, чаще всего с Драматическим [4, Ф.105. Оп.8. Д.326. Л.90]. Опыт совместного выступления с артистами ведущего театра страны, безусловно, стал точкой роста для молодых актёров.

29 августа 1941 г. вместе с театром им. Кирова в Молотов приехали учащиеся Ленинградского государственного ордена Трудового Красного знамени хореографического училища. 28 июня и 3 июля 1942 г. состоялись первые отчётные спектакли учащихся хореографического училища [5, НВ-1806/3-21].

7 февраля 1943 г. начались занятия в Молотовском отделении Ленинградского училища, в которое было принято 32 учащихся из города Молотова. 26 мая 1944 г. Исполкомом Молотовского областного совета депутатов трудящихся было принято решение об организации в городе Молотове филиала Ленинградского хореографического училища [1, Ф. Р-564. Оп. 2. Д. 211. Л.198], а 23 июня 1944 г. был подписан приказ «О создании хореографической студии при Молотовском театре оперы и балета», поскольку стало известно о эвакуации ленинградского училища. В августе был произведён досрочный выпуск учащихся, закончивших 9-е классы. 7 выпускников были направлены на работу в Молотовский театр оперы и балета [1, Ф. р -1022. Оп. 1. Д. 2.Л. 20].

Для набора в хореографическую студию при Молотовском театре была создана Отборочная комиссия, через которую прошли 155 детей. В итоге было принято 17 мальчиков и 48 девочек [9]. Первым этапом становления балетной труппы в городе стала постановка балета «Конёк-Горбунок». Вот имена первых пермских балерин и танцовщиков, занятых в этом балете: А. Любченко, Б. Обухов, М. Шовин, А. Туров, Т. Гласс, Н. Чайванова, Д. Тайхер и С. Рудина. Скорее всего, большинство из них те самые выпускники Ленинградского

хореографического училища, которых распределили в Молотов. Большой вклад в постановку балета внесла Е.Н. Гейденрейх, педагог-руководитель хореографического училища. Учащиеся молотовского училища исполняли номера в финальном дивертисменте – танцах разных народов [4]. Распоряжением Совета Народных комиссаров СССР от 2 апреля 1945 года с 1 сентября студия была реорганизована в республиканское Молотовское хореографическое училище [16]. В России это было третье после Ленинграда и Москвы профессиональное училище по подготовке артистов балета. В 1950 г. состоялся первый выпуск пермских артистов балета.

4 ноября 1944 г. Молотовский театр оперы и балета торжественно открыл новый сезон на родной сцене оперой «Князь Игорь». Затем в афишах появились «Аида», «Пиковая дама», «Кармен», «Иван Сусанин». Очень важно было держать высокую планку исполнения, заданную ленинградскими артистами. В течение первого сезона было показано 262 спектакля, которые посмотрели 170 тысяч зрителей [2, 14. VIII. 1945]. Директором и художественным руководителем стал С.Г. Ходес. Своим успехом театр во многом обязан, режиссёру-постановщику заслуженному артисту республики В.А. Лосскому и оставшимся в городе артистам Ленинградского театра. В 1944 г. на временную работу в Молотовский театр на основании заявки дирекции театра и согласия работников были переведены 4 человека – солисты оперы А.А. Лозовская, А.С. Базарова и концертмейстеры оркестра В.В. Васьков, Г.А. Митрополов. Позднее им продлили срок пребывания до 15 июля 1946 г., а 7 октября 1946 г. они были исключены из труппы ленинградского театра в связи с отсутствием вакантных мест и переведены на постоянную работу в молотовский театр [1, Ф. р -1022. Оп. 1. Д. 2. ЛЛ. 7, 39].

Опыт взаимодействия с ленинградцами и наследие театра им. Кирова способствовали творческому росту молотовского коллектива. Приказом комитета по делам искусств при СНК СССР Молотовский театр оперы и балета был отнесён к первой тарифной группе [1, Ф. р -1022. Оп. 1. Д. 2. Л. 10], а постановлением Совнаркома СССР от 4 августа 1945 г. передан с 1 января 1946 г. в республиканское подчинение [11]. Кроме того, в 1945 г. силами артистов Театра оперы и балета, был сформирован симфонический оркестр, и Молотовская филармония приступила к проведению симфонических концертов в выходные дни театра – понедельники. Концерты проходили на сцене Театра оперы и балета, Дома культуры им. И. Сталина, летнего закрытого театра в Саду им. М. Горького, Дома культуры им. В. Ленина и других площадках, продолжая традиции, заложенные в военные годы.

Вместе с театром им. Кирова и самостоятельно были эвакуированы несколько композиторов. До этого в Молотове не было организации композиторов, если они и были, то числились в составе объединённой Уральской организации Союза композиторов, созданной в 1939 г. в Свердловске. Эвакуация в Молотов ряда, ленинградских композиторов вызвала необходимость создания Оргкомитета Молотовского отделения союза советских композиторов СССР. В апреле 1942 г. было выбрано бюро в составе композиторов Г. Фарди, А. Ашкенази и Л. Ходжа-Эйнатова и намечен план творческой работы. В Молотовское отделение вошли А. Хачатурян, М. Коваль, Д. Прицкер [5]. Д. Прицкер в феврале 1942 г. был эвакуирован в Молотов, где работал в дирекции Кировского театра. Г. Фарди также был эвакуирован вместе с театром. Он написал в Молотове 1 увертюру, 22 песни, 4 танца, 3 инструментальных произведения, новую редакцию оперы «Щорс», 3 балета [14].

Композиторы писали музыкальные произведения различных форм и жанров: оперы, симфонии, камерные произведения и массовые песни. Все торжественные концерты и выступления ленинградских и молотовских артистов начинались с песен, написанных композиторами, проживавшими в Молотове и даже здесь написанными, таких как: М. Коваль «Допрос Маруси партизанки», «Кама», Д. Прицкер «Проводы», «Наш марш», «Песня о баяне», «Уральская походная» про УДТК, Г. Фарди «Песня старого шахтёра», «Уральская слава», А. Хачатурян «Уралочка», «Уральцы бьются здорово», не говоря о всем известном «Танце с саблями» [5, ВХ- 756 – 1, НВ – 1806 – 3-2]. Позднее эти песни широко исполнялись.

Одной из задач Молотовского отделения союза советских композиторов являлась творческая связь с начинающими композиторами из числа красноармейской и рабочей самодеятельности. Д. Прицкер на слова Е. Трутневой написал песню «Песню весенней победы» для Молотовского областного ансамбля песни и пляски трудовых резервов. Эта песня вышла отдельным изданием и рекомендовалась для кружков художественной самодеятельности. Его же песня «Мы племя молодое» на слова Е. Полонской стала гимном трудовых резервов. Г. Фарди написал для ансамбля песни «Про уральцев говорится», «Песня юных уральцев», «Боевая уральская», которые исполнялись и после войны [14].

После реэвакуации ленинградских композиторов, скорее всего, отделение союза композиторов было закрыто. В Перми действовали только небольшие композиторские группы. В 1966 г. Правлением Союза композиторов СССР было принято решение о создании Уральского отделения Союза композиторов РСФСР, куда вошла и пермская организация, которая стала самостоятельной только в 1993 г.

Первый военный сезон Молотовского областного драматического театра открылся 6 ноября 1941 г. спектаклем «Кремлевские куранты» по пьесе Погодина. Театр возглавил заслуженный деятель искусств РСФСР И. С. Ефремов. В репертуаре были пьесы, связанные с военной темой: «Дом на холме» В.А. Каверина, «Лодочница» Н.Ф. Погодина, «Парень из нашего города», «Русские люди» К.М. Симонова, «Нашествие» Л.М. Леонова, «Фронт» А.Е. Корнейчука. С 28 января 1943 г. заведующим литературной частью театра стал М.Э. Казаков [1, Ф. р -1022. Оп. 1. Д. 2.Л. 49]. В Молотове впервые были поставлены его пьесы «Россия, помоги нам!» и «Яблоня и топор». Премьера последней состоялась 28 декабря 1943 г. и привлекла большое внимание горожан и прессы. Все признавали, что театр с честью справился со своей нелегкой задачей [17].

Ленинградский режиссер заслуженный артист РСФСР А.Б. Винер способствовал повышению качества спектаклей. По итогам Всесоюзного смотра спектаклей по произведениям отечественных классиков был отмечен спектакль «Горе от ума» в его постановке с Ю.В. Городецким. Он также был постановщиком спектаклей в Молотовском театре музыкальной комедии. Известные художники Б. Иогансон и Н. Альтман участвовали в художественном оформлении спектаклей обоих театров.

В годы войны в театре работало несколько актеров, эвакуированных из Москвы и Ленинграда. Ведущие молотовские актеры: И.С. Ефремов, А.Г. Шеён, А.А. Колобаев – получили звания Заслуженных артистов республики [4, Ф.105. Оп.8. Д.53. Л.06].

В 1943 г. при драматическом театре была создана Молотовская Областная театральная студия с трехгодичным обучением. Фактически, это было первое высшее учебное за-

ведение в городе, где готовили актёров. Преподавательский состав, в основном, состоял из числа эвакуированных специалистов. Лекции по истории театра читали выдающиеся ленинградские театроведы. С.С. Мокульский (литературовед, театровед и театральный критик) до эвакуации читал курсы зарубежной литературы в Ленинградском университете и в Педагогическом институте им. Герцена, а также курсы истории зарубежного театра на Высших курсах искусствознания при Институте истории искусств и в Театральном институте, где при его непосредственном участии в 1939 был организован Театроведческий факультет. А.К. Дживелегов – выдающийся историк культуры, искусствовед, театровед, педагог. С.С. Данилов с 1940 г. преподавал в Ленинградском театральном институте имени А.Н. Островского. В 1944 г. в Молотове был опубликован его обзорный труд «История русского драматического театра», который использовался для подготовки студийцев. Сценическую речь преподавала (не менее, чем до 1947 г.) Н.М. Микеладзе – преподаватель Ленинградский государственный институт театра, музыки и кинематографии. Танец вела Е.Н. Гейденрейх.

Среди выпускников студии были известный диктор центрального телевидения А. Шилова и искусствовед, декан театроведческого факультета ГИТИСа А. Лейн. Начинал здесь учиться и известнейший актер И. Дмитриев, который оказался в Молотове в эвакуации вместе с матерью Е. Таубер, педагогом Ленинградского хореографического училища. Долгие годы проработали в театре драмы выпускники студии: Ю.Н. Гладков, Т.Д. Шилова, заслуженный артист РСФСР А.И. Корчажников. В 1947 и в 1951 гг., постановки Молотовского областного драматического театра отмечались Государственными премиями. В 1947 году коллектив первым из периферийных театров страны стал

орденоносным. В 1960 году при театре появилась вторая театральная студия [3].

В летние месяцы 1941–45 годов центр культуры города Молотова перемещался в Парк культуры и отдыха им. Горького. На территории парка находились Закрытый летний театр, летний кинотеатр «Отдых», концертная эстрада и оркестровая сцена. Летний сезон начинался в начале июня и заканчивался в конце сентября. На открытых эстрадах регулярно выступали артисты Ленинградского театра им. Кирова и другие ленинградские деятели культуры.

С первых дней войны организацией гастрольных и творческих мероприятий занималось Молотовское Областное Концертное Объединение, которое 1 октября 1943 г. было реорганизовано в Областную Филармонию. В 1941 г. штат организации состоял из 20 эвакуированных артистов, а на 1 января 1944 г. их было уже 118, большинство из которых составляли артисты Ленинградского театра им. Кирова. В военные годы появились первые штатные коллективы: Уральский Ансамбль Песни и Пляски и Симфонический Оркестр Молотовской Филармонии. Только за 1943 г. было проведено свыше 900 шефских концертов в частях Красной Армии, госпиталях и ежедневно на Агитпункте Станции Пермь II. После закрытия библиотеки им. Горького в читальном зале проходили поздние камерные концерты. Открытые тематические вечера проводились в клубах им. Сталина, им. Ленина, им. Свердлова, в цехах заводов, общежитиях, в агитпунктах на станции Пермь II и в Парке им. Горького, вузах, Доме пионеров, Доме Красной Армии. За четыре года были выпущены 45 программ и проведены 1312 лекционно-художественных мероприятия [4, Ф.1. Оп.22. Д.441. Л.108].

С середины 1943 г. начинается процесс освобождения эвакуированных артистов от работы в Филармонии в свя-

зи с их отъездом к месту постоянного жительства в город Ленинград. Благодаря работе ленинградских артистов деятельность Молотовской филармонии приобрела новый уровень и качество.

С конца 1940-х гг. в Молотове (Перми) сложилась стройная система организации концертной жизни. По субботам и воскресеньям проходили камерные вечера в Доме офицеров, по понедельникам – симфонические концерты в Театре оперы и балета, по четвергам – литературные или музыкально-образовательные концерты в здании Драмтеатра. Филармония одна из первых в стране приступила к созданию абонементной системы музыкально-образовательных концертов, так называемых университетов музыкальной культуры для студентов, рабочей молодежи, учащихся музыкальных и общеобразовательных школ.

Помимо деятельности профессиональных творческих коллективов в военный период в городе Молотове проводились ежегодные смотры художественной самодеятельности. С каждым годом в них участвовало все большее число людей всех возрастов от детского до преклонного. К участию в смотрах допускались как индивидуальные исполнители, так и творческие коллективы по 6-ти разделам: музыкальному, вокальному, литературно-драматическому, хореографическому, разделам изобразительных искусств и малых форм [4, Ф.1. Оп.22. Д.441. Л.68]. Смотру предшествовала большая подготовительная работа, которую организовывал консультационный пункт при Доме Искусств.

Весной 1943 г. в помощь общественникам-руководителям кружков художественной самодеятельности на предприятиях направили для руководства коллективами художественной самодеятельности 65 человек: 25 от театра оперы и балета им. Кирова, 15 – от Драмтеатра, по 5 от филармонии, сою-

за писателей, преподавателей вузов. Из них 25 человек систематически оказывали помощь и руководили кружками. В 1944 г. эта работа была продолжена и на помощь самодеятельности было направлено 33 работника искусства [4, Ф.1. Оп.22. Д.441. Л. 41].

Для руководителей драматических, хоровых и музыкальных коллективов с 1 по 6 июля был проведен семинар. В качестве лекторов-педагогов были привлечены выдающиеся деятели культуры. Художественный руководитель Драмтеатра А.Б. Винер читал лекцию «Работа режиссера над спектаклем». Секретарь Молотовского отделения ВТО А.Г. Мовшенсон, театровед, искусствовед, читавший до эвакуации курс в Ленинградском институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина, знакомил с задачами художественной самодеятельности в дни Великой Отечественной войны, репертуаром, формами организационной и учебно-производственной работы в кружках самодеятельности. Семинаром «было охвачено» 45 человек [4, Ф. 1. Оп. 22. Д.441. Л.18].

В соответствии с решением ВЦСПС, Комитета по делам искусств при СНК СССР 17 июня 1943 г., была создана городская комиссия по смотру художественной самодеятельности при исполнительном комитете Молотовского городского совета депутатов трудящихся в составе 17 человек. В комиссию вошёл заслуженный артист РСФСР и дирижёр театра им. Кирова И.Э. Шерман. Драмтеатр представляла Н.М. Микиладзе, Союз писателей – актриса, писательница и переводчица Н.Ф. Фридланд-Крамова.

Кроме того, в помощь коллективам самодеятельности при Отделе искусств создали консультационное бюро из артистов театра оперы и балета им. Кирова, драмтеатр и филармония. Особо активное участие в работе кон-

сультаций принимали дирижер театра им. Кирова А.А. Брок, А.Г. Мовшинсон и артистка театра им. Кирова Н.А. Пономарева. Члены городской комиссии были закреплены за определенными районами и крупными заводами, где они оказывали практическую помощь в подготовке к смотру [4, Ф. 1. Оп.22. Д.441. Л. 21]. Артист театра им. Кирова Б.Л. Петров руководил сразу двумя коллективами – женским хором завода № 98 и хором Фарминститута. Женский хор завода № 98 состоял из 25 человек. На смотре коллектив исполнил «Гимн Партии Большевиков» на музыку Александрова и хор девушек из оперы Глинки «Иван Сусанин» и «Как жизнь хороша» [4, Ф.1. Оп.22. Д.441. Л.22].

Ещё одним культурным центром города была Молотовская Областная Библиотека им. Горького. Этому способствовала концентрация культурных учреждений в здании библиотеки и значительное количество эвакуированных представителей творческой интеллигенции. Филармонией в залах библиотеки было организовано 52 концерта и творческих вечера членов молотовского союза композиторов, аудитория которых составила 16 500 человек. На вечерах в библиотеке выступали писатели А.С. Новиков-Прибой, Л.А. Кассиль, В.Л. Катаев, мастера художественного слова А. Шварц, Д. Журавлёв. Библиотека предоставляла помещение для проведения ряда заметных выставок, например, «Образ В.И. Ленина в изобразительном искусстве» Русского музея [1, Ф. Р-1024. Оп. 1 Д. 152. Л. 21-23].

В 1940 г. было создано Молотовское отделение Союза Советских Писателей. В него входили В. Каменский, Б. Михайлов, А. Спешиллов, Н. Попов, С. Караваев и восемь человек литературного актива. В конце 1941 г. в Молотовскую область были эвакуированы из Москвы и Ленингра-

да 43 члена Союза советских писателей, в результате число членов Молотовского отделения увеличилось до 71. Активное участие в его работе приняли ленинградские писатели В.А. Каверин, А.А. Первенцев, Е.Г. Полонская, М.Л. Слонимский, Ю.Н. Тынянов, О. Брик, Л. Брик, В. Панова, А.А. Д'Актиль (Френкель) и другие.

С января 1942 г. еженедельно по вторникам проводились творческие собрания писателей, на которых читались и обсуждались произведения членов Молотовского отделения. В феврале 1942 г. был создан Сектор пропаганды художественной литературы. Он организовывал творческие встречи писателей с трудящимися города в рабочих клубах, госпиталях, агитпунктах, воинских частях, школах и студенческих общежитиях. Писатели выступали в Библиотеке им. Горького, в Доме Красной Армии. 21 ноября 1942 г. состоялся творческий вечер В.А. Каверина. На нём присутствовало 28 человек. Каверин читал новые рассказы: «Друг», «Любовь», «Русский мальчик», «Девушка на флоте» [5, НВ-5710-17].

Многие писатели печатались в газете «Звезда», выступали по радио. Крупным событием стала межобластная Уральская научная конференция «Настоящее и прошлое Урала в художественной литературе», которая проходила 12–17 июня 1943 г. В ней принимали участие ученые и писатели, представлявшие Молотов, Свердловск, Челябинск, Москву, Ленинград и Киев. Ко дню открытия конференции, 12 июня 1943 г., была выпущена однодневная газета «Литературный Урал», на страницах которой выступили П.П. Бажов, М.С. Шагинян, М.Л. Слонимский и другие. [1, Ф. р-1024. Оп. 1 Д. 152. Л. 29-30].

В феврале 1942 г. в Молотов эвакуировалась писательница И.И. Гринберг. В Ленинграде она переводила с немецкого, писала рассказы для детей, работала в журналах. В Мо-

лотове руководила литературной секцией при Ремесленном училище № 1, работала над книгой о ленинградских детях, эвакуированных в Молотов, была редактором молодёжного радиовещания, написала для радиожурнала «Товарищ» 14 рассказов. Гринберг выступала в общежитиях, на заводах, в школах и детских садах. С апреля 1942 г. она работала в Молотовском областном управлении трудовых резервов в качестве литературного консультанта и редактора. Когда в декабре 1942 г. был организован Молотовский городской ансамбль песни и пляски трудовых резервов она руководила литературной группой. Под её руководством был подготовлен сборник «Наш привет», в который вошли стихи и песни, написанные учащимися молотовских ремесленных училищ и школ ФЗО [14].

Влияние ленинградских деятелей культуры будет представлено не полностью, если не сказать о работниках музеев. В залах Молотовской Художественной Галереи, отданных под хранилища, были размещены более 26 000 предметов из собрания Русского музея. Обязанности директора Молотовского филиала Государственного Русского музея исполнял П.К. Балтун. Искусствоведы А.Н. Савинов, Т.А. Дядьковская, М.П. Каменская, Б.Н. Эмме проводили лекции и беседы об искусстве. 10 января 1944 г. Государственный Русский музей и Молотовская художественная галерея в библиотеке им. Горького провели открытое научное заседание, посвящённое истории русского искусства. Доклад сделал старший научный сотрудник Русского музея, известный историк искусства, автор многих исследований, статей, каталогов, монографий об отечественном искусстве А.Н. Савинов [7]. В 1944 г. в Театре оперы и балета состоялось городское торжественное заседание, посвященное 100-летию со дня рождения И.Е. Репина, где Савинов про-

читан доклад о творчестве художника. Он также читал лекции в госпиталях, Пермском государственном университете, на предприятиях города.

В 1942 г. сотрудниками Русского музея была организована выставка «Произведения мастеров XVIII–XIX веков». В январе 1943 г. открылась выставка «Образ Ленина в изобразительном искусстве», а 23 июня – «Ленинград в дни блокады 1941–1942 гг.», на которой были представлены произведения ленинградских художников, созданные в годы войны. За первый месяц её посетило 12 000 человек. Научные сотрудники филиала провели около 100 бесед и экскурсий о работе художников Ленинграда [12]. 1 сентября состоялись литературный вечер, посвящённый Ленинграду и совместно с Молотовским союзом советских художников вечер, посвящённый творчеству ленинградских художников [2].

В 1944 году сотрудники Русского музея организовали две представительные выставки, посвященные корифеям русской живописи М.В. Нестерову и И.Е. Репину, ставшие событием в художественной жизни города. Выставка произведений Нестерова открылась 18 июня в Краеведческом музее. На ней были представлены картины «Пустынник», «Портрет дочери», этюды «Адриатическое море», «На Урале», виды Кавказа, портреты И.П. Павлова, художницы Е.С. Кругликовой, хирурга С.С. Юдина [6].

В августе пермяки впервые увидели в своем городе подлинные произведения И.Е. Репина, показанные к 100-летию со дня рождения художника: «Бурлаки на Волге», «Юбилейный обед», эскиз «На плоту», к картинам «Арест пропагандиста», «Отказ от исповеди», этюд к «Парижскому кафе», портреты Е. Лавровой, Н. Пирогова, В. Саврасова, Н. Репиной, эскиз к картине «Заседанию Государственного Совета» и этюды к ней. Впервые вне стен Русского музея была пока-

зана «Негритянка», приобретённая перед войной. Также на выставке были представлены портреты самого Репина кисти В.А. Серова и И.И. Бродского. «Недоверчивые зрители даже пытались спорить с музейщиками по поводу подлинности выставленных полотен и высказывали мнение, что «настоящие» картины остались в Ленинграде» [15]. Вместе с этими произведениями была показана картина «Выбор невесты» из собрания Молотовской художественной галереи.

Сотрудничество со специалистами Русского музея значительно помогало профессиональному росту местных специалистов. В феврале 1945 г., ещё до окончательного открытия, Молотовская художественная галерея решением правительства стала Государственной. За военные годы в неё поступило 400 работ [1].

На основании решения Молотовского горисполкома от 11 сентября 1941 г. была организована мастерская по выпуску агитплакатов и агитокон. В её работе принимали участие эвакуированные в Пермь ведущие мастера советского искусства из Ленинграда: Б. Иогансон, Г. Ряжский, В. Орешников, Ю. Васнецов, М. Черемных. С ними вместе работали местные мастера – Ф. Дорошевич, А. Бриндаров, И. Россик и другие. Агитмастерская работала в здании Художественной Галереи. Руководил её работой председатель правления Союза Советских Художников Молотовской области Н.Н. Серебренников. Художественным руководителем мастерской был сначала В. Одинцов, а затем – Б. Иогансон [4, Ф.105. Оп.8. Д.326. Л.4]. В мастерской наладили массовое изготовление плакатов, агитокон, распространение в больших тиражах многокрасочных печатных изданий московских «Окон ТАСС». В 1941–1942 годах художники оформляли также специальную витрину редакции газеты «Звезда», так называемые «Окна «Звезды», где выставлялись рисунки и

акварели, отражающие события войны. Кроме того, художники создавали транспаранты, лозунги и панно для улиц и площадей города, выполняли агитационно-оформительские работы в саду им. Горького, на железнодорожных вокзалах, возле заводских проходных.

6 июня 1942 г. в саду им. Горького начала работу выставка агитокон и плакатов, посвящённых Великой Отечественной войне. На ней были представлены работы лауреата Сталинской премии, профессора живописи Б.В. Иогансона, профессора живописи П.И. Львова. Последний работал литографом в Мастерской агитплакатов. Доцент Академии художеств В.М. Орешников в течение года с небольшим, прожитого в Молотове, написал несколько портретов, среди которых особенно выделяется портрет народной артистки СССР балерины Г. Улановой. В.А. Оболенский в Ленинграде работал художественным руководителем портретной мастерской Ленинградского Дома художника. С августа 1941 г. включился в работу художников по изготовлению агитплакатов в Молотове. Стихи к агитокнам писал ленинградский поэт А.А. Дактиль [3, В-6458-2].

Ленинградский художник Ю. Васнецов представлял свои цветные автолитографии и иллюстрации к детским книгам на выставке в Молотове в 1943 г. Кроме того, он активно сотрудничал с Молотовским театром кукол.

Обобщая всё сказанное, хочется отметить, что переоценить вклад ленинградских деятелей культуры в развитие или становлении отдельных учреждений и целых направлений культуры в Молотове (Перми) невозможно. Важно отметить также влияние на публику, которое ощущается через поколения.

Список литературы

1. В Молотовской галерее. // Газета «Звезда». – 1945. – 11 марта. – С. 4.
2. Закрытие выставки «Ленинград в дни блокады». // Газета «Звезда». – 1943. – 31 августа. – С. 4.
3. Ивинских Г. П. Пермский академический театр драмы в годы ВОВ. // Гусаров и его время. – Пермь. – 2005. – С. 49.
4. Конёк-горбунок. // Газета «Наш театр». – 1945. – 14 мая. – С. 2.
5. Молотовское отделение союза советских композиторов. // Газета «Звезда» – 1942. – 7 апреля. – С. 4.
6. На выставке. // Газета «Звезда» – 1944. – 24 июня. – С. 4.
7. Научное заседание по вопросам искусства. // Газета «Звезда» – 1944. – 9 января. – С. 4.
8. Объявления. // Газета «Звезда». – 1941. – 19 августа. – С. 4.
9. О хореографической студии. // Газета «Наш театр». – 1945. – 1 января. – С. 3.
10. Панова В. Цветы мая. // Газета «Наш театр». – 1945. – 14 мая. – С. 3.
11. Постановление Совета Народных комиссаров РСФСР № 469. // Наш театр. – 1945. – 20 августа. – С. 1.
12. Правдивая летопись сурового ленинградского года. // Газета «Звезда». – 194. – 31 июля. – С. 4.
13. Прокофьев С.С.: Материалы, документы, воспоминания. – Москва: Музгиз, 1956. – С. 119.
14. Разумов Н. В. Эвакуированный деятель культуры и ансамбль на базе ремесленного училища № 1. // Пермь – город культуры и инноваций. Материалы всероссийской научно-практической конференции / отв. Ред. Г.А. Янковская, О.В. Марасанова; Пермский государственный

- национальный исследовательский университет. – Пермь, 2024, С. 298 -304.
15. Савинов А. Вставка произведений Репина. // Газета «Звезда». – 1944. – 9 августа. – С. 3.
 16. Распоряжение № 5406-р. // Наш театр. – 1945. – 14 мая. – С. 3.
 17. «Яблоня и топор» новая пьеса Мих. Казакова в Молотовском драматическом театре. // Газета «Звезда». – 1943. – № 265 31 декабря. – С. 4.

Список источников

1. Государственный архив Пермского края (ГАПК)
2. Музей Пермского театра оперы и балета
3. Пермская государственная художественная галерея (ПГХГ)
4. Пермский государственный архив социально-политической истории (ПермГАСПИ)
5. Пермский краеведческий музей (ПКМ)

**МАЛЕГОТ: ТЕАТР В ЭВАКУАЦИИ
(О ПРЕБЫВАНИИ В ОРЕНБУРГЕ
ЛЕНИНГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
АКАДЕМИЧЕСКОГО МАЛОГО
ОПЕРНОГО ТЕАТРА)**

*Нетбаева Дина Амангалиевна
научный сотрудник Государственного
автономного учреждения культуры
«Оренбургский губернаторский
историко-краеведческий музей»
netbaeva@ogikm.ru*

Аннотация: В статье освещается деятельность эвакуированного в 1941 г. в г. Чкалов (Оренбург) Малого Ленинградского государственного академического оперного театра. Основные источники, на которые ссылается автор, фотографии и документы, рассматриваемые в аспекте их информационной ценности для изучения истории театра. Акцентируется внимание на знаковых событиях в культурной жизни города, участниками которых стали приезжие артисты: постановка классических опер и балетов, исполнение седьмой симфонии Шостаковича и др.

Ключевые слова: эвакуация, город Чкалов, МАЛЕГОТ, опера.

**MALEGOT: THEATER IN EVACUATION
(ABOUT THE STAY OF THE LENINGRAD
STATE ACADEMIC MALY OPERA
THEATER IN ORENBURG)**

Netbaeva Dina Amangaliyevna
Researcher at the State Autonomous
Cultural Institution
«Orenburg Gubernatorial Museum
of Local Lore»
netbaeva@ogikm.ru

Abstract: The article highlights the activities of the Small Leningrad State Academic Opera Theater, evacuated in 1941 in Chkalov (Orenburg). The main sources referred to by the author are photographs and documents considered in terms of their informational value for studying the history of the theater. Attention is focused on significant events in the cultural life of the city, which were attended by visiting artists: the staging of classical operas and ballets, the performance of Shostakovich's seventh symphony, etc.

Keywords: evacuation, the city of Chkalov, MALEGOT, opera.

«Чкалов – гордость Южного Урала, кузница военных и промышленных кадров, любовно и радостно встретил эвакуированный из Ленинграда Академический Малый театр. Чкалов создал все условия для его работы, и коллектив продолжал творить, создавать новые волнующие спектакли. Прошло три года. И театр возвращается в родной и прекрасный город Ленина» [1, с. 2]. Такими строками начинается статья на странице газетного номера «Чкалов-

ская коммуна» от 2 сентября 1944 г., посвященная творческой деятельности эвакуированного в г. Чкалов (так назывался Оренбург с 1938 по 1957 гг.) Малого Ленинградского государственного оперного театра или, как его чаще всего называли, МАЛЕГОТ.

Театральный эшелон, отправившийся с Московского вокзала г. Ленинград вечером 22 августа 1941 г., прибыл в тыловой город Чкалов 5 сентября. Здесь столичному коллективу предстояло провести три года. По воспоминаниям художественного руководителя театра и главного дирижера Бориса Эммануиловича Хайкина, «эвакуировались всем составом, с семьями. Остались только те работники, кто был необходим на «объекте» – для поддержания порядка в театре, для обеспечения сохранности имущества». [2, с. 105].

Уже 20 сентября в летнем театре городского парка «Тополя» в исполнении ленинградских артистов прозвучала опера П.И. Чайковского «Черевички». Открыв театральный сезон, артисты МАЛЕГОТа начали готовить постановки уже на сцене областного театра оперетты, который, в свою очередь, согласно распоряжению начальника отдела по делам искусств при Чкаловском облисполкоме Г.И. Незнамова, был переведен на стационарную работу в г. Орск.

Довольно подробные сведения об организации работы эвакуированного театра, о действиях местных органов власти по улучшению жилищно-бытовых условий прибывших артистов, об активной театральной деятельности приводятся в статье «Ленинградский государственный академический Малый театр оперы на Чкаловской (Оренбургской) земле». Её авторы Р.Р. Хисамутдинова и Д.К. Исманова на основе изучения официальных документов, хранящихся в областном архиве, широко освещают

театральную жизнь МАЛЕГОТа в период эвакуации. Согласно их исследованию, в истории театра было немало горьких и тяжёлых страниц, связанных с неустроенным бытом, нерегулярным продовольственным снабжением и другими обстоятельствами военного времени. Это подтверждают и сами артисты театра (балерина Н. Мириманова, дирижёры Б. Хайкин и К. Кондрашин, арфист оркестра И. Поломаренко) в своих воспоминаниях. Однако светлых моментов тоже было немало. И те самые артисты, говорившие о трудностях и горестях жизни в эвакуации, все же с благодарностью и признательностью вспоминали город Чкалов и его жителей.

В рамках данной статьи акцентируется внимание именно на тех радостных знаковых событиях в культурной жизни города, участниками которых стали артисты эвакуированного театра, и на той творческой деятельности, какую МАЛЕГОТ развил с первых дней пребывания в Чкалове, став, без преувеличения, движущей силой искусства.

Основными источниками, на которые ссылается автор, стали:

фотографии и документы – театральные афиши, пригласительные билеты, концертные программы, которые являются для нас важным источником по достоверности представляемой информации, многообразию содержащихся в них фактов (название культурного мероприятия, даты, места проведения, имена артистов и пр.) и возможности зрительного восприятия произошедших событий. Эти интересные по своему содержанию фотодокументы были переданы нашему музею в 2005 г. из архива Санкт-Петербургского государственного академического театра оперы и балета им. М. П. Мусоргского – Михайловского театра (бывшего МАЛЕГОТа).

В тот год 60-летия Победы музейные сотрудники обратились в театр с просьбой о предоставлении к готовящейся выставке материалов о пребывании МАЛЕГОТа в эвакуации. Каково же было удивление, когда в ответ на запрос из Санкт-Петербурга были присланы не только копии фотографий, но и подлинные документы того времени с правом использования их в выставочной работе и дальнейшего хранения в фондах нашего музея. Так образовался документальный фонд по истории МАЛЕГОТа, который позволяет не только восстановить, но и сохранить память об огромном «духовном» вкладе эвакуированных из Ленинграда артистов, композиторов, музыкантов, которые смогли в суровые годы войны поддержать духовные силы людей фронта и тыла своим искусством.

Итак, возвращаясь к рассказу об активной творческой деятельности МАЛЕГОТа в эвакуации, отметим, что в репертуаре театра в первую очередь были возобновлены поставленные и сыгранные труппой ещё в Ленинграде оперы «Севильский цирюльник», «Евгений Онегин» и «Кармен». Одновременно коллектив готовил новые постановки, ведь даже в условиях военного времени премьерные спектакли никто не отменял.

Трёхлетнее пребывание театра в нашем городе стало настоящим подарком для чкаловцев, ведь в течение этих трёх непростых лет зрителям были представлены 29 классических опер и балетов: «Пиковая дама», «Царская невеста», «Иоланта», «Кармен», «Травиата», «Риголетто», «Паяцы», «Чио-Чио-сан», «Ромео и Джульетта», «Проданная невеста», «Фадетта», «Канарское наследство», «Мазепа», «Алеко» и др.

Рис. 1.
Сцена из
спектакля
«Иоланта».

Удивительно, но Чкалов стал местом написания новых музыкальных произведений. Автор опер «Тихий Дон» и «Поднятая целина», поставленных на сцене Малого оперного в 1930-е гг., композитор Иван Дзержинский, оказавшийся в одном эшелоне с труппой МАЛЕГОТа, создал в эвакуации ещё две оперы на тему героической борьбы советского народа в годы войны – «Кровь народа» и «Надежда Светлова». На эту же тему другой ленинградский композитор Виктор Волошинов, также эвакуированный в Чкалов, поставил оперу в 3-х действиях «Сильнее смерти».

Рис. 2.
Сцена из
спектакля
«Сильнее
смерти».

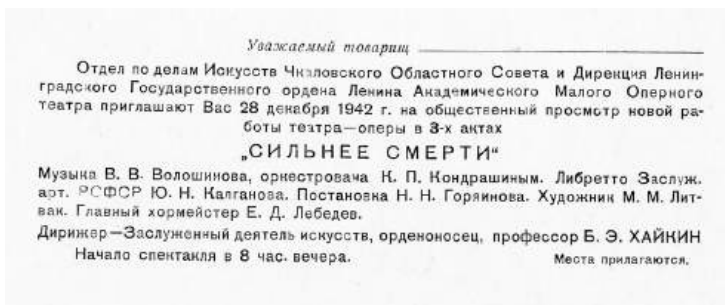

Рис. 3. Приглашительный билет на общественный просмотр оперы «Сильнее смерти». 1942 г.

Параллельно с основной работой театром была развернута большая концертная деятельность. За три года было дано около 40 симфонических концертов, которые всегда шли при переполненном зале [2, с. 113]. Мало кому известно, но в Чкалове в исполнении оркестра МАЛЕГОТа прозвучала самая героическая симфония XX в. – Седьмая симфония Дмитрия Шостаковича.

Как известно, её премьера состоялась 5 марта 1942 г. в Куйбышеве (ныне Самара). Тогда играл оркестр Большого театра под управлением Самуила Самосуда. В блокадном Ленинграде грандиозную по масштабу композицию Д. Шостаковича, подарившую надежду и веру жителям осажденного города, исполнили 9 августа. Все четыре части были проиграны в исполнении дирижера Карла Элиасберга. Уже 10 и 11 августа симфония прозвучала в тыловом Чкалове в исполнении оркестра Ленинградского Малого оперного театра под управлением Бориса Хайкина. Об этом мы узнаем из сохранившихся документов – театральной афиши и программы симфонического концерта, которые являются наглядным свидетельством состоявшегося в августе 1942 г. знаменательного музыкального события.

Рис. 4.
Фотокопия афиши

Рис. 5. Программа симфонического концерта. 1942 г.

Прозвучавшая в исполнении симфонического оркестра МАЛЕГОТА симфония произвела огромное впечатление как на слушателей, так и на артистов театра. По воспоминаниям ведущего солиста Б.О. Гефта: «В тот момент, когда прозвучали на сцене Ленинградского академического Малого оперного театра первые такты Шестой симфонии Чайковского, а затем Седьмой симфонии Шостаковича, казалось, что стены Чкалова раздвинулись, что город умылся, приоделся, обновился... Здесь была высота большого артистизма, то есть исполнение, углубляющее и обогащающее автора...» [2, с. 114]. Сам дирижёр Б. Хайкин отмечал: «В 1942 г. я получил первые оттиски седьмой симфонии Д. Шостаковича. Мы её быстро расписали и в течение сезона 1942/1943 года играли семь раз в Оренбурге и два раза в Орске. Это было событие для всех, а для меня в особенности. Ведь автора рядом не было, и я готовил премьеру наедине с партитурой!» [2, с. 113]. Кстати, в 1943 г. Борису Эммануиловичу довелось дирижировать Седьмой симфонией в Москве, в Большом зале консерватории. В этот раз репетиции и концерт прошли в присутствии Дмитрия Шостаковича, который, отметив дирижёрское мастерство

Хайкина, заявил, что «лучше невозможно себе представить» и «Москва такого исполнения еще не слышала».

В том же 1943 г. Борис Хайкин уехал в г. Молотов (ныне Пермь), где занял пост художественного руководителя эвакуированного в этот город театра оперы и балета им. С. Кирова. Но до конца жизни с чувством глубокой благодарности он вспоминал зрителей Чкалова, города, где в полной мере раскрылся его дирижёрский талант.

Известно, что в выступлениях артистов Малого театра принимал участие находившийся в эвакуации 14-летний Мстислав Ростропович. Вот одно из документальных свидетельств: программа состоявшегося 21 февраля 1943 г. концерта ведущего солиста МАЛЕГОТа Виталия Игнатьевича Кильчевского, в которой указано, что Слава Растропович (написание фамилии через «А» сохранено) открыл 1-ое отделение концерта исполнением соло на виолончели. Можно предположить, что Малый театр, приглашая к участию юного музыканта, помог профессиональному становлению Мстислава Ростроповича, ставшего всемирно известным виолончелистом и дирижером.

Сохранившиеся документы свидетельствуют, что с приездом МАЛЕГОТа культурная жизнь в Чкалове заметно оживилась. От спектакля к спектаклю повышался и всё возрастал интерес к театру. Каждый вечер жители города и эвакуированное население спешили

Рис. 6. Концертная программа солиста МАЛЕГОТа В.И. Кильчевского. 1943 г.

на представления, находя в них отдушину и возможность, хотя бы на короткое время, забыть о тяготах военного времени. Ряд опубликованных на страницах местных газет заметок («Рабочий зритель благодарен театру», «Взаимная любовь» и др.) говорят о признании и любви зрителей самых разных профессий: «Весь наш досуг, свободные от труда минуты, мы проводили в стенах этого очага музыкальной культуры, получая зарядку для напряжённой работы...» (работники завода «Автозапчасть») или «Так часто, уходя после спектакля из Ленинградского Ордена Ленина Малого академического театра, уносишь с собой взволнованное чувство, вызванное чудесным пением, музыкой. И долго это чувство не покидает тебя. Я полюбил Малегот...» (подполковник В. Орловский) [1, С.2].

Но помимо постановок на сцене, ещё одной формой культурно-просветительской работы театра в период эвакуации стала военно-шефская деятельность. Артисты МАЛЕГОТа проводили концертные выступления на заводах и в колхозах области, в госпиталях, помогая восстановиться раненым, исполняя по просьбам бойцов их любимые произведения. Кроме того, многие певцы, музыканты и танцоры театра в составе фронтовых бригад проехали десятки тысяч километров, побывали на Волховском, Карельском, Ленинградском и Южном фронтах. Концертным залом для них становились и блиндаж, и землянка, и даже чистое поле. Это был их вклад в Победу, ведь во время войны песни, стихи, спектакли давали бойцам новые силы, внутреннюю уверенность и готовность сражаться.

Эвакуация для артистов МАЛЕГОТа закончилась 4 сентября 1944 г. В этот день труппа отправилась домой, но перед тем, как покинуть суровый, но ставший близким город Чкалов, здесь состоялся заключительный концерт.

Уточнение солистов стало возможным вновь благодаря сохранившейся концертной программе, где изложено, кто из артистов принимал участие и какие именно музыкальные произведения были ими исполнены. Так, мы узнаем, что известные арии и фрагменты грандиозных сочинений русских и европейских композиторов прозвучали в исполнении полубившихся оренбургским зрителям солистов театра Модестова А.Ю., Гефта Б.О., Шапошникова С.Н., Красовской Е.А., Комиссаровой К.Ф., Овчаренко В.А. и др. Оперное искусство дополнялось балетным. В завершении концерта в исполнении всей труппы театра прозвучал финал оперы Петра Чайковского «Иоланта». Программа концерта и состав исполнителей говорят о масштабности праздничного мероприятия и о желании артистов своим заключительным выступлением выразить признательность чкаловцам.

В заметке «Ленинградцы в Чкалове», опубликованной накануне отъезда в газете «Чкаловская коммуна», директор театра Г. Коркин и главный дирижёр Э. Грикуров отметили: «Сейчас театр, по решению директивных органов, покидает гостеприимный Чкалов, который радушно встретил театр и дал ему возможность спокойно работать в тылу. Уезжая из Чкалова, театр сохранит о нём лучшие воспоминания...» [1, с. 2].

В заключение данной статьи приведём строки из благодарственного письма артистам МАЛЕГОТа от коллектива научно-технического комитета при Чкаловском облисполкоме, подтверждающие взаимную любовь жителей нашего города и значимость творческой деятельности эвакуированного театра: «На протяжении трёх лет вы не только обеспечивали нам культурный отдых, вдохновляя на дальнейшую творческую работу, но и являли блестящий обра-

зец преодоления огромных трудностей без снижения качества и результатов работы. Не забывайте тех, кто остается здесь с благодарной памятью о Вас и Вашем выдающемся искусстве».

Список литературы

1. Чкаловская Коммуна. – 1944 – № 174 (5224) (2 сент.)
2. Хисамутдинова Р.Р., Исманова Д. К. Ленинградский государственный академический Малый театр оперы на Чкаловской (Оренбургской) земле // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. – 2013 – № 4(8). – С. 105–122.

**«МУЗЫКА МЕЖДУ ПРОЧИМ ЛУЧШЕ ТЕКСТА»:
ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО А.П. ГЛАДКОВСКОГО
В ЭВАКУАЦИИ (1941–1944 ГГ.)**

Олейник Руфина Рушановна
кандидат исторических наук,
старший преподаватель,
Федеральное государственное казенное
образовательное учреждение
высшего образования
«Уфимского юридического
института МВД России», г. Уфа
timkaq1@mail.ru

Аннотация: В статье, на основе архивных источников, освещается (поздняя) творческая биография ленинградского композитора и педагога Арсения Павловича Гладковского. Во время Великой Отечественной войны композитор находился в эвакуации в Башкирии, где продолжал свою профессиональную деятельность.

Ключевые слова: композитор, А.П. Гладковский, эвакуация, Ленинград.

**«MUSIC IS BETTER THAN TEXT, BY THE WAY»:
THE LIFE AND WORK OF A.P. GLADKOVSKY
DURING THE EVACUATION (1941-1944)**

Oleynik Rufina Rushanovna
Candidate of Historical Sciences,
Senior Lecturer, Federal State Public
Educational Institution of Higher Education
Ufa Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, Ufa
timkaq1@mail.ru

Abstract: Based on archival sources, the article highlights the (late) creative biography of Leningrad composer and teacher Arseny Pavlovich Gladkovsky. During the Great Patriotic War, the composer was evacuated to Bashkiria, where he continued his professional career.

Keywords: composer, A.P. Gladkovsky, evacuation, Leningrad

Великая Отечественная война повернула на суровый лад весь строй жизни, но в тоже самое время внесла новые явления в музыкальную культуру Башкирии. Эвакуированная творческая интеллигенция с большим интересом отнеслась к местной народной музыке, которая ярко отразилась в их произведениях [1, с. 170]. Значимую лепту в развитие музыкального искусства республики внесли и ленинградцы. Из блокадного Ленинграда прибыло 5 композиторов: А.П. Гладковский, И.И. Розенфельд, А.М. Маневич, М.Ф. Гельфман, Р.О. Хейф и музыковед Л.С. Орлова [6, л. 11]. Они создали здесь ряд новых произведений, вошли в состав Союза композиторов Башкирской АССР.

Творчески насыщенным оказался эвакуационный период для Арсения Павловича Гладковского. Оргкомитетом Союза советских композиторов СССР Арсений Павлович с семьей был направлен для постоянной работы в качестве директора Детского интерната Ленинградского союза композиторов, который разместился в с. Никифарово Альшеевского района БАССР [5, л. 1]. С момента прибытия в Башкирию в июле 1941 г. до марта 1944 г. композитором было написано несколько фортепианных пьес на башкирские темы. Так, в 1942 году был подготовлен к печати сборник «Башкирские композиторы – фронту», содержащий 40 строевых, лирических, сатирических песен [2, с.142]. В данный сборник А.П. Гладковским была подготовлена «Башкирская сюита». Известный башкирский пианист М.А. Зайдентрегер, характеризуя творчество А.П. Гладковского военных лет, писал: «А. Гладковский создал цикл фортепианных пьес на башкирские темы. Мне довелось их играть по радио. Кстати, единственный экземпляр рукописи сочинений хранится до сих пор у меня. Надо сказать, что судьба пьес сложилась неудачно. Как известно, композитор в 1945 году скончался. В Башкирии же не нашлось энтузиастов, которые позаботились бы о тиражировании произведения. Может быть, эти строки помогут музыкальной общественности осуществить «второе рождение» цикла. Пьесы стоят того, чтобы быть изданными и исполняемыми» [3]. В начале 1990-х гг. музыковеду С.И. Махней удалось обнаружить уникальную рукопись фортепианных пьес А.П. Гладковского, который на тот момент находился на хранении у Н.И. Рубцова, директора Детской музыкальной школы №1 им. Н. Сабитова. Светланой Ивановной впервые были детально исследованы инструментальные произведения А.П. Гладковского. В своих пьесах композитор раскрывает образный и жанровый

потенциал народных напевов, используя при этом знаменитый башкирский курайный наигрыш [4].

Таким образом, военная эвакуация внесла свои коррективы в размерную жизнь республики. Творческая интеллигенция качественным и количественным образом обогатила башкирскую музыкальную культуру. Примером тому служат сочинения ленинградского композитора А.П. Гладковского.

Список литературы

1. Атанова Л.П. Собиратели и исследователи башкирского музыкального фольклора. Уфа: Йешлек, 1992. 190 с.
2. Гаитбаева Г.А. Башкирская оперная студия при Московской государственной консерватории (1932–1949): опыт реконструкции: дис. канд. искусствоведения. Магнитогорск, 2021. 216 с.
3. Зайдентрегер М. Музы не молчали // Наш вестник. 1986. № 5 (570). URL:<https://mus.academy/articles/nash-vestnik-173?highlight=Гладковский> (Дата обращения: 20.08.2023).
4. Махней С.И. Русские композиторы и Башкирия (к проблеме взаимодействия двух культур): дис. канд. искусствоведения. Магнитогорск, 1997.
5. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. Р-798. Оп. 8. Д. 1021.
6. НА РБ. Ф. 10295. Оп. 1. Д. 3.

**КОМПОЗИТОР ЛЕОНИД ЛЕОНГАРДОВИЧ МЕЛЬ,
ЖИТЕЛЬ ЛЕНИНГРАДА И ЧЕРНУШКИ**

*Булышев Вячеслав Алексеевич,
помощник депутата Законодательного
собрания Пермского края, краевед
slava.bulyshv@bk.ru*

Аннотация: В статье освещается жизненный путь композитора, музыканта, педагога, заслуженного работника культуры РСФСР, почетного гражданина Чернушки Леонида Леонгардовича Меля (1903–1981).

Ключевые слова: Ленинград, эвакуация, Чернушка, Леонид Мель.

**COMPOSER LEONID LEONGARDOVICH MEL,
RESIDENT OF LENINGRAD AND CHERNUSHKA**

*Vyacheslav Bulyshv,
Assistant to the Deputy of the Legislative Assembly
of the Perm Krai, regional historian
slava.bulyshv@bk.ru*

Abstract: The article highlights the life path of the composer, musician, teacher, honored worker of culture of the RSFSR, honorary citizen of Chernushka Leonid Leongardovich Mel (1903-1981).

Keywords: Leningrad, evacuation, Chernushka, Leonid Mel

Л.Л. Мель

В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в Чернушинский район из Ленинграда было эвакуировано более двух тысяч человек. Открылись интернаты для детей в нескольких деревнях района. В июле 1941 г. в деревню Фомино эвакуировали из Ленинграда жену и детей Леонида Леогардовича Мель (1 марта 1903 г. – 1 сентября 1981 г.)

Старейший уральский композитор и музыкант Мель Леонид Леонгардович стал неотъемлемой частичкой нашего города, его гордостью. Он был носителем культуры в нашем районе с 40-х годов, когда во время войны приехал сюда из блокадного Ленинграда, да так и остался в Чернушке, связав свою судьбу с песенным уральским краем. Высокий, красивый и седовласый, он был человеком большой культуры, тонкого юмора и беззаветной преданности музыке, любимому искусству. Память об этом замечательном человеке хранят многие жители нашего города, все те, кто его знал и любил.

Значительная часть его жизни была связана с Ленинградом. Вот что он сам писал об этом в автобиографии:

Родился 1 марта 1903 года в г. Нарва (Эстонской ССР). Отец – Мель Леонгард Юрьевич – владелец часовой и ювелирной мастерской и магазина. После смерти отца (в 1910 г.) и матери (в 1914 г.) жил на иждивении сестры в г. Воронеже до 1917 г., где учился. В 1917 переехал в Петерград, где продолжал учиться.

В 1918 г. поступил на работу в автопарк 7-й армии, где работал до 1920 г.

В январе 1920 г. вступил в комсомол и был избран членом бюро райкома. С февраля 1920 по август 1921 г. работал в райкоме комсомола заведующим районным клубом.

В 1924 году поступил в Госсиндикат, где работал до призыва в РККА.

С октября 1925 по октябрь 1926 г. состоял на действительной военной службе в команде краткосрочников. Демобилизовался в должности командира взвода.

С 1927 г. работал в Дагвинтресте, с 1928 года в областной конторе Узбексельпрома в качестве управляющего конторой.

После ликвидации конторы в январе 1931 г. был направлен на работу в Ленпромторг, где работал непрерывно по октябрь 1942 г.

Освобожден ввиду эвакуации из Ленинграда к месту жительства семьи – жены и 2-х детей, которые были эвакуированы из Ленинграда в июле 1941 г. и проживают в Чернушинском районе.

В данное время работаю в Чернушинском сельпо с 12.12.42, в качестве директора по общественному питанию.

Чернушка, 26 декабря 1942 г.

В годы Великой Отечественной войны Леонид Леонгардович был назначен начальником противовоздушной обороны объединения Ленпромторг. Имел звание лейтенанта запаса. Тушили зажигательные бомбы.

Его вывезли из Ленинграда в октябре 1942 г. по болезни к семье в Чернушинский район.

В годы войны Мель защищал Ленинград. Организовывал дежурство на крышах домов. Сам тушил зажигательные бомбы. Ему помогли выстоять труд, искусство и музыка.

В Чернушке в нерабочее время Леонид Леонгардович развертывает бурную деятельность по музыкальному воспитанию детей и взрослых, пишет песни, организует при районном Доме культуры академический хор. Многочисленные хоры появляются на предприятиях, в школах. Просто непостижимо, как в нем уживались скрупулезный

администратор стеклобазы и творец музыки. Сам он, как всегда, шутил: «Днем свекла и капуста, вечером – искусство».

Мель приезжает, иногда ходит пешком в село Тауш, где открыли детский дом. Попали сюда и ребята из Фомино, с которыми жили его дети Лена и Гардик. Леонид Леонгардович стал для детишек, многие из которых потеряли родителей, и отцом, и учителем. Директор Таушинского детского дома Мария Гавриловна Бубнова рассказывала, что, когда Мель появлялся у них, начиналось всеобщее веселье. Дети пели, плясали, слушали музыку. Они ходили за ним по пятам. Тогда же Леонид Леонгардович написал песню о Таушинском детском доме, которую все пели с большим энтузиазмом:

Мы, юная смена погибших героев,
Здесь, в Тауше, дружно живем,
Наши мускулы стальные,
Наши силы молодые
Тебе, Родина, несем...

В Чернушке Л.Л. Мель организовал хор, который позднее получил звание академического. Наладил творческие связи с композиторами и музыкантами, поэтами из Москвы, Свердловска, Перми и других городов.

Он воплощал в жизнь смелые замыслы в развитии песенного творчества, хорового пения и культуры вообще.

В 1958 г. Мель организовал и открыл народный университет культуры, чтобы добиться своей цели во всеобщем музыкальном образовании населения.

Александра Петровна Пестерева, работавшая в 50-е годы заведующей районным отделом культуры, вспоминала: «В те годы у чернушан популярным был старенький Дом культуры. Мы часто проводили здесь смотры художе-

ственной самодеятельности, в нашем районе организовывались большие праздники песни, концерты, заводилой и душой которых был Леонид Леонгардович Мель. Он был по-настоящему увлечен музыкой.

Добросовестный и внимательный, Леонид Леонгардович не гнушался выезжать в деревни и тем самым прививал музыкальную грамоту простым сельским труженикам. Летом в праздник песни на стадионе собирался сводный хор до 500 человек в сопровождении баянистов. Веселые, жизнерадостные люди с энтузиазмом занимались музыкой».

Л.Л. Мель был организатором и первым директором музыкальной школы в 1963 г. Многие ее преподаватели – бывшие выпускники, вернулись в Чернушку после учебы, чтобы учить детей музыке.

Леонид Леонгардович стал хлопотать об ее открытии по многочисленным просьбам жителей, у которых появился большой интерес к искусству. База для открытия музыкальной школы у него, по сути, была готова. Он уже несколько лет по своей инициативе вел класс пианистов в районном Доме культуры, в котором также имелись курсы баянистов.

Слава о популярном народном университете, об академическом хоре вышла далеко за пределы района. В 1964 г. Чернушинский народный университет культуры стал участником Выставки достижений народного хозяйства в Москве. Мелю вручили серебряную медаль ВДНХ.

Президиум Верховного Совета РСФСР Указом от 22 ноября 1965 г. по Пермской области присвоил почетное звание заслуженного работника культуры РСФСР за заслуги в развитии советской культуры и в связи с успешным проведением Всероссийского смотра сельской художественной

самодеятельности, шести лицам, в том числе руководителю хора Чернушинского районного Дома культуры, директору музыкальной школы и ректору народного университета Леониду Леонгардовичу Мелю.

Пермский обком партии и облисполком поздравили Л.Л. Меля с присвоением ему этого почетного звания и пожелали ему творческих успехов в труде, доброго здоровья, счастья в жизни.

Л.Л. Мель написал около 180 песен. Позывные Пермского радио 1970–80 годов – это тоже музыка Меля.

Решением Земского собрания № 18 от 23.08.2002 года, за большую просветительскую работу по пропаганде музыкального искусства и основание детской музыкальной школы Л.Л. Мель было посмертно присвоено звание «Почетный гражданин г. Чернушка». Его именем названа одна из улиц города. Память о нем свято хранят жители г. Чернушка.

Научное издание

12+

**Годы испытаний: Ленинград – Урал.
Эвакуация и реэвакуация**

*Сборник научных статей по материалам
IX Всероссийской научной конференции
(08–10 ноября 2024 г., город Пермь, Россия)*

Редакционная коллегия:

М.Г. Нечаев (научный редактор, канд. ист. наук),
Н.Ю. Семакова (руководитель проекта),
П.В. Миков (составитель),
П.С. Аликин (составитель).

Корректор - Е.Е. Ганиева

Верстка - В.С. Худяков

Оформление обложки - В.С. Худяков

Подписано в печать

Формат: 60x84 1/16, усл. печ. л.. 18,6.

Тираж 200 экз. Заказ № 1616

ISBN 978-5-6052906-1-2

9 785605 290612

Отпечатано в типографии

ИП Худяков С. А., ИНН 590400195676

Адрес: 614033, Россия,

г. Пермь, ул. Куйбышева, 140б.

Тел./факс: 8 (342) 20-55-441, 20-55-442

forward-s2011@yandex.ru

